

Св. Игнатий Лойола
РАССКАЗ ПАЛОМНИКА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

BIBLIOTHECA IGNATIANA
Богословие, Духовность, Наука

Св. Игнатий Лойола

РАССКАЗ ПАЛОМНИКА
О СВОЕЙ ЖИЗНИ

BIBLIOTHECA IGNATIANA
Богословие, Духовность, Наука

Св. Игнатий Лойола

РАССКАЗ ПАЛОМНИКА
О СВОЕЙ ЖИЗНИ

РАССКАЗ ПАЛОМНИКА О СВОЕЙ ЖИЗНИ,

или «Автобиография» св. Игнатия Лойолы,
основателя Общества Иисуса
(Ордена иезуитов)

Колледж философии, теологии и истории
Святого Фомы Аквинского
в Москве

2002 г.

Научный совет издания:

о. Михаил Арранц (S.J.) — председатель

Анатолий Ахутин

Владимир Бибихин

о. Октавио Вильчес-Ландин (S.J.)

Андрей Коваль — ученый секретарь

Николай Мухелишвили

о. Станислав Опеля (S.J.)

Св. Игнатий Лойола

Рассказ паломника о своей жизни, или «Автобиография» св. Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса (Ордена иезуитов) — М.: Колледж философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского в Москве, 2002. — 256 с.

Перевод со староиспанского и староитальянского А.Н. Коваля

© НРРОИ — перевод

© Ediciones Mensajero — гравюры

ISBN 5-94242-001-7

Издание оригинального текста осуществил о. Кáндидо де Далмáсес (О. И.): SAN IGNACIO DE LOYOLA, Obras. Biblioteca de los autores cristianos (BAC), Madrid, 1991, pp. 95–177.

Перевод со староиспанского и староитальянского выполнил А. Н. Коваль.

*Все примечания, не оговариваемые особо (а таковых подавляющее большинство), принадлежат о. Кáндидо де Далмáсесу (О. И.). Примечания переводчика обозначаются буквами русского алфавита и инициалами: **А.К.** В тех случаях, когда примечание составлено и издателем, и переводчиком, оно обозначается так: **К. де Д., А.К.***

В угловых скобках стоят слова, отсутствующие в оригинале, но по тем или иным причинам необходимые в переводе.

В квадратных скобках даются всевозможные дополнения и пояснения.

ПРЕДИСЛОВИЕ о. НАДАЛЯ¹

О. Надаль просит святого Игнатия рассказать своим духовным сынам о том, как Бог руководствовал им с самого начала его обращения. После долгих и настоятельных просьб святой Игнатий даёт своё согласие.

1*. И другие отцы, и я сам — <не раз> мы слышали, как отец наш Игнатий говорил о своём желании снискать от Бога три благодеяния прежде, нежели умрёт: во-первых, чтобы Общество было утверждено Апостольским Престолом; во-вторых, чтобы то же произошло и с Духовными упражнениями; в-третьих, чтобы ему удалось написать Конституции.

2*. Памятуя об этом и видя, что всё это он обрёл², я стал опасаться, как бы не был он уже призван из нашей среды к лучшей жизни. И вот, зная о том, что святые отцы, основатели того или иного института монашествующих, в порядке завещания оставляли своим потомкам некоторые указания, кои должны были помочь им <достичь> совершенства, я стал искать случая попросить о том же о. Игнатия.

И случилось так, что однажды в 1551 г.³, когда мы были вместе, о. Игнатий сказал мне: «Сейчас я побывал выше неба» — давая, как я полагаю, понять, что он только что испытал некий экстаз или восхীщение, как это часто с ним случалось. С крайним благоговением я спросил: «Что Вы хотите этим сказать, отче?» Он перевёл разговор на другую тему. Тогда, подумав, что удобный момент наступил, я настоятельно попросил его, чтобы он соблаговолил рассказать о том, как Бог руководствовал им с самого начала его обра-

---

¹ Точная дата, когда о. Надаль написал по-латински настоящее *Предисловие*, неизвестна. Вероятно, это произошло в период с 1561 по 1567 гг. Латинский оригинал можно прочесть в *FN*, I, pp. 354–363.

² Общество Иисуса было официально утверждено Папой Павлом III 27 сентября 1540 г.; книга *Духовных упражнений* была одобрена тем же самым Папой 31 июля 1548 г.; за период с 1547 по 1550 гг. св. Игнатий написал *Конституции* Общества.

³ Вероятно, это произошло скорее в 1552 г., поскольку на протяжении всего 1551 г. Надаль находился на Сицилии, откуда вернулся в Рим лишь 5 января 1552 г.

щения, дабы рассказ этот мог послужить нам завещанием и отеческим наставлением. «Ибо», сказал я ему, «Бог уже даровал Вам те три вещи, которые Вы желали увидеть прежде, нежели умрёте, и вот мы боимся, как бы он не призвал Вас теперь во славу».

3*. Отец извинился, сославшись на свою занятость и сказав, что не может посвятить этому своё внимание и время. Вместе с тем он добавил: «Отслужите три Мессы с этой интенцией — Вы, Поланко и Понсьо⁴, — и после молитвы сообщите мне, что Вы об этом думаете». — «Отец, мы будем думать так же, как думаем сейчас». Но он с великою кротостью прибавил: «Сделайте то, что я Вам говорю». Мы служим Мессы, и вот, после того как мы сообщили ему о том, что думали, он пообещал исполнить нашу просьбу.

На следующий год⁵, по возвращению моему с Сицилии, когда вот-вот надлежало мне отправиться с поручением в Испанию, я спросил отца, сделал ли он что-нибудь. «Нет, ничего», — сказал он мне.

Когда я вернулся из Испании в 1554 г., я сызнова спросил его; он ничего не сделал⁶. Но на сей раз, движимый невесть каким побуждением, я опять проявил настойчивость: «Вот уж почти четыре года прошло, как я прошу Вас, отче, не только от своего имени, но и от имени остальных, чтобы Вы поведали нам о том, как Господь вёл Вас с самого начала Вашего обращения: ведь мы уверены, что знать об этом будет в высшей степени полезно и для нас, и для Общества. Но, видя, что Вы этого не делаете, хочу заверить Вас в одном: если Вы пожелаете нам то, чего мы так желаем, то мы извлечём из этого дара немалую для себя пользу; если же Вы этого не сделаете, то мы не падём духом, но будем так уповать на Господа, как будто Вы обо всём этом написали».

---

⁴ Понсьо Когордан, француз, прокуратор обители.

⁵ 1553 г. См. прим. 2. Принеся обеты в Риме 25 марта 1552 г., Нададь снова был отправлен на Сицилию. В январе 1553 г. он ещё раз был вызван в Рим, откуда в апреле отправился в Испанию и Португалию, чтобы опубликовать *Конституции* и посетить эти провинции Общества.

⁶ В этом Нададь допускает неточность, поскольку св. Игнатий начал диктовать свои воспоминания в 1553 г. См. *Предисл. Кám.*, 1* и 3*.

4*. Отец ничего не ответил, но, как мне кажется, в тот же самый день позвал о. Луиса Гонсалеса⁷ и начал рассказывать ему то, что тот, обладая столь великолепной памятью, затем записывал. Это *Деяния о. Игнатия*, переходящие из рук в руки.

О. Луис был избирателем на первой Генеральной Конгрегации⁸, и на ней же он был избран ассистентом Генерала, о. Лаинеса. Впоследствии он был наставником и <духовным> руководителем короля Португалии, дона Себастьяна, отцом, отличавшимся добродетелью.

О. Гонсалес писал частью по-испански, частью по-итальянски — в зависимости от того, какими писцами мог располагать. Перевод сделал о. Аннибал де Кодретто⁹, человек весьма учёный и благочестивый. Оба они ещё живы: и писатель, и переводчик.

---

⁷ О. Луис Гонсалес да Ка́мара родился ок. 1519 г. и умер в 1575 г. В Общество Иисуса вступил 27 апреля 1545 г. в Лиссабоне. 23 мая 1553 г. о. да Ка́мара прибыл в Рим, где получил должность министра обители, и пробыл там до 23 октября 1555 г., когда отправился в Португалию. После смерти св. Игнатия, в 1558 г., о. Ка́мара снова вернулся в Рим, чтобы присутствовать на первой Генеральной конгрегации, где он был избран ассистентом Португалии. В 1559 г. по настоятельным просьбам королевского двора ему пришлось возвратиться на родину, чтобы заняться воспитанием короля, дона Себастьяна.

⁸ Она происходила в 1558 г.

⁹ Точнее, Аннибал дю Кудрэ. Его фамилия писалась по-разному: du Coudrey, du Codret; *лат.* Codretus; *итал.* Codreto или Coudreto. В настоящем издании верным сочтено написание du Coudret, принятое историком французской Ассистенции, о. ФУКЕРЭ (vol. 1, p. 103³). Дю Кудрэ родился в 1525 г. в Салланше, деревне в Верхней Савойе, и вступил в Общество в 1546 г. В 1548 г. он был направлен на Сицилию, откуда вернулся в Рим в 1558 г. В 1561 г. он уехал во Францию и умер в Авиньоне в 1599 г. О дю Кудрэ можно справиться в книгах: ПРАТ, vol. 1, pp. 436–442; ФУКЕРЭ, указ. место.

ПРЕДИСЛОВИЕ о. ЛУИСА ГОНСАЛЕСА ДА КАМАРЫ

1*–2*. *Святой Игнатий решает поведать о своей жизни.* —

3*–5*. *Как и когда была написана «Автобиография».*

1*. В пятьдесят третьем году, в пятницу утром, четвёртого августа, в канун праздника Божией Матери Снежной, когда отец находился в саду подле дома или помещения, именуемого Герцогским¹, я принялся давать ему отчёт об известных особенностях моей души, и среди прочего говорил ему о тщеславии.

В качестве целительного средства отец посоветовал мне многократно сообщать Богу обо всех моих делах, стараясь преподнести Ему всё доброе, что я в себе нахожу, признавая это Его <дарами> и воздавая Ему благодарность за это. И так он говорил мне об этом, что весьма меня утешил, и я не смог сдержать слёз. Тогда отец рассказал мне, как он в течение двух лет боролся с этим пороком, так что, сядя в Барселоне на корабль, шедший в Иерусалим, он не решился никому сказать о том, что направляется в Иерусалим². Так же поступал он и в других схожих обстоятельствах. И прибавил: какое же спокойствие на сей счёт почувствовал он затем в своей душе!

Через час-другой после этого мы пошли обедать, и, обедая с магистром Поланко³ и мною, наш отец сказал, что магистр Надаль и другие члены Общества не раз просили его кое о чём, однако он так и не решился на это. Но после разговора со мной, уединившись в своей комнате, он почувствовал столь благоговейную

---

¹ Вероятно, эта часть старой обители в Риме называлась Герцогской (del Duque) потому, что в ней жил герцог Гандийский, св. Франциск Борджа, когда в 1550–1551 гг. он находился в Риме по случаю празднования Святого Года. Хотя св. Франциск уже принёс торжественные монашеские обеты 1 февраля 1548 г., тогда он ещё не заявил публично о своём вступлении в Общество.

² См. ниже, § 36.

³ О. Хуан Альфонсо де Поланко, уроженец Бургоса, вступил в Общество в 1541 г. С начала 1547 г. он был назначен секретарём Общества, каковую должность исполнял на протяжении тех лет, когда Генералами были св. Игнатий, о. Диего Лаинес и св. Франциск Борджа, вплоть до 1573 г. Умер в Риме в 1576 г.

наклонность сделать это! И, говоря так, что видно было: Бог ясно указал ему на его долг совершить это, — <он заявил>, что <теперь> вполне решился.

А дело это заключалось в том, чтобы рассказать, что произошло в его душе вплоть до нынешнего дня. Кроме того, он решил, что <именно> я должен быть тем человеком, которому он всё это откроет.

2*. Тогда отец чувствовал себя очень плохо и вовсе не имел привычки надеяться, что проживёт ещё хотя бы день. Как только кто-нибудь скажет: «Я сделаю это через пятнадцать дней, или через восемь дней», — отец всегда, словно в изумлении, говорит: «Как! И Вы рассчитываете столько прожить?» И всё же на сей раз он сказал, что надеется прожить три или четыре месяца, чтобы закончить это дело.

На другой день я заговорил с ним и спросил его, когда он хочет взяться за дело. Он ответил мне, чтобы я напоминал ему об этом каждый день (не помню, в течение скольких дней) до тех пор, пока у него не будет возможности сделать это. Однако, не располагая в настоящее время такой возможностью из-за <различных> занятий, он пришёл затем к решению, чтобы ему напоминали об этом каждое воскресенье.

И вот в сентябре⁴ (не помню, какого числа) отец вызвал меня и начал пересказывать мне всю свою жизнь и холостяцкие проделки: ясно и отчётливо, во всех подробностях. Впоследствии, в тот же самый месяц, он вызывал меня ещё три-четыре раза и довёл свою историю до той <поры>, когда он несколько дней провёл в Манресе — как видно из того, что эта часть написана другим почерком⁵.

3*. Рассказывает отец точно так же, как он обычно делает всё прочее, то есть с такой ясностью, что кажется, будто своими глазами видишь всё происходившее. Поэтому его ни о чём не нужно было

---

⁴ В тексте «Автобиографии», § 10, говорится, что кое-какие записи были сделаны в августе. Возможно, св. Игнатий начал рассказывать о своей жизни в конце этого месяца. См. *FN*, I, pp. 328¹⁵, 374.

⁵ Нет полной ясности в том, где именно был сделан этот первый перерыв. Однако можно с уверенностью утверждать, что он, должно быть, находился до § 30 по настоящему изданию.

расспрашивать, ибо отец не забывал сказать всё, что нужно было, чтобы <его> поняли. Сразу же после этого я отправлялся всё записывать, ничего не говоря отцу: сначала вкратце, собственноручно, а затем более подробно, как написано теперь. Я старался не вставлять ни единого слова кроме тех, что услышал от отца. Если же что-то, как я опасаясь, оказалось пропущено, то лишь потому, что, стараясь не уклоняться от слов отца, я не сумел как следует разъяснить силу некоторых из них.

Так я и писал, как сказано выше, до сентября пятьдесят третьего года. А с того времени вплоть до приезда о. Надаля восемнадцатого октября пятьдесят четвёртого года отец всегда извинялся болезнями и различными текущими занятиями, говоря мне: «Когда покончим с таким-то делом — напомним мне об этом». И по окончании этого дела я напоминал ему, а он говорил: «Сейчас у нас другое дело; когда покончим с ним — напомним мне об этом».

4*. Но, когда приехал о. Надаль, он весьма обрадовался тому, что начало было положено, и велел мне, чтобы я не отставал от отца со своими просьбами, повторив мне неоднократно, что отец не может сделать ничего лучшего для Общества, нежели это, и что сие означало бы подлинно основать Общество⁶. О том же он многожды говорил и отцу, и отец сказал мне, чтобы я напомнил ему об этом, когда будет завершено дело с дотацией на Коллегию⁷, а по его завершении — когда закончится дело Пресвитера⁸ и будет отправлена почта.

---

⁶ Настойчивость, с которой о. Надаль просил св. Игнатия рассказать о событиях его жизни, проистекает из того принципа, который о. Надаль многократно и настойчиво повторял, а именно: в лице св. Игнатия Общество располагает не только основателем, избранным Богом, но и примером, коему следует подражать. Этот принцип он повторяет не только в своём предисловии к *«Автобиографии»*, но и в беседах с отцами и братьями Римской Коллегии, происходивших в 1557 г. и опубликованных в *FN*, II, pp. 1–10.

⁷ Речь идёт об основании Римской Коллегии с твёрдой рентой, чего желал Папа Юлий III; этот замысел расстроился со смертью этого Папы (23 марта 1555 г.). См. *Посл.*, VIII. 664; *Хрон.*, V. 12 слл.; РИБАДЕНЕЙРА, *О деяниях*, § 37; *FN*, II, pp. 341–343; *Жизнь*, I. 5. 9.

⁸ Пресвитер Иоанн (Preste Juan) — легендарный правитель некоего христианского царства «где-то на Востоке» (не то в Средней Азии, не то в Эфиопии, не то в Индии или

Снова мы принялись за эту историю девятого марта. Вскоре после этого тяжело заболел Папа Юлий III, умерший двадцать третьего числа⁹, и отец отложил наши занятия до тех пор, пока не будет нового Папы. Однако, когда появился новый Папа, вскоре и он заболел и умер (это был Марцелл)¹⁰. Отец отложил <нашу затею> до избрания Папы Павла IV¹¹, а затем из-за сильной жары и многочисленных занятий всё время откладывал её вплоть до двадцать первого сентября, когда завели речь о том, чтобы отправить меня в Испанию. Посему я настойчиво и многократно просил отца исполнить то, что он мне пообещал. Тогда он назначил мне <встречу> двадцать второго числа утром, в Красной башне¹². Закончив служить Мессу¹³, я предстал перед ним, чтобы спросить, не настал ли <урочный> час.

5*. Он отвечал, чтобы я пошёл дожидаться его в Красной башне, дабы, когда он придёт, я находился там. Я понял, что дожидаться его там мне придётся долго. Однако, покуда я задержался в

Китае). О популярности этой легенды, восходящей к смутным известиям о миссионерской деятельности несториан в Азии, можно судить хотя бы по тому, что Сервантес в предисловии к *Дон Кихоту* упоминает Пресвитера Иоанна Индийского (Preste Juan de las Indias) как персонажа, в чьи уста можно вложить вступительные «сонеты, эпиграммы и элоги». А здесь речь идёт о миссии в Эфиопию, куда первые миссионеры отправились в конце 1554 или в начале 1555 г. (см. *FN*, I, p. 361, прим. 11). — *К. де Д., А.К.*

⁹ Папа Юлий III (Джованни Мария Чокки); годы понтификата: 1550–1555.

¹⁰ Марцелл II (Марчелло Червини) был избран 9 апреля 1555 г. и умер 30 числа того же месяца.

¹¹ Павел IV (Джанпьетро Карафа), возведённый в сан Верховного Понтифика 23 мая 1555 г.

¹² Так называемая «Красная башня», присоединённая к обители Общества, была куплена 5 декабря 1553 г. См. *FN*, II, p. 484 и указанные там пассажи; *FN*, III, pp. 179, 767, 768.

¹³ Все рукописи на испанском языке, сохранившиеся до настоящего времени, обрываются на этом месте, оставляя фразу незаконченной. О. Игнасио Пьен, который в 1730–1731 гг. находился в Риме, собирая документы о св. Игнатии для своего брата Хуана, болландиста, держал в руках испанскую рукопись, ныне утраченную, которая содержала полное предисловие отца Кáмары на указанном языке (см. *FN*, I, p. 348). Поскольку оригинальный текст отсутствует, фрагмент, идущий до конца предисловия, переведён с латинского.

каком-то портике, разговаривая с одним братом, который меня о чём-то спросил, отец пришёл и упрекнул меня за то, что я, проявив непослушание, не дожидался его в Красной башне; и в тот день он уже больше не хотел ничего делать.

Затем мы опять принялись настойчиво его упрашивать. Тогда он вернулся в Красную башню и стал диктовать, расхаживая туда-сюда, как он всегда диктовал раньше. Чтобы видеть его лицо, я то и дело слегка приближался к нему, а отец говорил мне: «Соблюдайте правило!»¹⁴. И как-то раз, когда, забыв о этом его предупреждении, я приблизился к нему — а со мной случилось так дважды или трижды — отец повторил мне то же самое предупреждение и вышел прочь.

Наконец он вернулся, чтобы закончить диктовать мне в этой башне то, что было записано. Но, так как мне вот-вот нужно было отправляться в путешествие (ведь канун моего отъезда был последним днём, когда отец говорил со мною об этом предмете)¹⁵, мне не удалось в полном объёме записать всё в Риме. А в Генуе, не имея в своём распоряжении испанского писца, я продиктовал по-итальянски то, что привёз из Рима записанным вкратце, и закончил составление <текста> в декабре 1555 г., в Генуе¹⁶.

---

¹⁴ Правило 2 (о скромности) в том виде, как оно было составлено во времена св. Игнатия, гласило: «Глаза следует обычно держать опущенными, не поднимая их слишком высоко и не переводя их слишком часто из стороны в сторону; и, говоря с кем-либо, особенно если это персона уважаемая, следует не устремлять глаза ему в лицо, но опускать, как обычно» (MI, *Regulae Societatis Iesu* [1540–1556], p. 518). Хотя правила о скромности не были опубликованы в торжественном порядке вплоть до 1555 г., можно сказать, что они вошли в силу уже раньше. См. там же, p. 514.

¹⁵ Из § 99 явствует, что последний разговор св. Игнатия с о. Кáмарой состоялся 20 октября.

¹⁶ Часть «Автобиографии», продиктованная о. Кáмарой по-итальянски, начинается с § 79 и простирается до конца сочинения. Указанный отец и о. Нададь выехали из Рима 23 октября 1555 г.: первый из них был отправлен в Португалию, а другой — в Испанию. В тот же самый день во Фландрию выехал молодой Педро де Рибаденейра, чтобы хлопотать о допуске Общества в эту страну. См. *FN*, I; *Хрон.*, p. 59*; *Посл.*, X. 38. О. Кáмара вернулся в Рим уже после смерти св. Игнатия, в 1558 г., чтобы присутствовать на первой Генеральной Конгрегации, на которой он был избран ассистентом Португалии. См. *Предисл. Над.*, § 4*.

РАССКАЗ ПАЛОМНИКА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

superior, licentia

ГЛАВА I

1. Молодость святого Игнатия. Ранение в Памплоне. — 2. Его доставляют в Лойолу, где он с великим мужеством переносит болезненнейшую операцию. — 3. Принимает <последние> Таинства. В канун дня святых Петра и Павла начинает чувствовать улучшение. — 4–5. Хочет, чтобы ему отрезали неправильно сросшуюся кость. Выздоровливая, читает благочестивые книги. — 6. Его донимают различные дүхи.

1. До двадцати шести лет¹ он был человеком, преданным мирской суете, и прежде всего ему доставляли удовольствие ратные упражнения, ибо им владело огромное и суетное желание стяжать славу. И вот, когда он был в одной крепости, осаждаемой французами, и все полагали, что нужно сдаться, дабы спасти <свои> жизни, ибо было ясно видно, что защищаться они не смогут, он привёл алькальду² столько резонов, что всё же сумел убедить его за-

---

¹ Эти слова сбили с толку многих биографов св. Игнатия, ибо из них должно было бы следовать, что он родился в 1495 г. Так, о. Поланко после долгих колебаний принял это утверждение всерьёз и прямо писал в одном из своих *Диалогов*: «Вплоть до двадцать шестого года своей жизни, т. е. до 1521 г., он был весьма тщеславен». Более поздние биографы принимали подсчёты Поланко уже как данность. Между тем в § 30 «*Автобиографии*» говорится, что в 1555 г. Игнатию исполнилось 62 года, и тогда его рождение следует отнести к 1493 г. Итак, налицо противоречие! Мало того: из целого ряда фактов, которые здесь перечисляться не будут, явствует, что наиболее вероятной датой рождения св. Игнатия был 1491 г., т. е. ко дню ранения в Памплоне ему исполнилось тридцать лет. В XX веке некоторые исследователи, желая согласовать эту датировку с обсуждаемыми здесь словами святого, приходили даже к выводу, что Игнатий пережил не одно, а два обращения: первое — в возрасте 26 лет (о нём якобы говорится в первой фразе «*Автобиографии*»), и второе — после ранения в Памплоне (о чём — во второй фразе)! Однако всякому непредубеждённому читателю ясно, что эти две фразы неразрывно связаны между собой и относятся к одному и тому же событию. Скорее всего, разницей в датах объясняется ошибкой самого св. Игнатия, который, по словам Рибаденейры, «...всегда верно передавал суть дела, но мог допустить промахи в мелочах — например, при подсчёте времени». — *К. де Д., А.К.*

² Это был Мигель де Эррера. Заняв город Памплону, французы предложили сдать крепость. Эррера попросил о переговорах с главой вражеских войск, Андре де Фуа, сеньором Аспарроса, и взял с собою на указанные переговоры троих

И вот, когда обстрел шёл уже довольно долго, одна бомбарда угодила ему в ногу, полностью её сломав; а так как осколок прошёл через обе ноги, то и другая была тяжко повреждена (§1).

щищаться, хотя это и противоречило мнению всех кабальеро, каковых, впрочем, приободрили его боевой дух и его отвага.

Когда же настал день, в который ожидался обстрел, он исповедовался одному из своих товарищей по оружию³. И вот, когда обстрел шёл уже довольно долго, одна бомбарда угодила ему в ногу, полностью её сломав; а так как осколок прошёл через обе ноги, то и другая была тяжко повреждена^а.

2. Как только он упал <наземь, защитники> крепости тут же сдались французам, которые, овладев ею, весьма благосклонно отнесли к раненому, обращаясь с ним вежливо и дружелюбно.

После того, как он провёл в Памплоне дней десять-пятнадцать, его на носилках доставили в его родной край. Там он чувствовал себя очень плохо, и, когда созвали всех врачей и хирургов из многих мест, они решили, что ногу нужно опять сломать и сызнова поставить кости на свои места: как они говорили, то ли потому, что кости были дурно составлены прежде, то ли потому, что они разошлись по дороге, но <сейчас> они были не на своих местах, и излечиться так было невозможно. И снова устроили эту резню (*carnesecia*), в которой он — равно как и во всех прочих, каковые ему довелось претерпеть и ра-

---

человек из числа защитников, одним из которых был Ёньиго. Согласно о. Поланко, именно Игнатий был тем, кто «расстроил соглашение, ибо оно показалось ему постыдным, и это стало причиной того, что они взялись за оружие и сражались за крепость, сопротивляясь до тех пор, покуда стены её не были разбиты артиллерией, а его <т. е. Игнатия> нога не была сломана» (Поланко, *Краткое изложение: FN*, I, р. 155).

³ Исповедоваться в грехах мирянину в отсутствие священника было в Средние Века обычаем, рекомендованным св. Фомой Аквинским (*На IV Сент.*, XVII, вопр. 3, на 3, вопр. 2, реш. 2). В своём *Руководстве по исповедам*, опубликованном в 1482 г., брат Эрнандо де Талавера рекомендует этот обычай такими словами: «Грешит тот, кто её [т. е. исповедь] принимает без священника — за исключением случая <крайней> необходимости, когда кто-либо, находясь в смертельной опасности и не имея возможности обратиться к священнику, хочет исповедоваться тому, кто таковым не является. Даже и это не обязательно: если нельзя обратиться к священнику, достаточно и одного лишь сокрушения <о грехах>» (р. 32).

^а Св. Игнатий был ранен 20 мая 1521 г. Любопытным, хотя и несколько натянутым, представляется замечание автора одного из популярных изложений биографии св. Игнатия (ПЕРРОА, с. 140): в тот же самый день Мартин Лютер официально порвал с Римской Церковью. — *А.К.*

нее, и впоследствии — не вымолвил ни слова и ничем не выказал своих страданий, разве что крепко сжимал кулаки.

3. Ему становилось всё хуже, так что он не мог есть; были и прочие симптомы, указывающие обычно на приближение смерти. Когда же настал день святого Иоанна, врачи, весьма слабо веря в его выздоровление, посоветовали ему исповедоваться. Когда он принял Таинства, в канун дня свв. Петра и Павла, врачи сказали, что, если к полуночи не последует улучшения, то его можно считать покойником. Означенный больной всегда чтил святого Петра, и вот Господу нашему было угодно, чтобы в эту самую полночь его состояние стало улучшаться. Улучшение это продвигалось настолько быстро, что через несколько дней сочли, что смерть ему более не грозит.

4. Но, когда кости уже стали срастаться друг с другом, одна кость, ниже колена, осталась у него торчать над другой, и нога поэтому стала короче. Кость там настолько выступала вперёд, что это было безобразно. Больной не в силах был перенести этого, ибо он решил следовать мирскими путями, а этот нарост, как он считал, его уродовал. Поэтому он осведомился у хирургов, нельзя ли его срезать.

Те отвечали, что срезать его, конечно, можно, но страдания будут при этом сильнее, нежели все те, какие он испытал прежде, поскольку кость уже зажила, и <теперь> требуется некоторое время, чтобы её разрезать. Но всё же он решился на это мученичество по собственному своему почину, хотя его старший брат⁴ испугался и говорил, что не отважился бы на такие страдания, каковые раненый перенёс с обычным своим терпением.

5. И вот, когда ему срезали плоть и кость, из неё торчавшую, то постарались прибегнуть к целительным средствам, дабы нога не была такой короткой, втирая в неё множество мазей и постоянно растягивая её особыми устройствами, так что много дней он терпел мучения.

Но Господь наш дал ему здоровье, и он почувствовал себя настолько хорошо, что во всём прочем был здоров, только вот не

---

⁴ Это был Мартин Гарсиа де Лойола, старший брат св. Игнатия после смерти первенца их родителей, Хуана Переса де Лойолы, скончавшегося в Неаполе в 1496 г.

Означенный больной всегда чтит святого Петра, и вот Господу нашему было угодно, чтобы в эту самую полночь его состояние стало улучшаться (§3).

мог как следует держаться на ноге и потому вынужден был оставаться в постели. Поскольку же он весьма охотно читал книги мирские и ложные, называемые обычно рыцарскими <романами>, то, почувствовав себя хорошо, он попросил, чтобы ему дали некоторые из них ради препровождения времени. Но в доме не нашлось ни одной из тех <книг>, которые он обычно читал, так что ему дали *Жизнь Христа* и книгу житий святых на народном языке (en romance)⁵.

6. Пока он читал их и перечитывал, написанное там его захватывало. Однако, прекратив читать их, он мысленно задерживался иногда на том, о чём прочёл, а иногда — на вещах мирских, о которых привык помышлять ранее. Но из множества суетных вещей, представлявшихся ему <в воображении>, одна настолько завладела его сердцем, что после этого он сразу же погружался в мысли о ней на два, три и четыре часа, сам того не замечая. Он воображал себе, что сделал бы, служа некой сеньоре; представлял себе те средства, к которым прибегнул бы, чтобы отправиться туда, где она

---

⁵ Книгами, которые св. Игнатий читал во время своего выздоровления, были:

1) *Жизнь Христа*, написанная Рудольфом Саксонским († 1377 г.), которого называли просто «Картузианцем», и переведённая Амбросио Монтесино. См. КОДИНА, р. 220 слл. Кажется, о. Надаль первым сказал о том, что упомянутая *Жизнь Христа* принадлежала перу «Картузианца». Так он утверждал по меньшей мере со времён своей *Апологии* Общества против парижских докторов (1557 г.). См. *FN*, II, р. 64 и pp. 186, 234, 404. Ср. р. 429. Полное заглавие этой книги, впервые напечатанной в Страсбурге в 1474 г., было таким: *Жизнь Господа нашего Иисуса Христа, тщательно составленная из четырёх Евангелий и Учителей, одобренных Католическою Церковью*. Написанная ок. 1350 г. и широко распространившаяся ещё до изобретения книгопечатания, эта книга стала своего рода «бестселлером»: она переиздавалась 400 (!) раз. Испанское издание вышло в Алькале в 1502 г. Интересно, что в этой книге, написанной задолго до основания Общества Иисуса, пожалуй, впервые встречается слово «иезуит» (*Iesuita*): «...в небесной славе сам Иисус назовёт нас иезуитами, то есть спасёнными Его именем» (т. I, гл. 10). См. об этом: ФАРУЗИ, сс. 207–211.

2) Книга житий святых была переводом *Золотой легенды* доминиканца Якова Ворáгинского, или Варацце, умершего в 1298 г. в Генуе, где он был архиепископом. Св. Игнатий воспользовался испанским переводом, предисловие к которому написал брат Гауберто М. Вагад. См. ЛЕТУРИЯ, *Дворянин*, р. 156 слл.; *Упражнения*, pp. 38–46. — *K. de D., A. K.*

Но в доме не нашлось ни одной из тех <книг>, которые он обычно читал, так что ему дали *Жизнь Христа* и книгу житий святых на народном языке (§5).

находилась; острóты⁶ и слова, которые он ей сказал бы, а также ратные подвиги, которые совершил бы ради служения ей. И так был он этим обольщён, что не видел, насколько это было для него недостижимо: ведь сеньора эта была не просто благородного происхождения, как графиня или герцогиня, но занимала положение куда более высокое, чем любая из оных⁷.

7. И всё же Господь наш пришёл ему на помощь, устроив так, что на смену этим мыслям пришли другие, порождённые тем, о чём он читал. Ибо, читая о жизни нашего Господа и святых, он впадал в размышления, рассуждая сам с собою: «А что было бы, если бы я сделал то, что сделал святой Франциск, и то, что сделал святой Доминик?» И так он размышлял о многих предметах, казавшихся ему достойными, всегда ставя перед собой задачи многотрудные и нелегкие; и, когда он ставил себе эти задачи, ему казалось, что он находит в себе способность справиться с ними на деле. А размышления его состояли в том, что он говорил сам себе: «Святой Доминик сделал то-то — значит, и я должен это сделать; святой Франциск сделал то-то — значит, и я должен это сделать».

---

⁶ В оригинале «los motes»: архаизм. Видимо, значение, которое имеет здесь это слово, соответствует первому значению, приводимому КОВАРРУБИАСОМ в его *Тезаурусе*: «Mote: это слово означает изречение, произнесённое изыщно и в немногих словах. По-гречески это называется *ἀποφθεύμα*, по-французски *mot*; отсюда и мы говорим *mote*. Иногда это означает высказывание колкое и язвительное, что по-латински мы зовём *dicterium*, и от него образован глагол “*motejar*”, то есть “винить кого-либо”». В современном языке этот глагол имеет несколько иное значение: «обзывать», «давать прозвище», «язвить». — *К. де Д., А.К.*

⁷ Кто была дама, занимавшая мысли выздоравливавшего Ёньиго, невозможно установить с полной достоверностью. Высказанные на сегодняшний день гипотезы сводятся к трём основным: 1) Жермена де Фуа, племянница французского короля Людовика XII и вторая супруга Фердинанда Католика, умершего в 1516 г.; 2) Каталина, сестра Карла V, которая родилась в 1507 г., а в 1525 г. вышла замуж за Жуана III, короля Португалии; 3) Леонора, старшая сестра императора и Каталины, супруга сначала Мануэля I, короля Португалии, а затем Франциска I, короля Франции. Все эти три гипотезы приводят к серьёзным затруднениям. Жермена де Фуа и Леонора Габсбург были замужем в то время, когда Ёньиго предавался своим мечтаниям, а Каталине было тогда не более четырнадцати-пятнадцати лет. Поскольку св. Игнатий хранил полное молчание по этому вопросу, решить его будет нелегко.

Эти мысли тоже заняли изрядный простор⁸, а затем что-то переменялось, и к нему снова пришли мысли мирские, о коих говорилось выше. На них он тоже задержался на значительный срок. Это последовательное чередование столь различных мыслей длилось у него довольно долго, причём он всегда задерживался на повторяющейся мысли о том, что представлялось его воображению — а это были либо те мирские подвиги, которые он желал совершить, либо иные, <призванные угодить> Богу. Наконец, утомившись, он оставил эти мысли и стал думать о другом.

8. Однако тут была налицо следующая разница: думая о вещах мирских, он весьма услаждался; но когда, утомившись, он оставлял эти мысли, то чувствовал скуку и недовольство. Когда же он думал о том, чтобы пойти в Иерусалим босиком, питаться одними травами и совершать все прочие подвиги покаяния, которые, как он увидел, совершали святые — то утешался он не только тогда, когда задерживался на таких мыслях, но и, даже отстранив их, оставался доволен и радостен. Но он не обращал на это внимания и не задерживался на раздумьях об этом различии, покуда однажды у него немного не открылись глаза, и тогда он стал удивляться этому разнообразию и размышлять о нём, постигая на опыте, что одни мысли оставляли его печальным, а дру-

---

⁸ В оригинале архаизм: «buen vado». В современном языке слово «vado» означает прежде всего «брод». Однако в *Словаре испанского языка* Испанской Королевской Академии (1970 г.) о нём говорится следующее: «вышедшее из употребления слово для обозначения отсрочки, периода времени». Русское слово «простор» тоже имело раньше значение «досуг, свободное, праздное время»; ср. поговорку: «Простору нет, руки не доходят» (недосужно, некогда) [Даль]. — *К. де Д., А.К.*

⁹ Этот опыт пригодился Игнатию впоследствии, когда он писал в *Упражнениях* Правила о различении духов, первое из которых [§ 314] гласит: «*Правило первое*: Тем людям, которые идут от одного смертного греха к другому, враг имеет обыкновение представлять мнимые удовольствия, заставляя их воображать чувственные улады и удовольствия, дабы ещё более удержать и укоренить их в пороках и грехах. А благой дух поступает с такими людьми противоположным образом, заставляя их переживать угрызения совести через доводы разума».

гие — радостным. Так мало-помалу он стал знакомиться с разнообразием воздействовавших на него духов: одного — бесовского, а другого — Божиего.

9. Из этого урока он вынес немало и принялся более серьёзно размышлять о своём прошлом и о том, сколь необходимо ему покаяться в нём. Тут-то и пришло к нему желание подражать святым, невзирая на обстоятельства, но уповая с помощью Божией сделать то же, что делали они. Но всё, что он хотел сделать после выздоровления — это отправиться в Иерусалим, как говорилось выше, совершая столько <подвигов> покаяния и воздержания, сколько дух благородный, воспламенённый Богом, обычно желает совершить.

10. И он стал уже забывать свои прошлые мысли, испытывая эти святые желания, которые следующим образом утвердились в нём после одного «посещения». Как-то ночью он бодрствовал и ясно увидел образ Богоматери со Святым Младенцем Иисусом. Это видение длилось в течение значительного срока и принесло ему самое живое утешение⁶, оставив его с таким отвращением ко всей прошлой жизни, особенно же к делам плоти, что ему показалось, будто из души его стёрлись все образы, до того в ней напечатленные. Так, с того часа до августа пятьдесят третьего года, когда пишутся эти строки, он ни разу ни в малейшей степени не потакал делам плоти. Вследствие этого можно решить, что сие было делом Божиим, хотя сам он не осмеливался давать такое определение и говорил одно: что может лишь подтвердить вышесказанное. Но <именно> таким образом его брат, равно как и все остальные домашние, узнали извне о той перемене, которая совершилась внутри, в его душе.

---

⁶ Утешение (consolación) — одно из важнейших слов в лексиконе св. Игнатия, часто употребляемое им как в *«Автобиографии»*, так и в других сочинениях. В *Духовных упражнениях* он даже даёт определение этому понятию (§ 316): «Наконец, утешением я называю всякое возрастание надежды, веры и любви и всякую внутреннюю радость, призывающую и привлекающую душу к предметам небесным и ко спасению собственной души, принося ей покой и умиротворённость в её Творце и Господе». См. об этом особую работу: Айестаран. — А.К.

Как-то ночью он бодрствовал и ясно увидел образ Богородицы со Святым Младенцем Иисусом (§10).

11. Он же, ни о чём не заботясь, продолжал читать и вынашивать свои благие замыслы; и всё время, проводимое им с домашними, он тратил на дела Божии, чем принёс немалую пользу их душам. Поскольку же эти книги ему весьма понравились, он пришёл к мысли о том, чтобы вкратце выписать кое-что самое существенное о жизни Христа и святых. Уже начав понемногу подниматься <с постели> и ходить по дому, он принялся с изрядным тщанием делать выписки в книгу: слова Христа — красными чернилами, а слова Богоматери — голубыми. Бумага была выложена и разлинована, а почерк — великолепен, так как он был очень хорошим писцом¹⁰.

В которой было почти 300 полностью исписанных страниц in quarto.

Часть времени он тратил на записи, а часть — на молитву. Но самым большим утешением для него было смотреть на небо и на звёзды, что он делал многократно и подолгу, ибо благодаря этому чувствовал величайшее стремление служить нашему Господу¹¹. Он часто думал о своём замысле, желая уже полностью выздороветь, дабы отправиться в путь.

12. И вот, раздумывая над тем, что ему нужно будет сделать по возвращении из Иерусалима, дабы всегда жить в покаянии, он решил было удалиться в картузианский монастырь в Севилье¹², не говоря, кто он такой, чтобы как можно меньше людей смогли его отыскать, и там не питаться ничем, кроме трав. Но, когда он в

---

¹⁰ В числе прочих автографов св. Игнатия, каковыми являются несколько писем и его письменный голос на выборах Генерала Общества в 1541 г., до нас дошли некоторые исправления, собственноручно внесённые им в текст *Упражнений* (потому их и называют *автографом*, хотя в основном они были написаны копиистом), а также рукописный экземпляр *Конституций*, в котором также есть поправки, сделанные рукой святого.

¹¹ Подобные озарения и утешения он непрестанно испытывал до конца своей жизни, и ещё сегодня в «комнатке св. Игнатия» («cameretta di S. Ignazio»), т. е. в том помещении, где он жил в Риме, показывают балкон, с которого он созерцал небо и как-то раз издал такое восклицание, обычно ему приписываемое: «Сколь пошлой и низменной кажется мне земля, когда я смотрю на небо!».

¹² Речь идёт о картузианском монастыре Санта-Мария-де-лас-Куэвас, располагавшемся в окрестностях Севильи, ныне несуществующем. Об интересе Иньиго де Лойолы к картузианцам см.: Бейер. — *К. де Д., А.К.*

Несколько набравшись сил, он решил, что пришла пора отправляться в путь, и сказал брату: «Сеньор, как Вам известно, герцог Нахеры уже знает о том, что я здоров. Славно будет, если я отправлюсь в Наваррет» (§12).

очередной раз вернулся к мысли о тех подвигах покаяния, которые желал совершить, идя по миру, желание <попасть в> картузианский монастырь в нём остыло, ибо он опасался, что там не сможет упражняться в той ненависти к самому себе, которая в нём зародилась. Тем не менее он поручил одному из домашних слуг, направлявшемуся в Бургос, осведомиться о правилах тамошнего картузианского монастыря¹³, и полученные им сведения

Брат и кое-кто из домашних догадывались о том, что он задумал совершить какую-то решительную перемену.

показались ему добрыми. Но в силу вышеуказанной причины, а также потому, что он был полностью поглощён путешествием, которое намеревался вскоре совершить (а о монастыре можно было говорить лишь после возвращения), это его уже не так занимало. Вместо этого, несколько набравшись сил, он решил, что пришла пора отправляться в путь, и сказал брату: «Сеньор, как Вам известно, герцог Нахеры¹⁴ уже знает о том, что я здоров. Славно будет, если я отправлюсь в Наваррет»¹⁵ (герцог в то время находился там). Брат повёл его сначала в одну комнату, затем в другую, и, не скупясь на похвалы, стал просить его, чтобы он не пускался на <верную> гибель, чтобы подумал о том, как надеется на него народ, какой вес он может иметь — и прочие подобные слова, и всё для того, чтобы отвлечь <Иньиго> от его благого желания. Но ответ был таким: не уклоняясь от истины (ибо и тогда уже он был крайне щепетилен в этом отношении), он ускользнул от брата.

---

¹³ Это был картузианский монастырь Мирафлорес.

¹⁴ Антонио Манрике де Лара, герцог Нахеры с 1515 г. и вице-король Наварры с 1516 по 1521 г., на службе у которого св. Игнатий находился до своего ранения в Памплоне. Умер 13 декабря 1535 г. О нём можно справиться в книге: Саласар-и-Кастро, II, pp. 170 и 175.

¹⁵ Наваррет — это посёлок, расположенный неподалёку от Логроньо, между этим городом и Нахерой.

ГЛАВА II

13. <Игнатий> покидает Лойолу; посещает святилище Богоматери в Арáнсасу; направляется в Наваррет; отпускает сопровождавших его слуг. — 14–15. Встречается с неким мавром, с которым спорит о девственности Пресвятой Богородицы. — 16. Покупает платье паломника. — 17–18. В Монтсеррате совершает генеральную исповедь и бодрствует над оружием у престола Богоматери. Направляется в Манресу.

13. И вот он выехал верхом на мулице, а другой его брат¹ захотел ехать с ним до Оньяте, и Игнатий по пути убедил его провести вигилию в церкви Богоматери в Арáнсасу². Проведя там ночь в молитве, дабы набраться новых сил для своего путешествия, он оставил брата в Оньяте, в доме сестры, которую хотел навестить³, а сам отправился в На-

С того дня, как Игнатий покинул родную землю, он каждую ночь подвергал себя бичеванию.

---

¹ По-видимому, это был Перо Лопес де Лойола, священник, который в 1515 г. подвергся судебному процессу вместе со св. Игнатием, а приблизительно с 1518 г. был ректором церкви св. Себастьяна в Сореасу, в Аспейтии. См. Летурия, *Дворянин*, р. 238.

² В рукописях «Автобиографии» читается «Араншус» (Arançuz). Арáнсасу — это святилище, посвящённое Пресвятой Богородице и расположенное неподалёку от Оньяте. Об этом святилище можно справиться прежде всего в книге Лисарральде. Относительно вигилии Игнатия в этом святилище сто́ит вспомнить слова самого святого из письма св. Франциску Борджа от 20 августа 1554 г.: «А о себе могу сказать Вам, что у меня есть особая причина желать этого, ибо, когда Бог, Господь наш, даровал мне Свою милость, дабы я совершил некую перемену в своей жизни, то некоторых успехов в душе своей я достиг, как мне помнится, телесно бодрствуя ночью в той церкви» (*Посл.*, VII. 42; *FN*, I, р. 380, прим. 2.). Возможно, именно тогда св. Игнатий и принёс обет целомудрия, хотя источники говорят лишь о том, что он принёс этот обет «по пути» из Лойолы в Монтсеррат. Так утверждает Лаинес в своём письме о св. Игнатии (*FN*, I, р. 76; Рибаденейра, *Жизнь*, I. 1. 3; Ириарте, pp. 156–164).

³ У св. Игнатия не было сестры, жившей в Оньяте. Следует предположить, что речь идёт о Магдалене, проживавшей в доме Эчеандиа, в Ансуоле. К этой своей сестре Игнатий питал особую любовь, как явствует из письма, отправленного им в 1541 г. Ансуолу Игнатий миновал, будучи раненым, по дороге в Лойолу.

варрет. И тут, вспомнив о сумме в несколько дукатов, которую ему должны были в доме герцога, он подумал, что неплохо было бы получить их, и потому написал записку казначею. Казначей сказал, что денег у него нет; но герцог, узнав об этом, сказал, что денег может не быть для кого угодно, но для Лойолы их не может не быть, ибо он хотел дать Игнатию хорошую должность поручика⁴, если бы тот пожелал её принять, благодаря тому доверию, которое он снискал в прошлом. Игнатий получил деньги, поручив разделить их между несколькими людьми, которым он чувствовал себя обязанным, а часть — пожертвовать на образ Богородицы, который был в плохом состоянии, чтобы поправить и украсить его. Затем, отпустив двоих слуг, ехавших с ним⁵, он в одиночестве отправился на своей мулице из Наваррета в Монтсеррат.

14. По пути туда с ним произошёл один случай, который достойно будет описать, чтобы стало понятно, как Господь наш обращался с этой душой, которая была ещё слепа, хотя и наполнилась великими желаниями служить Ему во всём, что она постигала. Итак, он решил совершить великие подвиги покаяния, помышляя уже не столько о том, чтобы искупить свои грехи, сколько о том, чтобы угодить Богу и порадовать Его. Потому, вспомнив о каком-нибудь подвиге

Он испытывал такое отвращение к бывшим грехам и столь живое желание совершить великие дела ради любви к Богу, что, не считая, будто его грехи были прощены, он всё же не слишком много вспоминал о них во время тех подвигов покаяния, которые стал совершать.

---

⁴ В оригинале «tenencia»: «Служба и должность поручика (teniente)» (Словарь испанского языка Испанской Королевской Академии). См. ФЕРНАНДЕС-МАРТИН, 1983, pp. 143–159. Учитывая, что слово «лейтенант», засвидетельствованное в русском языке с 1-й половины XVII в. (*Книга о ратном строе*, 1647 г.: «лютенанту ... как капитана въ лицахъ нѣтъ, ротою владѣти»), ещё в прошлом столетии употреблялось преимущественно по отношению к офицерам флота (Даль: «Лейтенантъ: второй обер-офицерскій чинъ во флотѣ, отвѣчающій капитану арміи»), переводим здесь староиспанское «tenencia» как «должность поручика». — *К. де Д., А.К.*

⁵ Благодаря свидетельству священника Мигеля де Ипинсы, выступавшего свидетелем на процессах по канонизации св. Игнатия, проходивших в Памплоне в 1607 году, мы знаем, что этими двоими слугами были Андрес де Нарбайс и Хуан де Ландета (MI, *Scripta*, II, p. 281).

ге покаяния, совершённом святыми, он задавался целью совершить то же самое, и даже ещё больше. В этих-то мыслях и черпал он всё своё утешение, не помышляя ни о чём внутреннем, не зная, что такое смирение, милосердие, терпение, что такое разборчивость, необходимая для того, чтобы управлять этими добродетелями и соразмерять их. Всё его намерение заключалось лишь в том, чтобы совершить эти великие «внешние» деяния, поскольку их совершали святые во славу Божию. При этом он не вдавался ни в какие дальнейшие подробности.

15. Так вот: когда он двигался своим путём, ему встретился некий мавр, всадник на муле. Они поехали вдвоём, ведя беседу, и наконец заговорили о Богоматери. Мавр сказал, что ему кажется вполне вероятным, что Дева зачала, не зная мужчины; но в то, что она осталась девственницей, родив ребёнка, он поверить не мог. Это мнение он обосновывал естественными причинами, приходившими ему на ум. Несмотря на то, что паломник привёл множество доводов, ему не удалось его разубедить.

Тут мавр удалился столь поспешно, что <сразу> скрылся из виду, оставив паломника в размышлениях о том, что у него произошло с этим мавром. При этом <паломник> испытал некие порывы, заронившие в его душу неудовлетворённость (ибо ему стало казаться, что он не исполнил своего долга) и пробудившие в нём негодование на этого мавра. Ему казалось, что он поступил дурно, позволив какому-то мавру говорить такое о Богоматери, и что он обязан был вступить за Её честь.

Тут на него нашло желание отправиться на поиски этого мавра и угостить его кинжалом за то, что он говорил. Долго продолжалась в нём борьба этих желаний, и в конце концов он застыл в недоумении, не зная, что ему надлежит сделать. Перед тем как удалиться, мавр сказал ему, что направляется в одно место, находившееся немного дальше по той же самой дороге, совсем близко от столбовой дороги (но столбовая дорога через это место не проходила).

16. И вот, устав гадать о том, как ему следует поступить, и не зная, на что же ему решиться, он решился на следующее, *scilicet*^a: отпустить поводья и позволить мулице идти до того места, где

---

^a То есть, а именно (*лат.*). — А.К.

Господу нашему угодно было, чтобы мулица выбрала столбовую дорогу, а не дорогу к посёлку (§16).

была развилка дорог. Если мулица направится по дороге к посёлку, то ему нужно будет отыскать того мавра и угостить его кинжалом; если же она пойдёт не к посёлку, а по столбовой дороге, то ему придётся оставить его в покое. И вот, когда он сделал так, как задумал, Господу нашему угодно было, чтобы мулица выбрала столбовую дорогу, а не дорогу к посёлку, хотя посёлок этот находился едва ли далее чем в тридцати-сорока шагах, и к нему вела очень широкая и хорошая дорога.

Затем, прибыв в одно большое село перед Монтсерратом⁶, он пожелал купить себе одежду, которую решил носить и в которой должен был отправиться в Иерусалим. Тогда он купил ткань, из которой обычно шьют мешки — такую, что соткана не слишком тщательно и потому сильно колется, — а потом распорядился сшить из неё длинное одеяние до пят и, купив посох и тыквенную флягу, приторочил всё это к луке седла <своей> мулицы.

Он купил также плетёные верёвочные туфли (espartañas), но носил лишь одну из них, и не из какого-то чудачества, но потому, что одна нога у него была целиком перевязана бинтом и несколько повреждена. Поэтому, хотя он ехал верхом, каждую ночь она распухала, и тогда он решил, что на этой ноге необходимо носить обувь.

17. Затем он отправился в Монтсеррат, помышляя, как обычно, о тех подвигах, которые ему предстояло совершить ради любви к Богу. Поскольку же голова его была забита *Амадисом Галльским* и тому подобными книгами⁷, ему и пришлось на ум нечто по-

⁶ Согласно о. Арабсу, речь идёт о Лэриде. Так он утверждает в некоторых замечаниях относительно *Жизни св. Игнатия*, написанной о. РИБАДЕНЕЙРОЙ: «В Лэриде он купил мешок и альпартату (полотняную туфлю на пеньковой подошве)» (MI, *Scripta*, I, p. 725; FN, IV, p. 936). О. КРЕЙКСЕЛЬ, 1922, I, pp. 48–51, которому следует о. ЛЕТУРИЯ (*Дворянин*, p. 253), полагает, что этим «большим селом» была скорее Игуалада.

⁷ *Четыре книги об Амадисе Галльском*: издание Гарси Ордоньеса де Монтальво, вышедшее между 1492 и 1505 гг. Четвёртая книга была написана самим Монтальво, тогда как первые три он отредактировал, не указав при этом, кто был их автором. Возможно, Игнатий вспомнил о том, как снаряжали первенца Амадиса Галльского и Орианы, как это описано в IV книге *Амадиса Галльского*, гл. 52; см. издание Паскуаля де Гайангоса в Библиотеке испанских авторов, vol. 40, p. 400. Ср. ЛЕТУРИЯ, *Дворянин*, p. 253. — *К. де Д., А.К.*

Шпагу и кинжал повесил в церкви перед престолом
Богоматери (§17).

добное. Потому он решил бодрствовать над своим оружием всю ночь⁶, не присаживаясь и не ложась, но стоя — то на ногах, то на коленях — перед престолом Матери Божией в Монтсеррате. Там он решил оставить свою одежду и облачиться в доспехи Христа.

Затем он покинул это место и поехал дальше, думая, по своему обыкновению, о своих планах. Прибыв в Монтсеррат, он сначала сотворил молитву и уладил дела с духовником⁸, а затем совершил генеральную исповедь письменно, и длилась эта исповедь три дня. Он договорился с духовником о том, чтобы тот распорядился забрать мулицу, а шпагу и кинжал повесил в церкви перед престолом Богоматери⁹. Это был первый человек, которому он открыл своё решение, поскольку доселе не открывал его ни одному духовнику.

18. В канун праздника Богородицы в марте двадцать второго

---

⁶ «Бодрствовать над оружием» (*velar las armas*) полагалось в ночь перед обрядом посвящения в рыцари. Сам этот обряд состоял из омовения, исповеди, причащения и вручения меча. Вспомним, что Дон Кихот также бодрствует над оружием, принимая «посвящение в рыцари» на постоялом дворе (ДК, ч. I, гл. III). — А.К.

⁸ Им был Жан Шанон, француз, духовник паломников, приходивших в Монтсеррат. См. похвалы в его адрес в: MI, *Scripta*, II, pp. 439–488. О нём можно справиться также в книге: Альбадера, pp. 27, 56–59.

⁹ Эта мулица долгое время служила в монастыре, что подтверждается свидетельством о. Арабса в его суждении о *Жизни св. Игнатия*, составленной РИБАДЕНЕЙРОЙ: «Эта мулица много лет провела в Монтсеррате» (MI, *Scripta*, I, 725). Шпага и кинжал были повешены на решётку престола Пресвятой Богородицы (MI, *Scripta*, II, p. 385). Через некоторое время их забрали оттуда, так что в начале XVII века, когда шли ремиссориальные процессы по делу о канонизации св. Игнатия, местонахождение его вещей было неизвестно, как явствует из письма о. Педро Хилья, выступавшего в этом деле постулятором. В этом письме, написанном в 1607 г. о. Габриэлю Альваресу, говорится: «Что же до шпаги, кинжала, пояса и портупей, то неизвестно, где они находятся, и никогда не было об этом известно» (*Scripta*, II, p. 833, прим. 1). Сам же о. Габриэль АЛЬВАРЕС в своей *Истории провинции Арагон* (неизданной), предисловие к которой датировано 12 марта 1607 г., во 2-й главе, утверждает, что шпага св. Игнатия бесследно исчезла. См. указанное выше примечание в *Scripta*, II, p. 833. Незадолго до 1674 г. в Коллегию Общества в Барселоне была передана шпага, которая, как говорили, принадлежала св. Игнатию. См. AA. SS. *Iulii*, VII, p. 791, № 90; FN, III, pp. 603–604; КРЕЙКСЕЛЬ, 1931; Солá, pp. 96–99.

Он так скрытно, как только было возможно,
отправился к одному нищему и, сняв с себя всю свою
одежду, отдал её нищему, облачившись
в желанное ему платье (§18).

года, ночью, он так скрытно, как только было возможно, отправился к одному нищему и, сняв с себя всю свою одежду, отдал её нищему, облачившись в желанное ему платье. После этого он пошёл, чтобы опуститься на колени перед престолом Богоматери, и провёл там всю ночь: то преклонив колени, то стоя на ногах, со своим посохом в руке.

А на рассвете, чтобы никто его не узнал, он удалился и отправился в путь: не прямой дорогой на Барселону, где он повстречал бы многих людей, способных узнать его и оказать ему почёт, но свернув в деревню, которая называется Манреса¹⁰, где он решил

---

¹⁰ Эти слова удостоверяют по крайней мере один факт: на рассвете 25 марта св. Игнатий спустился из Монтсеррата и направился в Манресу. Тем самым исключается предположение о том, что святой находился в пещере в Монтсеррате; впрочем, нам кажется, что в пользу такого предположения нельзя будет отыскать ни одного веского аргумента в самых древних и самых авторитетных рассказах о жизни св. Игнатия, написанных до 1574 г. — все эти рассказы опубликованы в первых двух томах MHSI, *FN*. Но и это ещё не всё: указанные документы не только полностью умалчивают о предполагаемом пребывании св. Игнатия в Монтсеррате, но, кроме того, утверждают или предполагают, что он покинул Монтсеррат сразу после бдения над оружием, и в таких подробностях описывают дела святого в Манресе — где он, говорят, прожил около года — что, по всей видимости, не оставляют никакого места для его пребывания в Монтсеррате в течение некоторого времени (*FN*, I, pp. 29, 80, 159, 162, 166, 388; II, pp. 525, 530, 533...). Перед лицом этих фактов тут же сбрасываются со счетов отдельные скудные и поздние свидетельства, главное из которых *приписывается* о. Антонио Арабсу; но уже о. Рибаденейра расценивал это свидетельство как «недостоверный рассказ, восходящий, как говорят, к о. Арабсу». Он был опубликован в *MI*, *Scripta*, I, p. 749, а затем — в *FN*, III, pp. 198–208. Нет нужды вдаваться здесь в пространное обсуждение этого вопроса: достаточно будет отметить, что более показательным представляется молчание всех свидетелей на процессе св. Игнатия в Монтсеррате, где должна была бы сохраниться самая живая традиция: никто не говорит об отшельнической жизни св. Игнатия в Монтсеррате, в то время как, напротив, двое из них свидетельствуют о том, что он удалился в пещеру в Манресе (*MI*, *Scripta*, II, p. 861). Документы процесса в Монтсеррате полностью опубликованы в *Analecta Sacra Tarraconensia*, 15 (1942), pp. 129–170, по подлинной латинской версии. Вместе с тем не следует, как нам кажется, отрицать, что за время своего длительного пребывания в Манресе св. Игнатий не раз приходил в Монтсеррат. К этому его должно было побуждать сыновнее благоговение перед Пресвятой Девой, и это подтверждают документы процессов: см., напр., *MI*, *Scripta*, II, pp. 385, 388.

провести несколько дней в «госпитале», а также занести кое-что в свою книгу, которую он тщательно хранил и в которой черпал немалое утешение¹¹.

Но, когда он был уже в одной лиге от Монтсеррата, его догнал какой-то человек, спешивший ему вослед, и спросил его, отдал ли он одежду нищему, как говорил этот нищий. Когда <паломник> ответил «да», слёзы брызнули у него из глаз из-за сострадания к нищему, которому он отдал свои одежды: из-за сострадания, поскольку он понял, что нищего обижали, думая, что эту одежду он украл. Однако, как он ни старался уклониться от почестей, ему недолго удалось пробыть в Манресе так, чтобы люди не заговорили о <его> великих делах, начиная с того, что случилось в Монтсеррате. Впоследствии слухи разрослись и превзошли то, что было в действительности: дескать, он оставил такую большую ренту, и т.п.

---

¹¹ Пребывание в Манресе, которое, по планам св. Игнатия, должно было продлиться лишь «несколько дней», затянулось более чем на десять месяцев: с 25 марта 1522 г. до февраля 1523 г. Возможно, тому не было какой-либо внешней причины, и, оказавшись в Манресе, он попросту испытал внутреннее желание остаться там. Возможно, на его решение оказали влияние какие-то внешние затруднения, из-за которых он не мог покинуть город на реке Кардонер. Представляется, что к весьма правдоподобным причинам можно отнести запрет на въезд в Барселону из-за чумы. В *Реестре оповещений и распоряжений* за 1519–1530 гг. (рукопись его хранится в Барселонском Городском Историческом Архиве) зарегистрированы некоторые указы относительно тех лиц, которым воспрещался доступ в город. На листах 53–54 мы обнаруживаем указ от 2 мая 1552 г., в котором говорится: «statuïren y ordinaren los dits Consellers y prohomens que d’ací avant no sia permès a algú o alguns pobres mendicants, romeus y romies, acaptadors o acaptadores de qualsevol lengue o nació sien y de qualsevol parts o terres vinguen, entrar en la dita ciutat ni en los suburbis d’aquella sots pena o han de ser açotats per la dita ciutat a quiscun e per quiscuna vegada que serán trobats en aquella o en los suburbis seus» («означенные Советники и старшины постановили и распорядились, чтобы отныне и впредь ни одному нищенствующему, собирающему милостыню — будь то романцы или романки, на каком бы языке они не говорили, какого бы роду-племени они ни были и из каких бы стран или земель они ни пришли — воспрещается входить в означенный город, равно как и в его пригороды, под страхом наказания, либо же означенный город высечет их плетью — всякого и всякий раз, как их обнаружат в нём либо в его пригородах» — *катал.*). Игнатия могли задержать также болезни, донимавшие его в Манресе, равно как и остановка Папы Адриана VI на пути в Рим.

ГЛАВА III

*19. Покаянная жизнь Игнатия в Манресе. Ему является в воз-
духе странное видение. — 20–21. Его начинают донимать раз-
личные дүхи. — 22–25. Он переживает настоящую бурю со-
мнений. — 26–33. К Игнатию возвращается душевный покой;
Бог наставляет его; он часто получает Божественные по-
учения и проявления благосклонности Небес. Сильнейшее оза-
рение. — 34. Игнатий переживает тяжёлую болезнь и смяг-
чает суровость своего покаяния. — 35–37. Он отправляется в
Барселону, где готовится к путешествию в Италию.*

19. В Манресе он просил милостыню ежедневно. Он не ел мяса, не пил вина, даже если ему их давали. По воскресеньям он не постился, и, если ему давали чуть-чуть вина, он выпивал его.

Поскольку же <прежде> он с крайнем тщанием холил свои волосы, как было в то время принято, и поддерживал их в порядке, <теперь> он решил махнуть на них рукой, чтобы они росли сами, по своей натуре: не причёсывать их, не стричь, не покрывать ничем — ни днём, ни ночью. По той же самой причине он бросил стричь ногти на ногах и руках, поскольку прежде и об этом тоже заботился.

Когда он находился в этом «госпитале», ему многократно доводилось среди бела дня видеть в воздухе, рядом с собою, нечто, приносившее ему немалое утешение, поскольку это «нечто» было очень, чрезвычайно красиво. Он не разглядел как следует, что это такое, но ему вроде бы казалось, что оно было в облике змеи, со множеством каких-то <блёсток>, сверкавших, словно глаза, хотя это не были глаза. Видя это, он сильно радовался и утешался; и, чем чаще он это видел, тем более возрастало его утешение. Когда же это видение исчезло, он испытал неудовольствие¹.

---

¹ То же самое видение явилось ему при иных обстоятельствах, после чрезвычайного по своей силе озарения, когда он направлялся к Тортскому кресту (см. ниже, § 31). О. Поланко (*Краткое изложение: FN, I, p. 160*) сообщает об этом подробнее и отмечает, что в конце концов Игнатий отдал себе отчёт в том, что всё это исходило от беса: «В это самое время ему стала являться змея, ярко бли-

20. Вплоть до этого времени он постоянно находился почти в одном и том же состоянии духа, испытывая весьма стойкую радость, ничего не ведая о вещах «внутренних», духовных².

В те дни, пока являлось это видение, или же незадолго до того, как оно начало являться (ведь продолжалось это много дней), ему в голову пришла одна неотвязная мысль, которая донимала его, выставляя перед ним тяжесть его жизни, как будто кто-то говорил ему в душе: «Ну, и как же ты сможешь выносить эту жизнь те семьдесят лет, что тебе предстоит прожить?» Но на это он отвечал, также «внутренне», с большой силой (ибо чувствовал, что это исходит от Врага): «Эх, ты, ничтожный! Да можешь ли ты пообещать мне хотя бы час жизни?» Так он одолел это искушение и остался спокоен. И это было первое искушение, пришедшее к нему после того, о чём говорилось выше. А случилось оно, когда он входил в церковь³, в которой каждый день слушал главную Мессу, Вечерни и Повечерия. Все <службы> пелись, и он находил в этом немалое утешение. Обычно он читал на Мессе Страсти, неизменно продолжая оставаться спокойным.

21. Однако вскоре после вышеуказанного искушения в его душе стали происходить резкие перемены, и подчас всё казалось ему настолько пресным, что он не находил вкуса ни в чтении Мессы, ни в её слушании, ни в какой-либо иной совершаемой им молитве. А иногда с ним происходило нечто совершенно противоположное, причём так внезапно, что казалось, будто он скинул <с себя> печаль и отчаяние, как скидывают с плеч плащ. Тогда он стал бояться этих перемен, кото-

---

ставшая семью или восемью глазами, и случалось это каждый день, не исключая ни единого, по два, по три, по пять, по шесть раз <на день>. Её присутствие утешало его, а исчезновение — оставляло безутешным. Это видение продолжалось вплоть до того времени, когда он был в Париже и даже в Риме, хотя он и не объясняет его тайны». Затем, изложив рассказ о достопамятном озарении, о. Поланко добавляет: «Над ним [т. е. над Тортским крестом] он увидел змею, которая обычно ему являлась, и тогда подтвердилось, что это был бес» (*там же*, р. 161).

² Десять долгих месяцев пребывания св. Игнатия в Манресе можно разделить на три периода: первый — период покоя, когда он «постоянно находился почти в одном и том же состоянии духа, испытывая весьма стойкую радость»; второй — время сомнений и борьбы; третий — пора великих озарений и внутренних даров.

³ Видимо, речь идёт о церкви доминиканцев или о кафедральном соборе (Seo).

Ему вроде бы казалось, что оно было в облике змеи, со множеством каких-то <блесток>, сверкавших, словно глаза, хотя это не были глаза (§19).

рых никогда прежде не испытывал, и не раз говорил сам себе: «Что это за новая жизнь, которую мы сейчас начинаем?»

В это время он всё ещё беседовал несколько раз с духовными людьми, которые ему доверяли и желали с ним общаться: хотя он не обладал познанием вещей духовных, тем не менее в разговоре выказывал много пыла и сильную волю продвигаться вперёд во служении Богу.

В то время в Манресе была одна пожилая женщина, которая к тому же очень давно уже была служанкой Божией и которую знали в этом качестве во многих частях Испании, так что даже Король Католик как-то раз позвал её, чтобы кое-что ей поведать. Эта женщина⁴, беседуя как-то раз с новым Христовым воином, сказала ему: «О, пусть Господь мой Иисус Христос соблаговолит однажды явиться Вам!» Но он испугался, приняв это слишком впрямую: «Как это мне явится Иисус Христос?»

Он всё время продолжал, как обычно, исповедоваться и причащаться каждое воскресенье⁵.

22. Но тут его стало одолевать множество сомнений. Хотя генеральная исповедь, которую он совершил в Монтсеррате, была весьма тщательной, и притом полностью <изложена> в письменном виде, как уже говорилось — всё же иногда ему казалось, что кое в чём он не исповедался, и это сильно его удручало: ведь, даже исповедавшись в этом, он оставался неудовлетворён. И тогда он стал искать каких-нибудь духовных людей, которые излечили бы его от этих сомнений. Однако ничто ему не помогало.

Наконец один доктор из кафедрального собора (Seo), человек весьма духовный, который там проповедовал, как-то на исповеди сказал ему, чтобы он записал всё, что сумеет вспомнить. Так он и сделал. Но и после исповедей к нему возвращались сомнения, причём всё это с каждым разом лишь сильнее запутывалось, так что он чувствовал себя сильно измученным. Но, хотя он почти <на-

---

⁴ Личность этой благочестивой женщины, упоминаемой ещё раз в § 37, установить не удалось.

⁵ Здесь впервые упоминается обыкновение часто исповедоваться и причащаться, горячим сторонником которого св. Игнатий станет впоследствии.

верняка> знал, что эти сомнения причиняют ему немалый вред, что хорошо было бы от них избавиться, всё же ему не удавалось покончить <с ними> своими силами. Иногда он думал, что исцелился бы, если бы его духовник велел ему во имя Иисуса Христа не исповедоваться ни в чём из прошлого, и потому желал, чтобы духовник повелел ему это, но не отваживался сказать об этом духовнику⁶.

23. Однако, хоть сам он и не говорил об этом, духовник наконец велел ему не исповедоваться ни в чём из прошлого — если только это не будет чем-нибудь вполне ясным. Но, поскольку для него всё это <и так> было вполне ясно, такое повеление не принесло ему никакой пользы. Поэтому он по-прежнему непрестанно терзался.

В то время он жил в комнатке, которую ему дали доминиканцы в своём монастыре, и продолжал по семь часов молиться на коленях, постоянно поднимаясь с постели в полночь, а также совершать все прочие благочестивые упражнения, о которых уже говорилось. Однако ни в одном из них он не находил исцеления от своих сомнений, одолевавших его уже в течение многих месяцев.

И вот однажды, страшно этим измученный, он принялся молиться с таким пылом, что начал в голос кричать к Богу, говоря: «Помоги мне, Господи: ведь я не нахожу никакого исцеления ни в людях, ни в какой-либо иной твари! А ведь если бы я думал, что смогу его найти, никакой труд не был бы для меня слишком велик. Ты, Господи, укажи мне, где я смогу его обрести — и, даже если мне придётся пойти вслед за какой-нибудь собачонкой, чтобы она дала мне это исцеление, я сделаю это!»

24. Покуда его бушевали такие мысли, на него многократно, со страшной силой, находило искушение выброситься из широкого отверстия, которое было в этой его комнате, неподалёку от того

---

⁶ «Доктор из кафедрального собора» (*doctor de la Seo*), которому исповедовался св. Игнатий, был, вероятно, случайным духовником, к чьей помощи святой прибегал в этот период помрачения и внутренних борений. Тогда он нашёл приют в монастыре доминиканцев, один из которых, о. Гальсеран Перельо, был духовником святого. См. Коль, pp. 313–343; *FN*, III, p. 198.

На ум ему пришла история одного святого, который, чтобы получить от Бога то, чего ему очень хотелось, провёл без еды много дней, пока не добился своего (§24).

места, где он молился. Но, зная о том, что убивать себя грешно, он снова стал кричать: «Господи, я не причиню Тебе оскорбления!» — повторяя эти слова много раз, равно как и прежние.

И тут на ум ему пришла история одного святого, который, чтобы получить от Бога то, чего ему очень хотелось, провёл без еды много дней, пока не добился своего⁷. Тогда, поразмыслив об этом как следует, он в конце концов решился сделать то же самое, сказав сам себе, что не станет ни есть, ни пить до тех пор, пока Бог не позаботится о нём или пока он не увидит смерть совсем рядом <с собой>. Если случится так, что он окажется *in extremis*, так что, не приняв пищи, он вскоре умрёт, — лишь тогда решил он попросить хлеба и съесть его (*quasi vero in extremo* он смог бы попросить и съесть что-нибудь!)^а.

25. Произошло это в воскресенье, после того как он причастился; и всю неделю он провёл, не положивши в рот ни крошки, не прекращая совершать привычные <благочестивые> упражнения и *etiam*^б ходить на богослужения, равно как и молиться коленопреклонённым, *etiam* в полночь, и т. п.

Однако по наступлении следующего воскресенья, когда надлежало идти исповедоваться, он, привыкши весьма подробно говорить своему духовнику обо всём, что делал, сказал ему и о том, что всю эту неделю ничего не ел. Духовник велел ему нарушить это воздержание; и, хотя силы всё ещё не покинули его, он повиновался духовнику. В тот день, равно как и в следующий, он чувствовал себя свободным от сомнений. Но на третий день, то есть во вторник, во время молитвы он стал припоминать грехи. И тут словно что-то стало нанизываться на нить, одно за другим: он мысленно переходил от одного прошлого греха к другому, и ему

---

⁷ Возможно, имеется в виду пример, почерпнутый из *Цвета святых*, читанного св. Игнатием в Лойоле: св. Апостол Андрей постился пять дней, чтобы получить у Бога прощение для одного старика по имени Николай, прожившего во грехе шестьдесят лет. См. *FN*, I, p. 397, прим. 12 и II, pp. 115, 238; III, p. 359.

^а *In extremis/extremo*: «перед самой смертью», «при последнем издыхании»; *quasi vero*: «как будто, однако же...» (лат.). — **А.К.**

^б Здесь и ниже — *etiam*: «даже» (лат.). — **А.К.**

казалось, что он должен исповедоваться в них ещё раз. Но, когда эти мысли закончились, он испытал отвращение к той жизни, которую вёл, а также побуждение оставить её: так Господь пожелал, чтобы он пробудился, словно ото сна.

И тогда, поскольку у него уже был известный опыт разнообразия духов благодаря тем урокам, которые преподавал ему Бог, он начал размышлять о том, с помощью каких средств пришёл этот дух, и тут принял весьма ясное решение: не исповедоваться более ни в чём из прошедшего. И впредь, начиная с того дня, он стал свободен от этих сомнений, считая вполне очевидным, что это Господь наш пожелал освободить его по милосердию Своему.

26. Сверх своих семи часов молитвы, он был занят также помощью в делах духовных неким душам, приходившим, чтобы отыскать его, а всю прочую часть дня, когда он был свободен, отдавал мыслям о Божественном, смотря по тому, о чём он в тот день размышлял или читал. Но, когда он отправлялся прилечь, его часто посещали великие «известия» («noticias»), великие духовные утешения, заставлявшие его терять немалую часть времени, отведённого им на сон (а такового было немного). Тогда, призадумавшись над этим несколько раз, он пришёл к следующей мысли: ведь у него и так уже столько времени было отведено для бесед с Богом, а кроме того — ещё и остаток дня; потому он начал сомневаться, что «известия» эти исходят от благого духа, и в конце концов решил для себя, что лучше будет забыть о них и спать в отведённый <для этого> срок. Так он и поступил.

27. Он по-прежнему воздерживался от вкушения мяса и был настолько твёрд в этом решении, что никоим образом не думал его менять. Но однажды утром, когда он поднялся с постели, прямо перед ним появилось мясное блюдо, как будто он видел его телесными очами, хотя ни малейшего желания этому не предшествовало. Тут же к нему пришла твёрдая готовность впредь есть мясо. И, хотя он помнил о своём прежнем намерении, усомниться в происшедшем он не мог, и лишь решил, что ему нужно есть мясо. Когда затем он рассказал об этом своему духовнику, духовник велел ему задуматься над тем, не было ли это, случайно, искушени-

Сверх своих семи часов молитвы, он был занят также помощью в делах духовных неким душам, приходившим, чтобы отыскать его (§26).

В это время Бог обращался с ним точно так же,
как школьный учитель обращается с ребёнком,
его наставляя (§27).

ем. Однако он, обдумав всё хорошенько, не испытал ни малейшего сомнения⁸.

В это время Бог обращался с ним точно так же, как школьный учитель обращается с ребёнком, его наставляя. То ли так было из-за его неотёсанности и умственной неповоротливости, то ли потому, что некому было его наставить, то ли из-за данной ему Самим Богом твёрдой воли служить Ему — только он и в то время, и впоследствии всегда уверенно считал, что Бог обращался с ним именно так. Более того: если бы он усомнился в этом, то подумал бы, что оскорбляет Его Божественное Величество.

Кое-что из этого можно увидеть по следующим пяти пунктам.

28. *Первое*. Он с крайним благоговением почитал Пресвятую Троицу и потому каждый день молился трём Лицам по отдельности⁹. И вот, когда он молился Пресвятой Троице также <как единому целому>, ему пришло на ум, что он, похоже, обращает к Троице четыре молитвы. Но эта мысль не доставила ему никаких (или почти никаких) затруднений, словно нечто маловажное.

А однажды, когда он читал Часы Богородицы на ступенях того же монастыря, ум его стал возноситься ввысь, и он словно бы узрел Пресвятую Троицу в виде фигуры из трёх клавиш, и при этом так плакал и рыдал, что не мог с собою совладать. Шествуя тем же утром в процессии, вышедшей оттуда, он не сумел сдержать слёз вплоть до обеденного часа, а после обеда не мог остановиться, говоря только о Пресвятой Троице, причём со множеством весьма разнообразных сравнений, с великим удовольствием и утешением, так что на всю жизнь у него сохранилось это впечатление от чувства великого благоговения при молитве Пресвятой Троице.

29. *Второе*. Однажды ему с великой духовной радостью мысленно представилось, как Бог сотворил мир, и казалось ему, что

---

⁸ Вероятно, именно здесь имел место первый перерыв в автобиографическом рассказе.

⁹ О. Лаинес говорит: «будучи человеком простым и умея читать и писать лишь на народном языке (en romance), он взялся писать о Ней [т. е. о Пресвятой Троице] книгу» (MI, FN, I, p. 82). Лучшее свидетельство преклонения св. Игнатия перед Пресвятой Троицей — это его *Духовный дневник*.

Однажды, когда он читал Часы Богородицы на ступенях того же монастыря, ум его стал возноситься ввысь, и он словно бы узрел Пресвятую Троицу в виде фигуры из трёх клавиш (§28).

Слушая однажды Мессу, при вознесении Тела Господня, он увидел внутренними очами словно бы белые лучи, ниспадавшие сверху. <...> То, что он видел мысленно, было, несомненно, тем, как пребывает в этом Пресвятом Таинстве Господь наш Иисус Христос (§29).

он видит нечто белое, откуда выходили несколько лучей, и что из этого Бог творил свет. Но объяснить этого он не мог и не вполне хорошо помнил те духовные «известия», которые в те времена Бог запечатлел в его душе.

Третье. В той же Манресе, где он провёл почти год¹⁰, после того, как Бог стал утешать его и ему стали видны плоды, производимые им в душах, с которыми он общался, он отказался от тех крайностей, которых придерживался прежде: <теперь> он уже стриг себе ногти и волосы. И вот, находясь в этой деревне в церкви указанного монастыря, слушая однажды Мессу, при вознесении Тела Господня [т. е. освящённой гостии], он увидел внутренними очами словно бы белые лучи, ниспадавшие сверху. И, хотя спустя столько времени он не может этого толком объяснить, тем не менее то, что он видел мысленно, было, несомненно, тем, как пребывает в этом Пресвятом Таинстве Господь наш Иисус Христос.

Четвёртое. Много раз и подолгу во время молитвы он видел внутренними очами человеческую природу Христа: фигуру, которая представлялась ему белым телом, не слишком большим и не слишком маленьким, но отдельных частей её он не различал. Это он видел в Манресе много раз: если бы сказать «двадцать» или «сорок», он не осмелился бы счесть это ложью. Ещё раз он видел это, находясь в Иерусалиме, и ещё раз — в пути, возле Падуи¹¹. Богородицу Деву он тоже видел в подобном облике, не различая отдельных частей.

То, что он видел, тогда укрепило его и всегда давало ему такую твёрдость в вере, что много раз он думал про себя: если бы не было Писания, которое наставляет нас в этих вопросах веры, то он решился бы умереть за них — уже за одно то, что увидел.

30. *Пятое.* Как-то раз он шёл на поклонение в одну церковь, отстоявшую от Манресы чуть более чем на милю (называлась она,

---

¹⁰ Как уже говорилось выше, Игнатий оставался в Манресе с 25 марта 1522 г. примерно до середины (т. е. до 17 или 18) февраля 1523 г. См. *FN*, I, p. 81¹⁶.

¹¹ В «Автобиографии» сообщается и о других частых явлениях Иисуса Христа св. Игнатию в различные периоды его жизни: см. §§ 41, 44, 48, 96, 99.

Во время молитвы он видел внутренними очами человеческую природу Христа: фигуру, которая представлялась ему белым телом, не слишком большим и не слишком маленьким, но отдельных частей её он не различал. <...> Богородицу Деву он тоже видел в подобном облике (§29).

как мне кажется, церковью святого Павла)¹². Дорога <туда> идёт вдоль реки. Так шёл он, погружённый в свои благочестивые думы, и присел ненадолго лицом к реке, протекавшей в глубине¹³. И вот, когда он там сидел, у него стали открываться очи разумения. Не то чтобы ему было какое-то видение, однако он понял и узнал множество вещей — как духовных, так и относящихся к вере и к наукам, — и притом с таким великим озарением, что всё это показалось ему новым. Невозможно разъяснить все подробности, которые он тогда уразумел, хотя их было множество. Но тогда он получил столь великую ясность понимания, что ему кажется: если собрать всю помощь, полученную им от Бога на всём протяжении его жизни, за прошедшие шестьдесят два года¹⁴, а также всё то, что он познал, и даже если соединить всё это вместе, то он не обрёл бы столько, сколько в тот единственный раз.

И понимание его осталось тогда столь просветлённым, что ему показалось, будто он стал другим человеком, с другим разумом, нежели прежде.

¹² Очень древний монастырь Сан-Пабло-и-Вальдаура, расположенный на другом склоне холма св. Клары над рекой Кардонер, примерно в 400 метрах от «Старого моста». В 1472 г. он перешёл в подчинение цистерцианского аббата из Поблета. Сохранившиеся документы не заходят далее 1520 г., поэтому мы не можем достоверно узнать имя приора в 1522 г., когда св. Игнатий посещал этот монастырь. Историки обычно говорят, что им был Альфонсо де Агуррета. В 1700 г. аббат из Поблета продал монастырь отцам из Общества Иисуса, отстроившим обитель и восстановившим домовую церковь. В 1767 г. они утратили это владение в силу декрета об изгнании, изданного Карлом III. Монастырь перешёл в руки частных лиц и находится в том же положении по сей день. См. САРРЁТ-и-АРБÓS, pp. 208–217; Пуиг, илл. 69.

¹³ Смысл этих слов, ясных каждому, кто знаком с топографией этого места, заключается в том, что св. Игнатий сел на возвышенном месте, повернувшись лицом к реке, протекавшей внизу.

¹⁴ О возрасте, который св. Игнатий сам приписывает себе в этом пассаже, см. то, что сообщается в прим. 1 к § 1 «Автобиографии». На этот пассаж опирается одно из тех мнений, которые по порядку рассмотрел о. Поланко, а именно: будто бы св. Игнатию было шестьдесят три года, когда он умер (см. MI, FN, II, p. 512³). Как уже говорилось, Поланко отказался от этого мнения и в конце концов предпочёл другое, согласно которому св. Игнатий родился в 1495 г. Прежнее мнение Поланко (рождение в 1493 г. и смерть в возрасте шестидесяти трёх лет) поддержал Дюдон (p. 614). Как уже отмечалось выше, это мнение маловероятно.

Когда он там сидел, у него стали открываться очи разумения. Не то чтобы ему было какое-то видение, однако он понял и узнал множество вещей — как духовных, так и относящихся к вере и к наукам (§30).

31. Длилось это довольно долго, а затем он отправился преклонить колени перед крестом, находившимся неподалёку, чтобы возблагодарить Бога. И там ему явилось то видение, которое много раз являлось ему прежде и которое он так и не распознал — то есть та самая вещь, о которой выше говорилось, что она показалась ему очень красивой, со множеством глаз¹⁵. Однако, находясь перед крестом, он ясно увидел, что это «нечто» было не такой красивой расцветки, как обычно. И тогда он весьма отчётливо, с полным согласием воли, осознал, что это был бес. Впоследствии это видение являлось ему много раз, в течение долгого времени, но он с презрением отгонял его посохом, который, по своему обыкновению, носил в руке.

32. Как-то в Манресе, будучи больным, из-за очень сильной лихорадки он оказался на пороге смерти, так что ясно осознал: душа вот-вот покинет его. И тут ему в голову пришла мысль, внушавшая ему, что он — праведник. <Эта мысль> так донимала его, что он был занят лишь одним: отгонял её и выявлял свои грехи. Она терзала его пуще <самой> лихорадки, но одолеть её он не мог, как сильно ни старался. Однако, несколько оправившись от лихорадки и уже не будучи при последнем издыхании, он, обращаясь к неким сеньорам, пришедшим навестить его, стал громко кричать, чтобы ради любви к Богу в следующий раз, когда они увидят его на пороге смерти, они закричали во весь голос, называя его грешником, дабы вспомнились оскорбления, нанесённые им Богу.

33. В другой раз, когда он плыл морем из Валенсии в Италию, разразилась сильная буря, у корабля сломался руль, и дело дошло до того, что, на его взгляд и по мнению многих людей, плывших на этом корабле, никак нельзя было избежать смерти¹⁶. В это время, испытав как следует свою совесть и готовясь умереть, он не почувствовал никакого страха: ни за свои грехи, ни перед осуждением. Однако он переживал великое смятение и скорбь, считая, что не использовал как следует те дары и ту благодать, которую сообщил ему наш Господь Бог.

В другой раз, в пятидесятом году, ему было очень плохо от чрезвычайно тяжкого недуга, который, на его взгляд и также по мнению

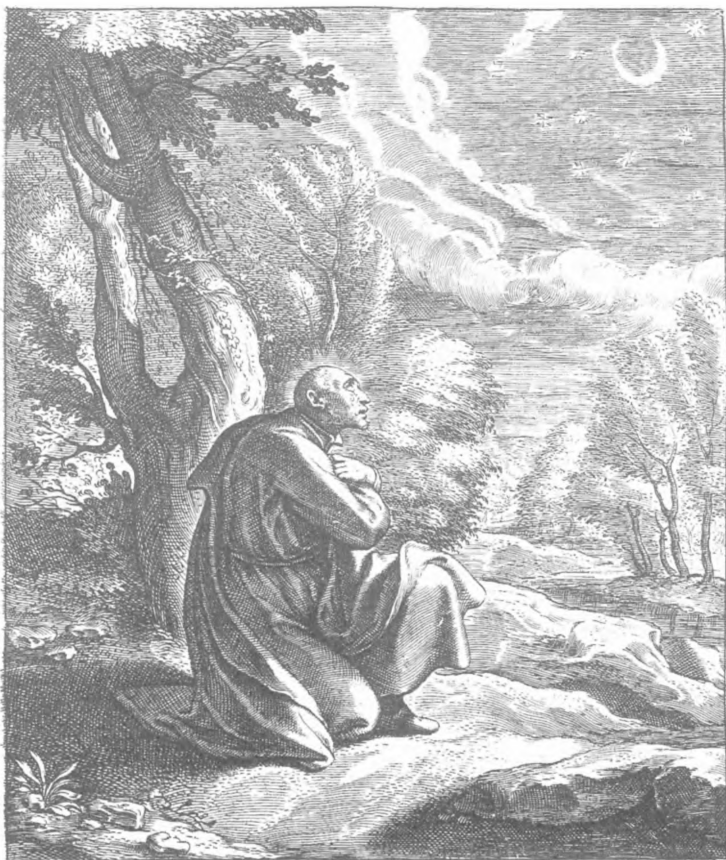
---

¹⁵ См. § 19. Здесь имеется в виду так называемый Тортский крест.

¹⁶ Это было в 1535 г. См. § 91.

Впоследствии это видение являлось ему много раз, в течение долгого времени, но он с презрением отгонял его посохом, который, по своему обыкновению, носил в руке (§31).

Думая о смерти, он испытал такую радость и такое духовное утешение от того, что ему предстояло умереть, что весь залился слезами (§33).

многих, должен был стать <для него> последним¹⁷. В это время, думая о смерти, он испытал такую радость и такое духовное утешение от того, что ему предстояло умереть, что весь залился слезами. И это начало происходить настолько часто, что много раз он отбрасывал мысль о смерти, чтобы не испытывать столь сильного утешения.

34. Когда пришла зима, он захворал очень тяжёлой болезнью. Чтобы вылечить его, город поместил его в дом отца некоего Феррера¹⁸, который впоследствии был слугой Бальтасара де Фариа¹⁹. Там его лечили с великим тщанием; и в силу того благоговения, которое уже <тогда> испытывали перед ним многие самые знатные сеньоры, к нему приходили, чтобы дежурить возле него по ночам²⁰.

Исцелившись от этого недуга, он, тем не менее, оставался очень слабым и часто испытывал боли в желудке. Вот по этим причинам, а также потому, что зима была очень холодной, его заставили одеться, обуться и покрыть голову. Итак, его заставили надеть две *ропили*^в из очень толстого сукна и шапочку из него же, в виде небольшого берета (*como media gorra*).

В это время было много дней, когда ему сильно хотелось беседовать о вещах духовных и найти людей, которые были бы к этому способны. Между тем приближалось время, когда он предполагал отправиться в Иерусалим²¹.

---

¹⁷ Речь идёт о болезни, которая одолела св. Игнатия в конце 1550 г. и продолжала терзать его до начала 1551 г.

¹⁸ О. Нонель (р. 76, прим. 1) пишет, что св. Игнатий, возможно, имеет в виду сына Антонио Бенито Феррера и его супруги Хуаны. Впоследствии он был слугой Бальтасара де Фариа, ведавшего делами короля Португалии в Риме в 1543–1551 гг. Хуана Феррер, или Феррера, как тогда было принято говорить, упоминается в процессах по делу св. Игнатия в числе покровительниц святого. См. *MI, Scripta*, II. 367, 370, 379, 738, 748.

¹⁹ См. предыдущее примечание.

²⁰ Благочестивыми сеньорами, наиболее благосклонно относившимися к св. Игнатию в Манресе, были Инес Паскуаль, Анхела Амигант, Микаэла Каньельес, Инес Клавера и Брианда Пагера.

^в *Ропилья* (*gorilla*): старинная приталенная одежда с двойными рукавами. — *А.К.*

²¹ Любопытно, что в этом рассказе о своей жизни в Манресе св. Игнатий ничего не говорит о составлении *Упражнений*. Это упущение он восполнил в конце своего автобиографического повествования (см. § 99), кратко ответив на вопрос о Камары.

35. И вот в начале двадцать третьего года он отправился в Барселону, чтобы сесть там на корабль²². И, хотя кое-кто набивался ему в спутники, он хотел идти только один, поскольку для него всё дело было в том, чтобы иметь своей опорой одного лишь Бога.

И вот однажды его весьма настойчиво убеждали взять себе в спутники <одного человека>, поскольку <паломник> не знал ни итальянского языка, ни латинского, и говорили, как сильно поможет ему этот <спутник>, при этом восторженно его расхваливая. Но <паломник> сказал, что, будь это даже сын или брат герцога Кардона²³, он всё равно не пойдёт вместе с ним, поскольку он желал обладать тремя добродетелями: любовью, верой и надеждой. Если же он возьмёт кого-нибудь себе в спутники, то, испытывая голод, будет ждать помощи от него; если упадёт, тот поможет ему подняться. Поэтому он будет уповать на него и в силу этих причин чувствовать привязанность к нему, тогда как это упование, привязанность и надежду он хотел бы испытывать только по отношению к Богу. Чтó он говорил — то и чувствовал в сердце.

С такими-то мыслями он и хотел сесть на корабль: не только в одиночестве, но и без всяких припасов. Когда он начал договариваться о посадке на корабль, ему попался один хозяин судна, взявший его бесплатно, поскольку денег у него не было, но с тем условием, что он должен был принести на корабль сухари^Г, чтобы кормиться самому, а иначе его не возьмут ни за что на свете.

36. Когда он хотел раздобыть эти сухари, его одолели страшные сомнения: «Такова-то твоя надежда и вера в Бога, которая не

---

²² Как уже отмечалось выше (см. прим. 12 к этой главе), он вышел из Манресы, вероятно, 17 или 18 февраля 1523 г. Ср. *FN*, I, p. 81¹⁶.

²³ Во всех испанских текстах эта фамилия читается явно ошибочно: Кармона. Между тем семья Кардона принадлежала к самой прославленной знати Каталонии. Одна из сестёр герцога Кардона была замужем за Антонио Манрике де Ларой, которому в своё время служил св. Игнатий. См. Саласар-и-Кастро, II, p. 176.

^Г В оригинале *bizcocho* — слово, восходящее к *лат. bis coctum* (букв. «дважды испечённое»). Последнее дало в русском слово «бисквит», известное с начала XVIII в. В значении «сухарь» исп. *bizcoho* можно считать архаизмом (в современном языке сухари называются *galletas*). Сухари, как известно, использовались моряками вместо хлеба. — *А.К.*

Он оставил деньги на лавке, которую обнаружил там,
неподалёку от берега (§36).

постыжает?» — и т. п. Эти сомнения были настолько сильны, что причиняли ему немало мучений. Наконец, не зная, что делать, поскольку находились основательные резоны и «за», и «против», он решил довериться своему духовнику, которому объяснил, как сильно желал он следовать по пути совершенства и того, что служило бы к вящей славе Божией^д, равно как и причины, заставлявшие его усомниться в том, должен ли он взять с собой пропитание. Духовник решил, что ему следует попросить необходимое и взять с собой.

Тогда он обратился с просьбой к одной сеньоре, а та спросила его, куда он хочет плыть на корабле. Несколько мгновений он колебался, не сказать ли ей <правду>; но в конце концов не отважился сказать ей ничего, кроме того, что направляется в Италию, в Рим. А она, будто изумившись, сказала: «Ты в Рим хочешь ехать? Да ведь те, кто туда едет, уж не знаю какими возвращаются!» (желая сказать, что в Риме они получали мало пользы в делах духа). А причиной, по которой он не осмелился сказать, что едет в Иерусалим, была боязнь тщеславия. Эта боязнь настолько его одолевала, что он никогда не осмеливался сказать, откуда он родом и из какой семьи²⁴.

Наконец, раздобыв сухари, он сел на корабль. Но, находясь <ещё> на берегу с пятью или шестью «беленькими»^е, которые ему дали, когда он просил милостыню у дверей <домов> (поскольку обычно он так и жил), он оставил деньги на лавке, которую обнаружил там, неподалёку от берега.

37. Затем он сел на корабль, проведя в Барселоне чуть больше двадцати дней. Ещё находясь в Барселоне, прежде чем сесть на корабль, он, по своему обыкновению, разыскивал всех духовных людей — даже если они находились в пустынях <вдали от> города, — чтобы побеседовать с ними. Но ни в Барселоне, ни в Манресе за всё время, что он там провёл, ему не удалось найти никого,

---

^д В оригинале «*lo que más fuese gloria de Dios*». Ср. девиз Общества Иисуса: «К вящей славе Божией» (*лат. Ad maiorem Dei gloriam, исп. A la mayor gloria de Dios*). — А.К.

²⁴ См. предисловие о. да Ка́мары, § 1*.

^е В оригинале «*blancas*»: название монет той эпохи. — А.К.

кто помог бы ему так, как ему хотелось. Только в Манресе та женщина, о которой говорилось выше²⁵, сказавшая ему, что просила Бога о том, чтобы ему явился Иисус Христос — лишь эта женщина, как ему казалось, глубже проникла в предметы духовные. Поэтому после отплытия из Барселоны он полностью потерял эту жажду разыскивать духовных людей.

---

²⁵ См. § 21.

ГЛАВА IV

38–39. Игнатий сходит с корабля в Гаэте и отправляется в Рим. — 40–41. Получив благословение Папы Адриана VI, он направляется в Венецию. — 42–43. Его благосклонно принимает некий испанец. Он получает возможность бесплатного проезда до Святой Земли; отплывает на Кипр; пресекает безобразия, творившиеся на корабле. — 44–48. Прибывает в Иерусалим и с великим благоговением посещает Святые Места. Не получив разрешения остаться там, он вынужден вернуться в Европу.

38. Попутный ветер был настолько крепок, что от Барселоны до Гаэты добрались за пять суток, хотя все изрядно натерпелись страху из-за сильной бури.

А по всему тому краю опасались чумы.

Едва сойдя на берег, <паломник> тут же пустился в путь в Рим. Из тех, кто плыл на корабле, к нему присоединились попутчики: мать с дочерью, носившей одежду юноши, и ещё какой-то парень. Они следовали за <паломником>, поскольку тоже просили милостыню.

Подойдя к одному хутору, они обнаружили большой костёр, а возле него — множество солдат, которые накормили их, причём давали им много вина, предлагая его так <навязчиво>, что казалось, будто они намерены подпоить их. Затем солдаты разделили их, поместив мать с дочерью наверху, в комнате, а паломника с парнем — в стойле. Но, когда настала полночь, он услышал, как там, наверху, громко кричат. Поднявшись, чтобы посмотреть, в чём дело, он обнаружил мать с дочерью внизу, во дворе; они были все в слезах и жаловались на то, что их пытались изнасиловать. Тут его охватил такой сильный порыв <негодования>, что он стал кричать, говоря: «И это прикажете терпеть?» — и тому подобные жалобы. Всё это он говорил с таким напором, что все в доме перепугались, и никто не причинил ему никакого вреда. Парень уже убежал, и троица отправилась в путь прямо ночью.

39. Придя в один город, находившийся поблизости, они обнаружили, что он заперт. Не сумев войти в него, они втроём провели эту ночь в какой-то церкви поблизости (крыша у неё протекала). Утром

им не захотели открыть городские <ворота>, а снаружи им не удалось найти подаяния, хотя они и пошли в селение, видневшееся неподалёку. Там паломник почувствовал себя измождённым: и от превратностей плавания, и от всего остального. Не будучи в силах идти дальше, он остался там, а мать с дочерью отправились в Рим.

В тот день из города вышло много народу. И вот, узнав о том, что там шла и госпожа этой местности¹, он предстал перед ней, сказав ей, что не болен, а только измождён и просит у неё позволения войти в город, чтобы поискать какого-нибудь лекарства. Она охотно дала разрешение. И вот, начав просить милостыню в городе, он собрал много куатринов² и, восстановив там силы за два дня, возобновил свой путь и пришёл в Рим в Вербное воскресенье³.

40. Там все, кто с ним говорил, узнав, что у него нет с собой денег на <путешествие в> Иерусалим, стали отговаривать его от этой поездки, и утверждали, приводя ему множество доводов, что проезд без денег невозможен. Но в душе его была такая твёрдая уверенность, что усомниться он не мог и думал лишь о том, как бы отыскать способ добраться до Иерусалима.

Получив благословение Папы Адриана VI, он отправился в Венецию спустя восемь или девять дней после Пасхи⁴. С собой у него ещё было шесть-семь дукатов, которые дали ему на поездку из Вене-

---

¹ О. Такки Вентури (II, 1, р. 40) обоснованно полагает, что речь идёт о графине Беатрис Аппиани, супруге Веспасиано Колонна, синьоре Фонди. Если это так, то городом, куда пришёл св. Игнатий, был Фонди.

² Старинная мелкая медная монета, в пословицах соответствующая русскому грошу: «не стоит и куатрина» (ДК, ч. II, гл. LXII). В Италии это слово (*quattrino*) до сих пор используется, в просторечии обозначая «деньги». В этом же значении см. в §§ 80, 89. — *К. де Д., А.К.*

³ В 1523 г. Вербное воскресенье пришлось на 29 марта.

⁴ В тот год Пасха пришлась на 5 апреля, из чего явствует, что Игнатий выступил из Рима в Венецию 13 или 14 числа этого месяца. Разрешение на поездку в Иерусалим, пожалованное Папой Адрианом VI св. Игнатию, хранится в Ватиканском Архиве. Оно датировано 31 марта 1523 г., то есть выдано через два дня после прибытия святого в Рим. В нём Игнатий назван так: «*Enecus de Loyola, clericus rampionensis dioecesis*» («Энеко де Лойола, клирик из Памплонского диоцеза»). Текст его был опубликован отцами Летурией и Батльори в *ANSI* 25 (1956), р. 26, а также в *MI, FD*, док. № 64.

ции в Иерусалим, и он взял их, так как его отчасти одолели внушавшиеся ему опасения: дескать, иначе проехать он не сможет. Но, спустя два дня после того, как он вышел из Рима, он стал понимать, что это было проявлением овладевшего им недоверия. Его сильно удручало, что он взял эти дукаты, и он начал подумывать о том, не лучше ли будет их оставить. Но в конце концов он решил щедро потратить их на тех, кто ему попадётся — а обычно это были нищие. Так он и сделал, из-за чего потом, когда он пришёл в Венецию, у него осталось всего несколько куатринов, необходимых ему той ночью.

41. По пути в Венецию он ночевал в портиках из-за сторожевых постов, расставленных по причине чумы. И вот как-то раз с ним случилось следующее: поднявшись утром, он столкнулся с человеком, который, увидев, что его увидели, в страшном испуге бросился бежать: вероятно, ему показалось, что паломник сильно бледен.

Продолжая путь таким образом, он пришёл в Чосу⁵ и вместе с несколькими попутчиками, которые к нему присоединились, узнал о том, что в Венецию их не пустят. Тогда его попутчики решили идти в Падую, чтобы получить там справку (*cédula*) о здоровье. Он отправился вместе с ними, но пройти такой путь не смог, поскольку шли они очень быстро. Его оставили на просторном поле, <уже> почти ночью.

Когда он был там, ему явился Христос — так, как Он обычно ему являлся, о чём мы говорили выше⁶ — и весьма его утешил. С этим-то утешением на следующее утро, не подделав справки (как, вероятно, поступили его попутчики), он подходит к воротам Падуй и вступает <в город>, причём стража ни о чём его не спросила. То же самое произошло с ним и на выходе <из города>, чему сильно изумились его попутчики, пришедшие за справкой, чтобы пойти в Венецию — а он об этой <справке> даже и не думал.

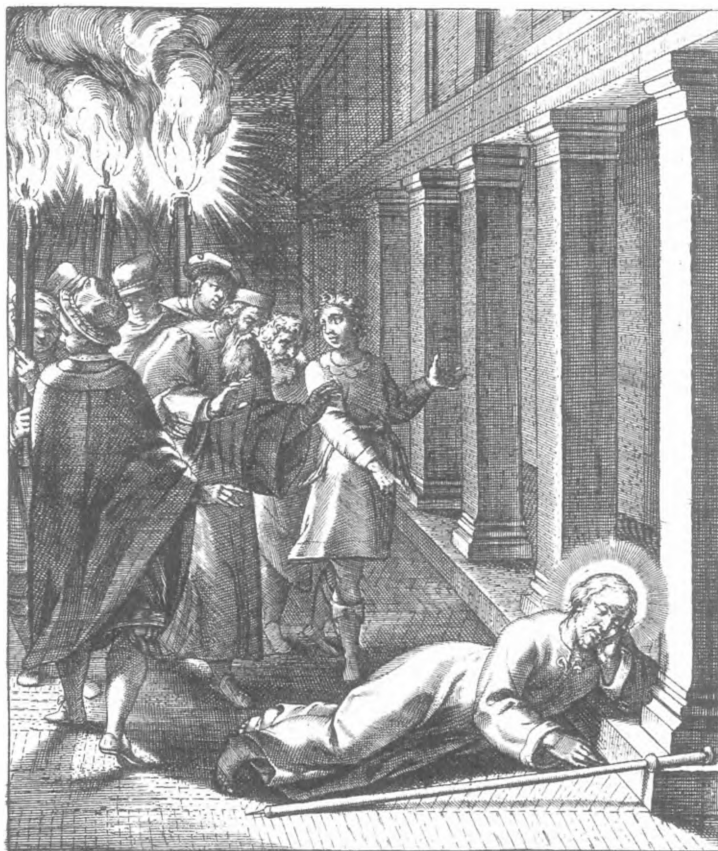
42. Когда они прибыли в Венецию, на лодку пришли стражники, чтобы осмотреть всех, кто на ней был, одного за другим, и лишь одного <паломника> миновали.

В Венеции он кормился, собирая подаяние, и ночевал на пло-

---

⁵ Чоса — по-итальянски Кьоджа, город в 30 км от Венеции, на южной оконечности лагуны.

⁶ См. § 29, *четвёртое*.

Ему встретился некий богатый испанец, спросивший его, что он делает и куда хочет отправиться (§42).

щади святого Марка⁷. Но ему никогда не хотелось пойти в дом посланника императора⁸, и не слишком он старался найти кого-нибудь, с кем мог бы путешествовать. В душе у него была твёрдая уверенность в том, что Бог даст ему возможность добраться до Иерусалима, и эта уверенность настолько укрепляла его, что никакие доводы, никакие запугивания не могли его поколебать.

Однажды ему встретился некий богатый испанец⁹, спросивший его, что он делает и куда хочет отправиться. Узнав о его намерении, он взял его к себе домой обедать, а затем оставил у себя на несколько дней, покуда не было всё готово к отправлению.

Уже с Манресы у паломника установился такой обычай: обедая с кем-нибудь, он никогда не говорил за столом — разве что односложно отвечал. Однако <при этом> он прислушивался к разговору, отмечая то, что давало ему повод поговорить о Боге, а по окончании трапезы так и делал.

43. Это и было причиной тому, что и этот порядочный человек, и вся его семья настолько к нему привязались, что хотели задержать его у себя и принуждали остаться там. Тот же самый гостеприимец доставил его к венецианскому дожу¹⁰, чтобы он поговорил с ним — *id est*^a выхлопотал ему доступ и аудиенцию. Выслу-

---

⁷ Св. Игнатий ночевал на площади св. Марка под колоннадами, получившими название «Прокурацье веккье». Неподалёку оттуда находилось палаццо сенатора Марка Антония Тревизана, ныне палаццо «Бьянко Каппелло». Согласно одному очень старому преданию, этот сенатор не мог успокоиться до тех пор, пока, выйдя на площадь, не встретил св. Игнатия и не пригласил его переночевать к себе домой. См. *FN*, II, pp. 433 и 536; III, p. 374; РИБАДЕНЕЙРА, *Жизнь*, I, 1, 10; *FN*, IV, p. 152.

⁸ Им был Алонсо Санчес.

⁹ Вплоть до сего дня не удалось установить имя этого испанца, который целовеколюбиво помог св. Игнатию в Венеции. Ниже (см. § 50) св. Игнатий говорит, что по возвращении из Иерусалима его встретил один из двоих людей, взявших его к себе домой перед его отъездом в Иерусалим. Мы уже знаем (см. прим. 7), что одним из этих двоих был сенатор Марк Антоний Тревизан.

¹⁰ Это был дож Венеции (*лат. dux de Venetia*) Андреа Гритти. Он был избран на эту почётную должность 10 мая 1523 г., т. е. примерно за четыре дня до прибытия св. Игнатия в Венецию. См. *FN*, I, p. 29*, прим. 43.

^a То есть, иначе говоря (*лат.*) — *А.К.*

На этом корабле в открытую творились гнусности
и безобразия, которые он сурово пресекал (§43).

шав паломника, дож распорядился, чтобы ему позволили сесть на губернаторский корабль, шедший на Кипр¹¹.

Хотя в том году в Иерусалим отправилось много паломников, большинство из них вернулись домой в силу новых обстоятельств, возникших после захвата Родоса¹². Тем не менее их было тринадцать человек на паломническом корабле, который отправился первым¹³. Восемь или девять человек остались на губернаторском корабле¹⁴. Когда он уже собирался отплыть, нашего паломника одолела тяжёлая болезнь с сильной горячкой. Несколько дней его кое-как лечили, потом перестали. А корабль отправлялся в тот самый день, когда он принял слабительное. Домочадцы <испанца> спросили врача, можно ли <паломнику> садиться на корабль в Иерусалим, и тот отвечал, что, если он хочет, чтобы там его похорони-

---

¹¹ Относительно путешествия св. Игнатия из Венеции в Палестину мы располагаем богатыми данными дневников, написанных многими другими спутниками св. Игнатия в этом паломничестве. Одним из них был Петер Фюссли, гражданин Цюриха, по профессии — отливщик колоколов. Благодаря ему мы знаем имена ещё троих попутчиков: капитан Хюнегг из Меллингена; согражданин Фюссли, Хайнрих Циглер, и тиролец Конрад Бернхард. Рассказ Фюссли, написанный по-старонемецки, был опубликован (наряду с другими изданиями) БЁМЕРОМ. В двух последующих изданиях труда БЁМЕРА, подготовленных Хансом Лойбе и вышедших в 1941 и 1951 гг., интересный текст Фюссли был опущен. Тот же БЁМЕР (р. 4 его *Текстов* в упомянутом труде) сообщает ещё об одном дневнике, составленном страсбургцем Филиппом Хагеном и опубликованном Конради. С важнейшими данными, содержащимися в дневнике Фюссли, можно ознакомиться в кратком изложении по: *FN*, I, pp. 420–422, 428–429. Сам св. Игнатий написал из Иерусалима своим друзьям в Барселоне рассказ о своём путешествии в Палестину, который видел о. Рибаденейра, о чём он сам свидетельствует (см. *FN*, I, pp. 1–4.). К несчастью, этот драгоценный документ был утрачен.

¹² Родос был взят турками за год до этого, 12 декабря 1522 г.

¹³ Это был меньший корабль, на который сели 13 паломников, в числе которых был Филипп Хаген. Он вышел из Венеции 29 июня.

¹⁴ Этот корабль был больше по размерам и назывался *Негрона*. Принадлежал он Бенедетто Рагаццони. На нём и совершал своё путешествие св. Игнатий вместе с другими паломниками, среди которых был Петер Фюссли, автор дневника, упомянутого в прим. 12. Испанцев было четверо: св. Игнатий, один священник, имя которого осталось неизвестным, командор Ордена св. Иоанна, Диего Манес, и один его слуга. На нём плыл также новый губернатор Кипра, Никколó Дольфин. На Кипре, как сообщает чуть ниже св. Игнатий, паломники покинули *Негрону* и присоединились к своим товарищам на «паломническом» корабле.

ли — тогда, конечно, можно. Однако <паломник> сел на корабль и отплыл в то же день. Мutilо его так, что он <даже> почувствовал сильное облегчение и начал совершенно поправляться.

На этом корабле в открытую творились гнусности и безобразия, которые он сурово пресекал.

44. Испанцы, плывшие там же, предупреждали его, чтобы он этого не делал, поскольку команда корабля сговаривалась высадить его на каком-нибудь острове. Но Господу нашему было угодно, чтобы они быстро добрались до Кипра, где, оставив этот корабль, отправились по суше в другой порт, именуемый Лас Салинас¹⁵, находившийся в десяти лигах оттуда, и перешли на паломнический корабль, на котором <паломник>, если говорить о его пропитании, столь же мало рассчитывал на что-либо, кроме надежды, возлагаемой им на Бога, как и на прежнем корабле. Всё это время ему многократно являлся наш Господь, подававший ему немалое утешение и силу. Кроме того, ему казалось, что он видел нечто округлое и большое, будто бы из золота, и это ему представлялось после того, как они, отплыв с Кипра, прибыли в Яффу¹⁶. До Иерусалима добирались на осликах, как это принято; и вот, не доезжая до Иерусалима двух миль, один знатный испанец, которого звали, кажется, Диего Манес, с крайним благоговением сказал всем паломникам,

¹⁵ Ныне Ларнака.

¹⁶ Интерпретация этого пассажа несколько затруднительна вследствие того, что в разных кодексах его пунктуация различна. Здесь мы следуем тексту *N*, который в целом следует считать лучшим из всех рукописей, почему он и был взят за основу в критическом издании «Автобиографии» в *FN*, I. Этот текст (как и большая часть других) даёт понять, что эти явления Христа св. Игнатию имели место *после* отплытия последнего с Кипра. Однако в тексте *Ve* (Рим, Библиотека Витторнио Эммануэле, *mss. gesuit.* 1372) стоит точка после слов «и это ему представлялось» («*у esto se le representaba*»), из-за чего время, в которое происходили эти явления, становится неопределённым. В своём издании «Автобиографии» о. Ларраньяга (I, р. 218) остановился именно на таком чтении и на такой пунктуации. Однако, на наш взгляд, чтение кодекса *Ve* ставит нас перед значительными трудностями, поскольку при такой пунктуации слова «и это ему представлялось» («*у esto se le representaba*») оказываются попросту излишними. Тем не менее некоторые переводчики предпочитают именно этот вариант. Так, в переложении на современный испанский (Ларраин, р. 39) этот пассаж изложен следующим образом: «...будто бы из золота: так мне это представлялось. После отплытия с Кипра мы прибыли в Яффу». Разделяющее значение точки в этом издании даже подчёркивается тем, что словами «После отплытия с Кипра» открывается новый абзац — *К. де Д., А.К.*

Всё это время ему многократно являлся наш Господь,
подававший ему немалое утешение и силу (§44).

что, поскольку вскоре им предстоит подъехать к тому месту, откуда можно будет увидеть святой город, хорошо было бы, если бы все они настроили свои мысли на нужный лад и хранили молчание.

45. Это показалось всем достойным, и каждый стал собираться с мыслями. Незадолго до того, как прибыть на то место, откуда был виден <город>, они спешили, поскольку увидели монахов <-францисканцев> с крестом, их поджидавших. И тут, увидев город, паломник испытал великое утешение. Судя по тому, что говорили другие, это чувство было общим для всех, равно как и радость, казавшаяся сверхъестественной. То же самое благоговение он чувствовал всегда, посещая святые места.

Твёрдым его намерением было остаться в Иерусалиме, чтобы постоянно посещать эти святые места. Кроме этого благоговейного преклонения, у него было также намерение оказывать помощь душам, и ради этого он вёз с собой рекомендательные письма для гвардиана¹⁷. Отдав ему эти письма, <паломник> сказал ему о своём намерении остаться там для благоговейного поклонения, но не <сказал> о другом — что он хочет приносить пользу душам, — поскольку об этом не говорил никому, тогда как о первом открыто заявлял многократно.

Гвардиан ответил ему, что не знает, каким образом <паломник> мог бы остаться, поскольку обитель пребывала в такой нужде, что не могла содержать <даже> монахов, из-за чего он вынужден был отправить некоторых <из них> вместе с паломниками на родину. Но паломник отвечал, что от обители он не хочет ничего, кроме одного: чтобы иногда, если он придёт исповедаться, у него приняли исповедь. На это гвардиан сказал ему, что так дело, пожалуй, пойдёт. Однако ему нужно подождать, пока не придёт провинци-

---

¹⁷ Гвардиан — настоятель францисканской обители или монастыря. Неизвестно, кто был тогда гвардианом монастыря на горе Сион. Эта должность, которую исполняли в течение трёх лет, давала тому, кто её занимал, юрисдикцию над всеми остальными францисканскими монастырями Святой Земли. 23 мая 1523 г., на Генеральном капитуле, проходившем в Бургосе, на эту должность был назначен Анджел Тасси из Феррары; однако достоверно известно, что в путь он отправился не ранее мая 1524 г. Дзенобио Мази из Флоренции, избранный на эту должность в 1517 г. и утверждённый в ней в 1518 г., оставался в ней до 1520 г. С 1520 по 1523 г. её должен был занимать другой человек, имени которого мы не знаем; избран он был, несомненно, на Генеральном капитуле в 1521 г. Эти данные почерпнуты из труда Арсе, pp. 197–209.

ал (кажется, это был главный настоятель Ордена в этой стране), который находился <тогда> в Вифлееме¹⁸.

46. Заручившись этими обещаниями, паломник стал писать письма в Барселону, духовным людям. Когда он уже написал одно¹⁹ и писал второе, накануне отъезда паломников, за ним пришли, чтобы вызвать его к провинциалу и гвардиану, поскольку <первый из них> приехал. Провинциал учтиво и мягко сказал ему, что он знает о его благом намерении остаться в этих святых местах, что он как следует подумал об этом и что, исходя из опыта с другими <людьми>, он считает это невозможным. У многих ведь было это желание, и вот одних взяли <в плен>, другие умерли; а потом, <францисканский> Орден обязан был выкупать пленных. Поэтому пусть он готовится отправиться завтра вместе с паломниками.

На это <паломник> отвечал, что намерение его весьма твёрдо и что он ни в коем случае не предполагает отказаться от его воплощения на деле. Тем самым он честно дал понять, что, даже если это не будет угодно провинциалу, он не откажется от своего намерения, сколько бы его ни запугивали, если только не будет ничего, что заставляло бы его согрешить. На это провинциал сказал, что у них есть полномочие, данное Апостольским Престолом, в силу которого они могут заставить уйти отсюда или остаться здесь того, кого сочтут нужным, а также отлучить от Церкви тех, кто не захочет им повиноваться, и что в данном случае они сочли, что ему не следует оставаться, и т. д.

47. Они хотели показать ему те буллы, в силу которых могли отлучить его от Церкви, но он сказал, что видеть их нет нужды, что он верит их преподобиям, и, раз уж они так решили той властью, которой располагают, то он им повинуетя.

По завершении этого он вернулся туда, где находился прежде, и тут его одолело сильное желание ещё раз посетить Елеонскую

---

¹⁸ Провинциалом, который как раз объезжал тогда территорию своей юрисдикции, был о. Маркос де Салодио. См. труд АРСЕ, упомянутый в предыдущем примечании. О путешествии св. Игнатия в Святую Землю см. также Бартиня, pp. 55–74.

¹⁹ Возможно, это был тот самый рассказ о путешествии из Венеции в Иерусалим, ныне утраченный, о котором упоминалось в прим. 12.

гору до своего отъезда, раз уж не было воли Господней на то, чтобы он остался в этих святых местах.

На Елеонской горе есть один камень, с которого наш Господь вознёсся на небеса, и даже теперь <на нём> видны отпечатанные следы. Именно это он и хотел увидеть ещё раз. И вот, ничего не сказав и не взяв проводника (а ведь те, кто идёт туда без проводника-турка, подвергаются страшной опасности), он ускользнул от других и в одиночестве отправился на Елеонскую гору. Стражники не хотели пропускать его. Он отдал им перочинный нож, который носил с собой. После этого, сотворив молитву и испытав небольшое утешение, он ощутил желание пойти в Виффагию. Находясь там, он снова вспомнил, что на Елеонской горе не разглядел толком, где был след правой ноги, а где — левой. Тогда, вернувшись туда, он отдал стражникам, кажется, ножницы, чтобы они его пропустили.

48. Когда в монастыре узнали о том, что он отправился вот так, без проводника, монахи приложили усилия к тому, чтобы разыскать его. И вот, спускаясь с Елеонской горы, он столкнулся с «подпоясанным христианином»²⁰, служившим в монастыре. Тот, увидев паломника, <держа в руке> большую палку, со страшным раздражением стал знаками показывать ему, что сейчас, мол, ему задаст. Подойдя к паломнику, он крепко схватил его за руку, и тот позволил, чтобы его беспрепятственно вели. Но добряк так ни разу и не отпустил его. Идя по этой дороге, <чувствуя> цепкую хватку «подпоясанного христианина», он получил от нашего Господа великое утешение, ибо ему казалось, что всё время он видел над собою Христа. И до тех пор, пока он не подошёл к монастырю, это <видение> продолжалось всё время, непрерывно и чрезвычайно ярко.

---

²⁰ «Подпоясанный христианин» (cristiano de la cintura): так назывались христиане-сирийцы, служившие в монастыре на горе Сион — несомненно, из-за особого кушака, которым они опоясывали свою рясу. Как известно, и при арабском владычестве, и позднее, в Османской империи, все христиане, жившие в мусульманских государствах, обязаны были носить пояс как знак принадлежности к иному вероисповеданию. — *К. де Д., А.К.*

На Елеонской горе есть один камень, с которого наш
Господь вознёсся на небеса, и даже теперь <на нём>
видны отпечатанные следы (§47).

Идя по этой дороге, <чувствуя> цепкую хватку «подпоясанного христианина», он получил от нашего Господа великое утешение, ибо ему казалось, что всё время он видел над собою Христа (§48).

ГЛАВА V

49. Возвращаясь из Палестины через Кипр и пережив сильную бурю, <паломник> сходит на берег в Венеции. — 50–53. Он решает идти в Барселону учиться. По пути из Генуи проходит через Феррару и через лагеря императорских и французских войск. Его хватают как шпиона, унижают, и ему является Иисус Христос. Он садится на корабль в Барселону.

49. Паломники отправились в путь на следующий день¹ и, прибыв на Кипр, разделились по разным кораблям. В порту стояло три или четыре корабля до Венеции. Один <из них> был турецким <судном>, другой — крошечным корабликом, а третий — очень богатым и мощным кораблём одного богатого венецианца². Хозяина этого судна некоторые паломники просили о том, чтобы он соблаговолил взять <на борт нашего> паломника; но хозяин, узнав о том, что у того нет денег, не пожелал <этого сделать>, хотя многие упрасивали его, расхваливали и т. п. А хозяин отвечал: «Если он святой, так пусть путешествует, как путешествовал святой Иаков» — или что-то вроде этого. Те же самые просители без труда получили согласие капитана крошечного кораблика.

В тот день, когда они отправились в путь, с утра ветер был попутным, а к вечеру их застигла буря, из-за которой корабли разошлись. Большой <корабль> потерпел крушение возле тех же островов Кипра, и спаслись только люди. Турецкий корабль пропал вместе со всеми людьми в той же самой буре. Маленький кораблик перенёс много испытаний, но в конце концов пристал к берегу где-то в Апулии. Стояла уже настоящая зима, было страш-

---

¹ 23 сентября 1523 г.

² Джерónimo Контарини. Из дневника Фюссли известны названия двух других больших кораблей: один назывался *Малиньера*, а другой — *Маран*. На *Малиньере* удалось сесть Петеру Фюссли и его товарищам, но отнюдь не св. Игнатию, совершенно лишённому средств, необходимых, чтобы заплатить за проезд. Мы не знаем ни названия «крошечного кораблика», на который ему удалось попасть, ни того, кто был его хозяином. См. *FN*, I, p. 248, прим. 1.

но холодно и шёл снег, а у паломника не было другой одежды, кроме штанов из грубой ткани до колен, оставлявших икры голыми, башмаков, *хубона* из чёрной ткани со множеством разрезов на спине^а да короткой *ропили*, толку от которой было мало.

50. В Венецию он прибыл в середине января двадцать четвёртого года, проведя в море <по пути> с Кипра весь ноябрь и декабрь, а также миновавшую половину января. В Венеции его встретил один из двоих людей, взявших его к себе домой до его отъезда в Иерусалим³, и дал ему в качестве милостыни пятнадцать или шестнадцать юлиев⁴, а также кусок ткани, который он многократно сложил и поместил себе на живот из-за стоявших тогда сильных холодов.

После того как означенный паломник понял, что воля Божия была в том, чтобы он не остался в Иерусалиме, он всегда ходил, размышляя о том, *quid agendum*⁵, и в конце концов склонился к тому, что некоторое время ему нужно поучиться, дабы он мог оказывать помощь душам, и решил идти в Барселону. Поэтому он отправился из Венеции в Геную.

И вот однажды, когда он был в Ферраре, в главной церкви, совершая благоговейное поклонение, один нищий попросил у него милостыню, и он дал ему один маркетто⁶, то есть монету в пять или шесть куатринов. Вслед за первым пришёл ещё один, и он отдал ему другую монетку, которая у него была, чуть побольше. А третьему он отдал целый юлий, поскольку у него остались только юлии. И вот, поскольку нищие видели, что он раздаёт милос-

---

^а *Хубон* (исп. *jubón*): старинная испанская одежда. Ср. *итал.* giubbone, *франц.* jure и т. д. В конечном счёте все эти слова восходят к арабскому *джубба*: вид одежды до пят с длинными рукавами. В русском языке это слово, претерпев фонетические изменения, сохранилось в трёх вариантах: во-первых, «юбка», во-вторых — «жупан», в-третьих — «зипун». В разрезы (*cuchilladas*) *хубона* подкладывалась ткань другого цвета. — **А.К.**

³ См. § 42, примм. 7 и 9.

⁴ Старинная итальянская серебряная монета, равноценная десятой части дука-та. Своё название она получила по имени Папы Юлия II. См. Мартинори, р. 184.

⁵ Что делать? (*лат.*).

⁶ *Итал.* marchetto: монета, равноценная одному сольдо и двадцатой части венецианской лиры (см. Мартинори, р. 270).

Маленький кораблик перенёс много испытаний (§49).

Когда он был в Ферраре, в главной церкви, <...>
один нищий попросил у него милостыню,
и он дал ему один маркетто (§50).

тыню, они только и делали, что подходили, и он роздал всё, что у него было. Наконец, сразу много нищих пришли просить милостыню. Он отвечал так: пусть, мол, его простят, но у него ничего больше нет.

51. Из Феррары он отправился в Геную. По пути он встретил нескольких испанских солдат, которые той ночью обошлись с ним радушно. Они крайне удивились тому, как ему удалось пробраться этим путём — ведь нужно было пройти почти посередине между двумя войсками, французским и императорским!⁷ — и просили его свернуть со столбовой дороги на другую, безопасную, которую они ему указали. Однако он не внял их совету, а пошёл прямо прежним путём и наткнулся на сожжённую и разрушенную деревню. Поэтому до самой ночи он не нашёл никого, кто дал бы ему что-нибудь поесть.

А на закате солнца он подошёл к деревне, окружённой <солдатами>, и стражники тут же схватили его, думая, что перед ними шпион. Бросив его в домик близ ворот, они принялись его допрашивать, как обычно делается в тех случаях, когда есть какие-либо подозрения. На все вопросы он отвечал, что ничего не знает. Тогда его раздели и пристально осмотрели всего, до самых башмаков, и все части <тела>, чтобы увидеть, не несёт ли он какое-нибудь письмо. Но, не сумев ничего найти никакими способами, они взяли его, чтобы отвести к капитану: он, мол, заставит его говорить. И, хотя он просил, чтобы его отвели в его *ропилье*, они не захотели отдать её, и повели его так, в вышеупомянутых штанах и *хуббоне*.

52. На ходу паломнику было нечто вроде того явления, в каких ему представлялся Христос, хотя это и не было таким же видением, как другие. Его вели по трём широким улицам, и шёл он без малейшей печали — напротив, с радостью и довольством. У него в обычае было говорить с кем бы то ни было на «ты», и он придер-

---

⁷ Тогда шла война между императором Карлом V и французским королём Франциском I, оспаривавшими друг у друга герцогство Миланское. Св. Игнатий совершал это путешествие в феврале 1524 г. Годом позже эта война завершилась битвой при Павии, в которой Франциск I был взят в плен и перевезён в Мадрид.

На ходу паломнику было что-то вроде того явления, в каких ему представлялся Христос, хотя это и не было таким же видением, как другие (§52).

живался этого из благоговения, поскольку так говорил Христос и апостолы, и т. п.⁶ И вот, пока он шёл по этим улицам, ему пришло на ум, что в такой переделке было бы неплохо оставить это обыкновение и говорить капитану «Ваша милость»: ведь он побаивался пыток, которым могли его подвергнуть, и т. д. Но, поняв, что это искушение, он говорит: «Раз это так, я не стану называть его “Ваша милость”, не буду с ним почтителен и не сниму перед ним шапки».

53. Они приходят во дворец капитана. <Паломника> оставляют в нижнем зале, и через некоторое время с ним заговаривает капитан. А он, не выказав ни малейшей вежливости, отвечает немногословно, да ещё и с длинными паузами между словами. Тогда капитан принял его за сумасшедшего и сказал тем, кто его привёл: «Этот человек не в своём уме; отдайте ему его вещи и гоните прочь».

Выйдя из дворца, он сразу же повстречал одного испанца, жившего там, который взял его к себе домой, дал ему поесть и снабдил всем необходимым на эту ночь. Затем, выйдя в путь поутру, он шёл до самого вечера, когда его увидели двое солдат, стоявших на башне, и спустились, чтобы схватить его. Его отвели к капитану, который был французом, и капитан спросил его, в числе прочего, откуда он родом. Узнав, что он из Гипуски, капитан сказал

---

⁶ Испанские представления о вежливости в ту эпоху сильно отличались от наших нынешних. На «вы» говорили только с нижестоящими, а также с равными, если отношения с ними были дружескими и непринуждёнными. Амбросио де Саласар в 1614 г. писал: «В нашем языке есть четыре способа вежливого обращения... Первая — *Ваша милость* (*vuestra merced*): Храни Бог Вашу милость (к людям высокопоставленным). Вторая — *он* (*él*): Храни его Бог (к друзьям и родным), или же говорится: Храни его Бог (кабальеро). Третий — повелительное на *вы* (*vos*): Храни Вас Бог (к людям не столь высокого положения). Четвёртая — на *ты* (*tú*) в повелительном: Храни тебя Бог (отец к сыну, хозяин к слуге). Поэтому, когда с кем-то говорят или общаются на *вы*, это считают весьма сильным оскорблением по указанной причине». Таким образом, испанское «вы» в ту эпоху примерно соответствовало нынешнему русскому «ты». В испанском переводе Евангелия, читанном св. Игнатием, Христос и апостолы действительно обращались ко всем на «вы» (т. е., по-нашему, на «ты»), и Игнатий сознательно подражал этому, зачастую рискуя навлечь на себя как минимум недовольство спесивого собеседника (ср. § 63). — *А.К.*

ему: «Я тоже оттуда, неподалёку», — кажется, поблизости от Байонны, — и тут же сказал: «Отведите его, дайте ему поесть, и обращайтесь с ним хорошо».

На этом пути из Феррары в Геную случилось много других мелких происшествий. Наконец он пришёл в Геную, где его узнал один бискаец, фамилия которого была Портундо⁸ и который говорил с ним при других обстоятельствах, когда он служил при дворе Короля Католика⁹. Этот бискаец посадил его на корабль, шедший в Барселону. Тогда <паломник> подвергся страшной опасности, ибо их чуть не захватил Андреа Дориа, который гнался за ними, будучи тогда на стороне французов¹⁰.

---

⁸ В действительности это был не Портундо (Portundo), а Родриго Портуондо (Portuondo), «генерал испанских галер» (РИБАДЕНЕЙРА). В 1524 г. он охранял императорскую эскадру при её возвращении из Марселя в Геную. Погиб в 1529 г., в битве с корсарами, близ острова Форментера. См. *FN*, II, p. 435³⁶.

⁹ В молодости св. Игнатий служил в доме Хуана Веласкеса де Куэльяра, старшего казначея (или министра финансов) короля Фердинанда Католика. Поэтому в известном смысле можно было сказать, что он служил у самого короля. Как пишет о. Фита (p. 498, прим. 4), «в силу своей должности старший казначей обычно находился при королях, и, куда бы они ни направлялись, ему отводили там дом или жильё».

¹⁰ Андреа Дориа (1466–1560 гг.), генуэзский кондотьер. В 1522 г. встал на сторону Франциска I, но после его разгрома при Павии в 1525 г. перешёл на службу к Папе Клименту VII; наконец, в 1528 г. окончательно принял сторону Карла V и Испании. «Славный» Андреа Дориа и его «великодушный» брат Пагано упоминаются в ДК, ч. I, гл. XXXIX — *К. де Д., А.К.*

ГЛАВА VI

54–55. В Барселоне <паломник> начинает учиться; ему приходится преодолеть некоторые трудности, встающие перед ним. — 56–57. Он направляется в Алькалу, чтобы изучать философию и теологию. — 58–59. Занимается преподаванием упреждений и разъяснением христианского вероучения. Подвергается судебному процессу. — 60–62. Его помещают в темницу, а затем отпускают на свободу. — 63. Он выходит из Алькалы в направлении Вальядолида и Саламанки.

54. Прибыв в Барселону¹, он сообщил о своём намерении учиться Гисабель Росер² и магистру Ардэволю³, который преподавал грамматику. Обоим показалось, что это очень хорошо, и последний предложил обучать его бесплатно, а первая — обеспечить всем необходимым для жизни.

В Манресе у паломника был один <знакомый> монах (кажет-

---

¹ Немного ниже (см. § 57) св. Игнатий говорит, что он прибыл в Барселону «в двадцать четвёртом году, в Великий пост» (9 февраля–27 марта). Учитывая, что он прибыл в Венецию «в середине января двадцать четвёртого года» (см. § 50) и прошёл пешком неблизкий путь от Венеции до Генуи, а потом — по морю — до Барселоны, можно предположить, что в этот последний город он прибыл во второй половине февраля или в начале марта.

² Гисабель Росер (в оригинале: Guisabel Roscer). Её фамилию следует писать Roser, хотя пишется она также Rosés (Rosés) и Rosell (Rosell). Правильным здесь считается написание Roser, использованное самим св. Игнатием в собственноручно написанном им послании Хайме Кассадору от 12 февраля 1536 г., опубликованном в *Посл.*, I, pp. 93–99. Она познакомилась со св. Игнатием ещё в 1523 г., когда он впервые был в Барселоне. В этом городе она была его великой благодетельницей всё время, пока он там учился, и продолжала оставаться таковой, когда святой перебрался в Париж. В 1543 г. она побывала в Риме вместе с двумя подругами, а в 1545 г. исполнилось её желание принести торжественные обеты в Обществе. Однако в силу различных затруднений, возникших впоследствии, св. Игнатий добился для неё диспенсации от этих обетов и того, чтобы Общество впредь было свободно от обязанностей руководить женщинами, бывшими у неё в послушании. В 1547 г. Исабель Росер вернулась в Барселону, где принесла обеты во францисканском Ордене в монастыре св. Марии Иерусалимской, в котором она и умерла.

³ Херónimo Ардэволь, а не Ардэбало (Ardébal), как пишет о. РИБАДЕНЕЙРА (*Жизнь*, I, I, 13). Будучи бакалавром, он возглавлял кафедру грамматики в барселонской шко-

Вернувшись в Барселону, он начал учиться
очень старательно (§54).

ся, из <Ордена> святого Бернарда), человек весьма духовный, и <паломник> желал находиться при нём, чтобы обучаться, чтобы успешнее вести духовную жизнь, а также приносить пользу душам. Поэтому он ответил, что примет это предложение, если не найдёт в Манресе тех возможностей, на которые надеялся. Однако, придя туда, он обнаружил, что этот монах умер⁴. Поэтому, вернувшись в Барселону, он начал учиться очень старательно.

Но ему сильно мешала одна вещь: когда он начинал зубрить^а, как это необходимо на начальных ступенях грамматики, к нему приходили новые духовные постижения и новые радости, и они настолько его захватывали, что он не мог зубрить и не мог отогнать их, как отчаянно ни боролся с ними.

55. И вот, многократно поразмыслив об этом, он сказал себе: «Когда я молюсь, когда стою на Мессе, ко мне не приходят столь яркие постижения». Так мало-помалу он осознал, что это было искушение. Тогда, помолившись, он отправился в Санта-Мария-дель-Мар⁵, рядом с домом учителя, и попросил его, чтобы тот соизволил разок выслушать его в этой церкви. И вот, когда они приехали, он правдиво рассказывает ему обо всём, что происходит в

ле *Эстудьо Хенераль* в течение курса 1525–1526 гг., когда св. Игнатий был учеником этой школы. См. об этом: Далмáсес, 1941. До начала курса 1525–1526 гг. магистр Ардéволь был, вероятно, репетитором или особым учителем св. Игнатия: такая должность существовала в школе *Эстудьо Хенераль* согласно Уставу от 1508 г. Поэтому вполне возможно, что Ардéволь стал помогать св. Игнатию в его занятиях сразу после того, как последний прибыл в Барселону. См. также Батльори, *Восемь веков*, pp. 85–100; Мадурель–Далмáсес, pp. 370–407.

⁴ Речь идёт, несомненно, о некоем монахе-цистерцианце из монастыря св. Павла (об этом монастыре см. прим. 14 к § 30). См. Марч, 1925, pp. 185–193.

^а В оригинале ‘desoagar’: архаизм, который кордовец Росаль, один из лексикологов той эпохи, объяснял так: «знать или заучивать что-либо наизусть (de соgo), т. е. на память». Очевидно, Игнатий зубрил латинские склонения и спряжения. Глагол desoagar (в несколько ином значении) встречается также в «Дон Кихоте» (т. I, гл. XI). Как отмечает Поджи (с. 193), св. Игнатий, скорее всего, изучал латинский язык по грамматике НЕБРИХИ, вышедшей в Барселоне в 1523 г. и впоследствии активно использовавшейся иезуитами. — А.К.

⁵ Санта-Мария-дель-Мар (в оригинале «де-ла-Мар»): крупный готический храм в Барселоне, расположенный в окрестностях порта. Его строительство было завершено в 1383 г. — К. де Д., А.К.

его душе, и о том, сколь мало преуспел он до сих пор по этой причине. Однако он дал вышеозначенному учителю обещание, сказав: «Обещаю Вам, что никогда не буду отвлекаться, слушая Вас, все эти два года, покуда в Барселоне у меня есть хлеб и вода, которыми я могу обойтись». Когда он с сильным чувством дал это обещание, никогда более не было у него этих искушений.

Боли в желудке, начавшиеся у него в Манресе, из-за которых он надел обувь, прекратились, и с желудком у него было всё в порядке с тех пор, как он отправился в Иерусалим. По этой причине, обучаясь в Барселоне, он почувствовал желание вернуться к прежнему покаянию, и потому для начала проделал дырки в подошвах своих башмаков. Мало-помалу он расковырял их так, что, когда настали зимние холода, он носил лишь верхнюю покрывку от них.

56. Когда закончились два года обучения, за которые, как ему говорили, он весьма преуспел, его учитель сказал ему, что он уже может приниматься за <свободные> искусства и что ему нужно отправляться в Алькалú. Но всё же он добился того, чтобы его проэкзаменовал один доктор теологии, посовествовавший ему то же самое. И тогда он отправился в Алькалú один, хотя у него, кажется, уже было несколько товарищей⁶.

Придя в Алькалú, он стал просить милостыню и жить подаянием. Когда он прожил таким образом десять или двенадцать дней, как-то раз один клирик и остальные, бывшие с ним, видя, что <паломник> просит подаяние, стали высмеивать его и говорить ему что-то оскорбительное, как обычно поступают с теми, кто просит милостыню, будучи здоров. А в это время мимо проходил управляющий новым «госпиталем» Антесаны⁷. Выказав недовольство происходящим, он подозвал <паломника> и взял его с собой в «госпиталь», где дал ему комнату и всё необходимое.

---

⁶ Уже в Барселоне к св. Игнатию присоединились Калисто де Са, Лопес де Кáсерес и Хуан де Артéага. См. Поланко, *Краткое изложение: FN*, I, p. 170, примм. 8–10. Относительно Калисто де Са следует добавить то, что говорится в прим. 16 к § 80 «Автобиографии». Он родился, очевидно, в 1506 или 1507 г.

⁷ Этот новый «госпиталь» носил название *Богородицы Милосердной* или (по имени его основателя) «госпиталь» Антесаны. Не известно достоверно, кто был в то время управляющим этого «госпиталя». Старинные биографы не упоминают его имени. О. Кристóбаль де Кастро в рукописной *Истории Общества Иисуса в*

57. В Алькалэ он учился почти полтора года⁸, поскольку в Барселону, где он проучился два года, <паломник> прибыл в двадцать четвёртом году, Великим Постом, а в Алькалу пришёл в двадцать шестом году. Там он изучал «Термины» Сото⁹, «Физику» Альберта¹⁰, а также Магистра «Сентенций»¹¹. Находясь в Алькале, он занимался преподаванием духовных упражнений и разъяснением христианского вероучения, принеся тем самым <добрый> плод во славу Божию. Многие люди дошли до глубокого знания духовных вещей и обрели вкус к ним. Другие же сталкивались с различными искушениями — как, например, одна особа, которая захотела подвергнуть себя бичеванию, но не смогла этого сделать, словно кто-то взял её за руку.

Алькалэ говорит, что это был Лопе де Деса. Однако о. Фита утверждает, что он видел рукопись, составленную в этом «госпитале» и озаглавленную *Список управляющих капитулом сего «госпиталя» Богородицы Милосердной с 23 января 1516 г. по февраль 1533 г...*, из которого явствует, что управляющим («prioste») в 1526 г. был некто Хуан Васкес. См. Фита, 1898, р. 529.

⁸ Не известно с полной достоверностью, сколько продлилось пребывание св. Игнатия в Алькалэ. Если он провёл в Барселоне два года (см. § 56), то в Алькалу он прибыл, видимо, в конце марта 1526 г. С другой стороны, поскольку о судебном решении по последнему процессу о его поведении, который там происходил, ему сообщили 1 июня 1527 г., и через двадцать дней после выхода из тюрьмы он покинул Алькалу (Поланко, *Краткое изложение*, § 40: *FN*, I, р. 175), получается, что его пребывание в этом городе продлилось с конца марта 1526 г. примерно по 20 июня 1527 г., так что полутора лет не набирается. С другой стороны, супруга управляющего «госпиталем» Антесаны, допрошенная на процессе 19 ноября 1526 г., «сказала, что Иньиго и Калисто находятся здесь, должно быть, уже четыре месяца» (MI, *Scripta*, I, р. 604). Согласно этому сообщению, прибытие Игнатия в этот город следует датировать июлем, и тогда его пребывание в Алькале продлилось немногим более одиннадцати месяцев. Показание свидетельницы на процессе в Алькале, возможно, подтверждается тем фактом, что в Барселоне курсы в школе *Эстудьо Хенераль*, где св. Игнатий, очевидно, учился, заканчивались в июле (см. ДАЛМАСЕС, 1941, р. 289), и кажется странным, что св. Игнатий мог прервать курс, покинув Барселону в марте.

⁹ «Термины» (*Términos*), иначе «Суммулы» или «Логика». «Суммулы» («*Summulae*») Доминго Сото были впервые напечатаны в Бургосе в 1529 г., но это обстоятельство не мешает нам предположить, что тремя годами ранее среди его учеников уже ходили какие-то рукописные заметки.

¹⁰ Св. Альберт Великий написал, кроме всего прочего, 8 книг «Физики».

¹¹ «4 книги сентенций» Петра Ломбардского, которого называли также «Магистром «Сентенций»», представляли собою систематическое изложение всей схоластической теологии и пользовались громадной популярностью.

Случались и другие подобные вещи, порождавшие в народе толки, особенно при большом стечении людей, происходившем везде, где бы он ни разъяснял вероучение. Вскоре после своего прибытия в Алькалу он познакомился с доном Диего де Гиа¹³, проживавшим в доме своего брата¹⁴, у которого была в Алькале печатня и достаточно средств к существованию. Поэтому они помогали <паломнику> подаяниями, чтобы содержать нищих, а <дон Диего> содержал троих товарищей паломника у себя дома¹⁵. Как-то раз, когда он пришёл попросить милосты-

*Вспомнить о том страхе, который сам он испытал однажды ночью*¹².

---

¹² Видимо, именно об этом случае упоминает о. Поланко (*Жизнь: FN*, II, p. 545): «In parte autem eius domus, quae a lemurius infestabatur, cum habitationem haberet, et nocturno quodam terrore concuteretur, quem vanum esse nec ei cedendum existimabat, Deo se commendans, animo et voce daemones provocare coepit, ut si potestatem a Deo contra ipsum aliquam accepissent, eam exercerent; se quidem libenter quidquid placeret passurum esse; amplius quam Deus concederet eos nihil posse. Et ea firmitas animi et constans fides ac confidentia in Deo, non solum ab omni daemonis terrore tunc eum liberavit, sed in posterum ab huiusmodi nocturnis terroribus immunem, Deo adiuvante, reddidit» («Живя в той части сего дома, где водились привидения, он, охваченный каким-то ночным страхом, который счёл пустым, полагая, что уступать ему не следует, начал, препоручив себя Богу, духом и голосом призывать бесов: если они получили от Бога какую-либо власть против него, пусть ею воспользуются, а сам он охотно претерпит всё, что угодно; ведь они не могут ничего <сделать> сверх того, что дал им Бог. И эта твёрдость духа, а также постоянная вера в Бога и упование на Него не только освободила его тогда от всякого страха перед бесом, но и впредь с помощью Божией сделала его неподверженным такого рода ночным страхам»).

¹³ Диего де Гиа (точнее, Эгиа) священник, уроженец Эстельи в Наварре. В 1540 г. он вступил в Общество и в течение некоторого времени был духовником св. Игнатия. Умер в Риме 16 июня 1556 г. О нём см. *FN*, I, p. 110³. Как и он, в Общество вступил один из его братьев, Эстéбан.

¹⁴ Известный печатник Мигель де Эгиа. В числе прочего он напечатал в 1525 г. (и ещё раз — в 1526 г.) *Руководство для христианского воина* Эразма Роттердамского. См. о нём: ГАРСИЯ, p. 613; АЛОНСО, pp. 17–18; ГОНЬИ, pp. 35–88. Тот факт, что в 1526 г. он дважды напечатал трактаты *О презрении к миру* и *О подражании Христу*, позволяет предположить, что он испытал влияние св. Игнатия (Гоньи, p. 55).

¹⁵ Троица товарищами, присоединившимися к св. Игнатию в Барселоне, были, как говорилось выше (см. § 56, прим. 6) Калисто де Са, Лопе де Кáсерес и Хуан де Артéага. В Алькале к ним прибавился Жан Рейнальд (Reynalde или Reynauld), молодой француз.

ню на некоторые нужды, дон Диего сказал, что денег у него нет. Однако он открыл сундук, где держал всякую всячину, и отдал ему разноцветные покрывала, несколько подсвечников и другие подобные вещи. Завернув всё это в простыню, паломник забросил её за спину и отправился помогать нищим.

58. Как уже говорилось выше, по всему этому краю пошла громкая молва о том, что он делал в Алькале, причём одни говорили так, а другие эдак. Это дошло до Толедо, до инквизиторов. Когда они прибыли в Алькалу, паломника предупредил тот человек, у которого они остановились. Он сказал, что <инквизиторы> называют их «дерюжники» (*ensayalados*), а может, и «озарёнными» (*alumbrados*)⁶, и что они, должно быть, устроят им резню (*carnecería*)¹⁶. И вот вскоре они начали следствие и процесс об их <образе> жизни, и в конце концов вернулись в Толедо, не вызвав их, поскольку прибыли они только для этого. А вести процесс они поручили викарию Фигероа, который теперь с императором¹⁷. Несколько дней спустя он вызвал их и сказал им, что инквизито-

---

⁶ *Исп.* *ensayalado* букв. означает «<одетый> в грубую ткань». Оно образовано от слова *sayal* — «грубая ткань». Что же касается *исп.* слова *alumbrados*, то обычно в русскоязычной литературе название членов этой секты попросту транслитерируется: *алумбрадос*. Однако в данном контексте это едва ли уместно, почему и решено было это слово перевести. «Озарённые» признавали только молчаливую молитву, отвергали все таинства Церкви и не занимались благотворительностью. — А.К.

¹⁶ Следует помнить о том, что св. Игнатий прибыл в Алькалу в 1526 г., а в сентябре предыдущего года Инквизиция города Толедо издала указ, осуждающий 48 положений «озарённых» (*alumbrados*). Копия этого указа хранится в Мадридском Национальном Историческом Архиве (*Inquisición*, I, 1, 299, ff. 551r–556v). О. Бельтран де Эредиа опубликовал его по другому экземпляру (Эредиа, pp. 105–130). Анализ этого указа см.: Сельке-де-Санчес, pp. 125–152. МАРКЕС рассматривает, в частности, этот указ от 1525 г. Как бы то ни было, Игнатий говорил чистую правду, когда в 1545 г. писал португальскому королю Жуану III, что «никогда не был осуждён ни за единую фразу, ни за единый слог» (*FN*, I, p. 53). О невиновности св. Игнатия см.: ЛОНГХЕРСТ, pp. 252–257.

¹⁷ Поэтому о. Надаль мог совершенно правдиво сказать в своей апологии *Упразднений*, направленной против брата Томаса де Педроче: «*Aperte de persecutionibus dicendum, quod nunquam ab inquisitoribus notatus ac ne vocatus quidem, sed a provisoribus episcoporum*» («Относительно преследований следует прямо сказать,

ры произвели следствие и процесс об их <образе> жизни, но не обнаружили никакой ошибки ни в их учении, ни в их <образе> жизни, а потому они могут делать то же, что и раньше, совершенно беспрепятственно. Однако, поскольку они не являются монашествующими, им не подобает носить одну и ту же одежду. Хорошо было бы (и он так и повелел), чтобы вот эти двое (тут он указал на паломника и Артэагу) выкрасили свои куртки в чёрный цвет, другие двое (Калисто и Кáсерес) — в светло-коричневый, а Хуанико (это был паренёк-француз) может оставаться так, <как есть>¹⁸.

59. Паломник говорит, что они сделают то, что им велено. «Но не знаю», говорит он, «какой толк в этих расследованиях? Давеча священник не захотел преподавать одному человеку Таинство, поскольку тот причащается каждые восемь дней. Теперь вот мне устроили затруднения¹⁹.... Мы хотим знать, учинили ли мы какую-нибудь ересь?» — «Нет», говорит Фигероа, «ведь, если вы её учините, вас сожгут». — «Вас тоже сожгут», говорит паломник, «если Вы учините ересь». Они перекрашивают свою одежду, как им было велено, а через пятнадцать или двадцать дней после этого Фигероа велит паломнику не ходить босиком и обуться. Тот делает это так же спокойно, как и во всех случаях, когда ему давали такого рода приказания.

что <его> никогда не брали на заметку и даже не вызывали инквизиторы, но лишь заместители епископов»). См. *FN*, I, p. 317. Действительно, толедские инквизиторы Мигель Карраско и Алонсо Мехиа прибыли в Алькалу, чтобы расследовать дело св. Игнатия и его товарищей, но, не вызвав его, препоручили эту задачу генеральному викарию епископа Толедского в Алькале, Хуану Родригесу де Фигероа. О том, как он повёл себя в деле св. Игнатия, рассказывает сам святой. Впоследствии, в 1538 г., находясь в Риме, Фигероа получил возможность выступить в защиту Игнатия. С 1563 по 1565 г. он был председателем Совета Кастильи. Умер в Мадриде 23 марта 1565 г. (см. Бальестерос, т. 4, ч. 2-я, p. 15).

¹⁸ Жана Рейнальда из-за его молодости называли «Хуанико». Об этом процессе см. *FD*, pp. 322–331.

¹⁹ Вероятно, это относится к д-ру Альфонсо Санчесу, о котором о. Кристóбаль де Кастро в рукописной *Истории Коллегии в Алькалэ* (I. 1, f. 3v) рассказывает что однажды, когда он готовился служить Мессу, св. Игнатий подошёл к нему попросить, чтобы он освятил несколько гостей (*formas*). Поначалу д-р Санчес противился, но затем уступил его просьбе и даже пригласил товарищей Игнатия отобедать у себя дома, а в дальнейшем относился к ним благосклонно. См. *FN*, I, p. 173, прим. 19.

Через четыре месяца после этого тот же Фигероа снова начинает производить следствие о них. Думаю, что, кроме обычных причин, был ещё один повод: некая знатная женщина, замужняя, испытывала особое благоговение перед паломником. И вот, чтобы её не заметили, она приходила в «госпиталь» на заре, утром, завернувшись в покрывало, как это принято в Алькалэ-де-Энарес^в; войдя, она снимала покрывало и шла в комнату паломника.

[В.] о том, что мне рассказал Бустаманте²⁰.

Но и на сей раз им ничего не сделали; и впоследствии, по завершении процесса, их даже не вызвали и ничего не сказали²¹.

60. Ещё через четыре месяца, когда он жил уже в небольшом домике, а не в «госпитале», однажды к двери подходит альгвасил, зовёт его и говорит: «Пойдёмте-ка со мной ненадолго». И, оставив его в тюрьме, говорит ему: «Не выходите отсюда, пока вам не будет другого приказа»²².

Было лето, и содержали его не так уж строго, поэтому многие приходили навестить его, а он делал то же самое, что и на свобо-

²⁰ Видимо, эта маргиналия означает: «Вспомнить о том, что мне рассказал Бустаманте». Чтó здесь имеется в виду — неизвестно. О. Бартоломé де Бустаманте был секретарём св. Франциска Борджа, когда тот исполнял должность комиссара в Испании. Подробнее о нём можно узнать из исследования (РЕГЕРА), а также из биографического очерка (СЕБАЛЬОС).

^в Алькалá-де-Энарес: здесь единственный раз в *«Автобиографии»* приводится полное название этого города, находящегося не слишком далеко от Мадрида. Сделано это для того, чтобы отличить эту Алькалу от другой, называемой Алькалá-ла-Реаль и расположенной в Андалусии. — *А.К.*

²¹ Второй процесс состоялся 6 марта 1527 г. (см. MI, *Scripta*, I, p. 608), примерно через четыре месяца после судебного решения, вынесенного 21 ноября 1526 г. Фигероа принял показания Менсии де Бенавенте, жены Хуана де Бенавенте, а также у её дочери Аны и у Леоноры, дочери Аны де Мена, жены Андреса Лопеса. Документы процесса см. в FD, pp. 331–33.

²² Немного ниже (см. § 62) говорится, что Игнатий провёл в тюрьме сорок два дня и был освобождён 1 июня, из чего следует, что в тюрьму его должны были заключить 18 или 19 апреля (четверг или святая пятница того года). С этим всё ясно. Но не так просто обстоит дело с начальными словами этого параграфа: «Ещё через четыре месяца». Согласно FN, I, p. 446, прим. 23, здесь имеются в виду четыре месяца, прошедшие с того времени, когда 10 декабря Фигероа заставил св. Игнатия не ходить босиком (см. § 59).

де: разъяснял вероучение и давал упражнения. Он так и не захотел взять ни адвоката, ни поверенного, хотя свои услуги предлагали многие. Особо вспоминает он донью Тересу де Кáрденас²⁴, которая направляла к нему посетителей[†] и много раз предлагала ему вызволить его оттуда. Но он ни за что не соглашался, всегда говоря: «Тот, ради любви к Которому я сюда попал, вызволит меня, если пожелает».

М-а один, и он был духовником²³.

61. Семнадцать дней он провёл в тюрьме, а его всё не допрашивали, и причины этого он не знал²⁵. Наконец в тюрьму пришёл Фигероа и расспросил его о многом (вплоть до вопроса о том, соблюдает ли он субботу), и знает ли он двух таких-то женщин (это были мать с дочерью), на что он сказал «да». А знал ли он об их уходе до того, как они ушли? Он сказал «нет» в силу данной им клятвы²⁶. Тогда викарий, положив ему руку на плечо и не скрывая радости, сказал: «Это и было причиной того, что Вы сюда попали». Среди многих людей, ставших последователями паломника, были мать и дочь, обе вдовы, причём дочь была очень юна и весьма хороша собой. Обе они далеко продвинулись в духовном отношении, особенно дочь: настолько, что, будучи знатными, они от-

---

²³ Эта пометка на полях, видимо, означает: «Миона был один, и он был духовником». О Мануэле Мионе, португальце, известно, что он был духовником св. Игнатия в Алькалэ, а позже — и в Париже. В 1545 г. он вступил в Общество, членом котором умер в 1567 г. См. *Мемориал о. да Кáмары*, § 98: *FN*, I, p. 585. Именно ему св. Игнатий адресовал своё знаменитое письмо от 16 ноября 1536 г. о пользе *Упражнений* (*Посл.*, I, pp. 111–113).

²⁴ Донья Тереса Энрикес († 1529 г.), супруга Гутьерре де Кáрденаса, которую называли «безумной от Таинства» («la loca del Sacramento»).

[†] Один из преподавателей университета в Алькалэ, навестивший св. Игнатия в тюрьме, сказал своим студентам: «Vidi Paulum in vinculis» («Я увидел Павла в узах»). — *А.К.*

²⁵ В актах процесса говорится, что Фигероа пришёл в тюрьму, чтобы допросить св. Игнатия, 18 мая 1527 г. (*MI, Scripta*, I, pp. 618–619). Однако к тому времени прошло уже тридцать дней с тех пор, как Игнатия заключили в тюрьму. Можно предположить, что допросу, упомянутому в актах, предшествовал ещё один.

²⁶ Речь идёт о Марии дель Вадо и её дочери Луисе Веласкес, которые вопреки тому, что им говорил св. Игнатий, отправились в паломничество к Верóнике Ханской, как об этом рассказывается ниже. С их показаниями можно ознакомить-ся в *MI, Scripta*, I, 620–621.

правились к Верóнике Хаэнской^д пешком (не знаю, просили ли они при этом милостыню) и в одиночестве. Из-за этого в Алькале пошла громкая молва, и доктор Сируэло²⁷, оказывавший им известное покровительство, подумал, что это заключённый подговорил их на такой шаг, и потому устроил так, чтобы его задержали.

Когда заключённый услышал, что сказал викарий, он сказал ему: «Хотите, я чуть подробнее расскажу об этом?» Тот говорит: «Да». — «Вам следует знать», говорит заключённый, «что эти две женщины много раз горячо убеждали меня в том, что они хотят пойти по всему свету, чтобы служить нищим в разных “госпиталях”, а я всегда отговаривал их от этого намерения, поскольку дочь так юна и хороша собой и т. д. Я сказал им, что, если они хотят навещать нищих, они могут делать это и в Алькале, равно как и молиться перед Святыми Дарами». Когда эти беседы завершились, Фигероа удалился вместе с нотариусом, записав всё это <на бумагу>.

62. В то время Калисто был в Сеговии²⁸. Узнав об аресте <паломника>, он тут же пришёл, хотя только что поправился после тяжёлой болезни, и вместе с ним <добровольно> сел в тюрьму. Но <паломник> сказал ему, что лучше будет, если он пойдёт и представится викарию. Тот принял <Калисто> хорошо, но сказал ему, чтобы он шёл в тюрьму, поскольку ему нужно находиться там, пока не вернутся те две женщины, и тогда будет видно, подтвердят ли они то, что сказал <паломник>. Калисто провёл в тюрьме несколько дней; но паломник, видя, что это вредит его телесному здоровью, поскольку он ещё не до конца выздоровел, с помощью одного доктора, своего большого друга, устроил так, что его освободили оттуда.

С того дня, когда паломник оказался в тюрьме, до его осво-

---

^д Хаэн — город в Андалусии, славный знаменитой святыней: изображением лика Иисуса Христа на убрусе в руках св. Верóники. Имя этой святой по народной этимологии осмыслялось как указание на подлинность данного изображения: лат. vera ícona («подлинное изображение») будто бы перешло в имя — Verónica. — А.К.

²⁷ Доктор Педро Сируэло, уроженец Дароки, знаменитый профессор Университета. О нём кардинал А. Сикиа говорил в своей инаугурационной речи в Королевской Академии Истории (см. Сикиа).

²⁸ Согласно сообщению о. Поланко (*Краткое изложение: FN*, I, p. 174; *Жизнь: FN*, II, p. 547), св. Игнатий находился в Сеговии, когда эти достойные женщины совершали своё паломничество.

бождения прошло сорок два дня. По их окончании, когда набожные <паломники> уже вернулись, в тюрьму пришёл нотариус, чтобы зачитать ему судебное решение: что он свободен, чтобы они одевались так же, как прочие студенты, и чтобы не говорили о предметах веры в течение четырёх лет, пока не станут учёнее, поскольку у них нет образования²⁹. И действительно, паломник был тем, кто знал больше всех, но и его <познаниям> не хватало основательности. Именно об этом он и говорил в первую очередь, когда его допрашивали.

63. Узнав об этом решении, он пребывал в некотором сомнении относительно того, что ему делать, поскольку ему казалось, что перед ним закрыли дверь в деле помощи душам, не приведя никакой причины, кроме той, что он недостаточно учён. В конце концов он решил пойти к архиепископу Толедскому, Фонсеке³⁰, и изложить ему всё это дело.

Он вышел из Алькалы³¹ и отыскал архиепископа в Вальядолиде. Правдиво рассказав обо всём, что произошло, <паломник> сказал ему, что, хотя он уже не подпадает под его юрисдикцию и не обязан исполнять судебное решение, тем не менее он сделает то, что ему прикажет архиепископ (обращаясь к нему на «Вы», как он обычно разговаривал со всеми). Архиепископ принял его очень радушно и, [узнав о том, что он хотел пойти в Саламанку, сказал]³², что и в Саламанке у него есть друзья и Коллегия³³, предложив ему располагать всем этим. Затем, уходя, он вручил <паломнику> четыре эскудо.

---

²⁹ Судебное решение было вынесено 1 июня 1527 г (MI, *Scripta*, I, p. 618; *FD*, 342).

³⁰ Алонсо де Фонсека-и-Асебедо был архиепископом Толедо с 1523 г. до своей смерти в 1534 г. Известны его дружеские отношения с Эразмом Роттердамским и поддёржка, которую он оказывал испанским сторонникам гуманиста.

³¹ Поскольку после того, как его ознакомили с судебным решением, «он провёл в Алькале не более двадцати дней» (Поланко, *Краткое изложение*, § 40: *FN*, I, p. 175), можно полагать, что он отправился в путь 20 или 21 июня 1527 г.

³² Фраза, заключённая в квадратные скобки, отсутствует в испанском оригинале, однако она есть в латинском переводе и по смыслу необходима.

³³ Фонсека основал в Саламанке Старшую Коллегию св. Иакова, или Коллегию архиепископа, чтобы помогать бедным студентам.

ГЛАВА VII

64–66. <Паломник> приходит в Саламанку, и немного спустя его допрашивают отцы доминиканцы. — 67–70. Его заключают в тюрьму до тех пор, пока, признав невиновным, не отпускают на свободу. Однако ему ставят некоторые условия относительно его труда во благо души. — 71–72. Он решает отправиться в Париж.

64. Когда он пришёл в Саламанку и молился в одной церкви, его узнала некая набожная женщина, с которой были знакомы его товарищи, поскольку они вчетвером уже несколько дней находились там. Она спросила, как его зовут, а потом отвела его туда, где остановились его товарищи.

Когда в Алькалэ вынесли решение о том, чтобы они одевались, как студенты, паломник сказал: «Вы велели нам переделать одежду — мы так и сделали; но вот этого мы сделать не можем, поскольку нам не на что её купить». Тогда сам викарий обеспечил их платьем и четырёхугольными шапочками (*bonetes*), а также всем остальным, <что носят> студенты. Одевшись так, они вышли из Алькалы.

В Саламанке он исповедовался одному монаху <из Ордена> святого Доминика в <церкви> святого Стефана. И вот, через десять или двенадцать дней после его прихода <в Саламанку>, духовник сказал ему: «Отцы из обители хотели бы с Вами поговорить». Он сказал: «Во имя Божие». «Тогда», сказал духовник, «было бы хорошо, чтобы Вы пришли сюда в воскресенье пообедать. Но предупреждаю Вас об одном: они захотят узнать у Вас о многом».

И вот в воскресенье он пришёл вместе с Калисто, и после обеда суприор, в отсутствие приора¹, вместе с духовником и, кажется, ещё с-одним монахом пошли с ними в одну часовню, и суприор весьма приветливо стал говорить о том, какие добрые известия

---

¹ Приор — настоятель доминиканского монастыря или обители, суприор — его заместитель. В 1527 г. приором монастыря св. Стефана был брат Диего де Сан-Педро, а суприором — брат Николас де Санто-Томас.

дошли до них об их жизни и обычаях, что они ходят, проповедуя, как апостолы, и что <доминиканцы> были бы рады узнать об всём этом подробнее. А затем он стал спрашивать, чему учился паломник. Тот отвечал: «Из всех нас самый учёный — я», — и дал ему ясный отчёт о том, сколь немногому он учился, и насколько поверхностно.

65. «Ну, дальше: что же вы проповедуете?» — «Мы», говорит паломник, «не проповедуем; мы всего лишь по-дружески беседуем кое с кем о вещах Божественных: например, после обеда с некоторыми людьми, которые нас позовут». — «Но», говорит монах, «о каких же вещах Божественных вы беседуете? Ведь как раз это мы и хотим узнать». — «Мы беседуем», говорит паломник, «то об одной добродетели, то о другой, и хвалим её; то об одном пороке, то о другом, и порицаем его». — «Вы не учёны», говорит монах, «а беседуете о добродетелях и о пороках! А ведь беседовать об этом можно лишь двумя способами: или от учёности, или от Святого Духа. Не от учёности; значит, от Святого Духа?» — Тут паломник несколько насто-
Значит, от Святого Духа? — Вот что мы хотим узнать.

рожился, поскольку ему не слишком-то пришлось по душе такая манера рассуждать. Помолчав немного, он сказал, что не нужно больше говорить об этих предметах.

Но монах настаивал: «Ведь нынче столько заблуждений, от Эразма и столькох других, обманувших целый мир — а Вы не хотите объяснить, о чём говорите?»²

66. Паломник сказал: «Отец, я не скажу больше того, что уже сказал, если не окажусь перед своими настоятелями, которые могут обязать меня к этому». До этого <доминиканец> спросил, почему Калисто пришёл в такой одежде (а на нём был короткий *саян*^а, на голове — большое сомбреро, в руке — посох, а на ногах — бо-

---

² В эти самые дни (а происходило это во второй половине июля), т. е. с 27 июня по 13 августа 1527 г., состоялась знаменитая теологическая конференция в Вальядолиде, созванная Генеральным инквизитором доном Алонсо Манрике, архиепископом Севильским, чтобы обсудить 21 положение, извлечённое из трудов Эразма. В этих обстоятельствах доминиканцы и францисканцы были злейшими врагами Эразма.

^а Исп. *sayo*: одежда, напоминающая куртку. — А. К.

тинки почти до середины икр). И, поскольку он был очень крупным, выглядело это ещё нелепее. Паломник рассказал ему о том, как в Алькале их задержали и велели им одеваться как студенты, а этот его товарищ из-за сильной жары отдал свою *лобу*³ одному бедному клирику. Тут монах как-то сквозь зубы <процедил>, выказывая своё недовольство: «Charitas incipit a se ipso»⁴.

Далее, возвращаясь к этой истории: суприор, не сумев вытянуть из паломника ни слова, кроме сказанного, говорит: «Тогда оставайтесь здесь, а мы уж добьёмся того, что вы заговорите». И тут все монахи уходят в некоторой спешке. Паломник первым спросил: хотят ли <монахи>, чтобы они оставались в этой часовне — или же <монахам> хотелось бы, чтобы они оставались в каком-то другом месте. Суприор отвечал, чтобы они оставались в часовне. Затем монахи заперли все двери и, видимо, переговорили с судьями.

Двое <товарищей> провели в монастыре три дня (за всё это время никто из блюстителей правосудия ничего им не сказал) и обедали с монахами в рефектории. Почти всегда их комната была полна монахов, приходивших посмотреть на них. Паломник всё время говорил о том же самом, что и всегда, и среди монахов произошло что-то вроде раскола: многие не скрывали того, что он произвёл на них сильное впечатление.

67. По прошествии этих трёх дней пришёл нотариус и отвёл их в тюрьму. Но поместили их не внизу, с преступниками, а в помещении наверху, где была страшная грязь, поскольку дом этот был старым и нежилым. Их обоих посадили на одну и ту же цепь, приковав каждого за ногу. Цепь крепилась к столбу, стоявшему посреди дома, а длиной она была в десять или тринадцать пядей. Поэтому всякий раз, когда один хотел что-нибудь сделать, нужно было, чтобы к нему присоединился другой. Всю эту ночь они бодрствовали. На другой день, когда в городе узнали об их аресте, им в тюрьму передали то, на чём можно было спать, а также всё необ-

---

³ *Лоба* (loba): мантия или длиннополая сутана из чёрной ткани, которую носили преимущественно студенты Коллегий и клирики.

⁴ «Человеколюбие начинается с себя самого» (лат.). В оригинале по-латински, но с ошибкой: Charitas incipit a seipsa [sic!]. — **А.К.**

ходимое — в изобилии. Всё время приходило множество народу, чтобы навестить их, и паломник продолжал упражняться в беседах о Боге, и т. д.

Бакалавр Фриас⁵ пришёл допросить каждого из них по отдельности, и паломник отдал ему все свои бумаги, на которых были Упражнения, чтобы их рассмотрели. Когда их спросили, есть ли у них товарищи, они ответили «да» и <указали>, где они находятся. Тут же по распоряжению бакалавра туда пошли <люди> и привели в тюрьму Касереса и Артэагу, но оставили <в покое> Хуанико, ставшего впоследствии монахом⁶. Однако поместили их не наверху, вместе с двоими <их товарищами>, а внизу, где были обычные заключённые.

И на сей раз <паломник> не захотел взять ни адвоката, ни поверенного.

68. Через несколько дней его вызвали к четверым судьям: трое были докторами — Санктисидоро, Паравиньяс и Фриас⁷, — а четвёртый — бакалавр Фриас. Все они уже видели Упражнения. Тут они стали задавать ему множество вопросов: не только об Упражнениях, но и по теологии — *verbi gratia*⁸, о Троице и о Таинстве, как он понимает эти пункты. Сначала он произнёс что-то вроде предисловия, но, когда судьи приказали, он говорил так, что придраться им было не к чему.

Бакалавр Фриас, который в этих вопросах оказался дотошнее всех остальных, спросил его также об одном казусе из канонического права. На всё это <паломник> должен был отвечать, а он всегда прежде всего говорил, что не знает, что говорят об этих предметах докторá. Затем ему велели, чтобы он разъяснил первую заповедь так, как он её обычно разъясняет. Он начал разъяснения и

---

⁵ Св. Игнатий ничего не говорит о том, какую должность занимал этот бакалавр и другие три доктора, которые его судили (см. § 68).

⁶ О. Нададь в своей *Апологии Общества* сообщает, что Жан Рейнальд стал францисканцем (*FN*, II, p. 75).

⁷ Фернандо Родригес-де-Сан-Исидоро, Алонсо Гомес де Парадинас (лицензиат права и генеральный викарий Саламанки тем летом и осенью 1527 г.), Франсиско де Фриас и бакалавр Санчо де Фриас. См.: ЭРНАНДЕС, pp. 3–51.

⁸ К примеру (*лат.*). — А.К.

так задержался <на этом>, столько сказал о первой заповеди, что у них уже не было охоты расспрашивать его дальше. Перед этим, когда говорили об Упражнениях, они очень настойчиво выспрашивали об одном-единственном пункте, который стоит там в самом начале: когда мысль является простительным грехом, а когда — смертным⁸. А дело было в том, что он, будучи необразован, брался определять это. Он отвечал: «Верно это или нет — там видно будет (*allá lo determinará*); если же неверно — осудите это». В конце концов они, так ничего и не осудив, удалились.

69. В числе многих людей, приходивших поговорить с ним в тюрьме, пришёл однажды дон Франсиско де Мендоса, который теперь, говорят, кардинал в Бургосе⁹, а с ним пришёл и бакалавр Фриас. Он по-дружески спросил <паломника>, как тот чувствует себя в тюрьме и удручает ли его то, что он находится в заключении, и тот ответил: «Я отвечу то, что ответил сегодня одной сеньоре, которая говорила слова сочувствия, видя меня в заключении. Я сказал ей: “Тем самым Вы показываете, что не хотите попасть за решётку ради любви к Богу. Неужели тюрьма кажется Вам такой уж бедой? А я говорю Вам, что не сыщутся в Саламанке такие кандалы и такие цепи, которых я не желал бы ради любви к Богу”».

В это время случилось так, что все заключённые бежали из этой тюрьмы, а двое товарищей <паломника>, бывшие с ними, не убежали. Когда утром их обнаружили при открытых дверях, их одних, и больше никого — это дало всем хороший урок и вызвало много разговоров в городе, так что им тут же отвели под тюрьму целый особняк, стоявший поблизости.

70. Через двадцать два дня, проведённых ими в заключении, им зачитали судебное решение¹⁰, которое было таким: не обнаружено никакой ошибки ни в их жизни, ни в их учении; они могут

---

⁸ Об этом речь идёт в *Упражнениях*, в разделе об испытании совести (см. *Упражнения*, 1991, §§ 33–37, сс. 26–27).

⁹ Франсиско де Мендоса-и-Бобадилья, управлял Бургосским диоцезом с 1550 по 1566 г. Получил кардинальскую шапочку, будучи епископом Кории, в 1545 г.

¹⁰ Хотя этот документ тщательно разыскивали, его подлинный текст так и не был обнаружен.

Не сыщутся в Саламанке такие кандалы и такие цепи,
которых я не желал бы ради любви к Богу (§69).

делать то же, что делали раньше, преподавать учение и беседовать о Божественном, но с тем условием, чтобы никогда не определять: вот это смертный грех, а это простительный — пока не пройдут четыре года, за которые они лучше выучатся.

Когда зачитали это решение, судьи выказали самое дружеское расположение, словно хотели, чтобы <это решение> было одобрено. Паломник сказал, что он сделает всё, что предписывает это решение, но не одобрит его, поскольку, не осудив его ровно ни в чём, ему заткнули рот, лишив его возможности помогать ближним тем, чем может. И, как ни настаивал доктор Фриас, выказавший живое участие, паломник сказал лишь одно: поскольку он находится под юрисдикцией Саламанки, он сделает то, что ему велят.

Затем их освободили из тюрьмы, и он, препоручив себя Богу, стал думать о том, что ему делать. Он видел немалые трудности в том, чтобы оставаться в Саламанке, поскольку этим запретом выносить определение о смертном и простительном грехе перед ним, казалось, закрыли ворота, <благодаря которым он мог> приносить пользу душам.

71. Поэтому он решил пойти учиться в Париж.

Когда в Барселоне паломник советовался о том, учиться ли ему, и сколько учиться, его занимало лишь одно: что делать по завершении учёбы — вступить в какой-нибудь монашеский орден или пойти по свету просто так. И, когда ему на ум приходили мысли вступить в орден, тут же им овладевало желание вступить в какой-нибудь испорченный и мало реформированный, поскольку вступить в орден ему нужно было для того, чтобы побольше в нём претерпеть¹¹; при этом он думал, что Бог, пожалуй, им поможет.

---

¹¹ Говоря о сомнениях, одолевавших св. Игнатия при мысли о вступлении в какой-нибудь монашеский орден, уместно вспомнить любопытные и малоизвестные слова о. Лаинеса из его бесед о книге *Экзамен Общества* (FN, II, pp. 137–138): «Ma, vedendo poi che egli era chiamato all'aiuto degli altri, diceva che più presto avrebbe poi voluto essere conventuale che osservante, per potere più aiutare gli altri» («Но затем, видя, что он был призван помогать другим, он говорил, что скорее хотел бы стать конвентуалом, нежели обсервантом, дабы иметь возможность помогать другим». — *итал.*).

И Бог внушал ему великую уверенность в том, что он достойно вынесет все оскорбления и обиды, которые ему причинят.

Далее, во время тюремного заключения в Саламанке у него не истощались те же самые желания приносить пользу душам, а для этого выучиться первым и присоединить к себе тех, у кого было то же намерение, сохранив и тех, кто был с ним прежде. Решив пойти в Париж, он договорился с ними, чтобы они дожидались его там (т. е. в Саламанке), а он пойдёт и посмотрит, удастся ли ему изыскать возможность сделать так, чтобы и они тоже могли учиться.

72. Многие высокопоставленные особы крайне настойчиво уговаривали его не уходить, но так и не смогли добиться своего. Итак, через пятнадцать-двадцать дней после выхода из тюрьмы он отправился в путь один, везя с собой несколько книг на ослике¹². Когда он прибыл в Барселону, все, кто знал его, стали отговаривать его от путешествия во Францию из-за шедших тогда ожесточённых войн. Ему рассказывали о весьма необыкновенных фактах: говорили даже, что испанцев насаживают на вёртел. Но он так и не испытал никакого страха.

---

¹² Пребывание св. Игнатия в Саламанке продлилось два месяца, с середины июля до середины сентября 1527 г. См. *FN*, I, р. 31* и р. 462, прим. 13.

ГЛАВА VIII

73–75. В Париже <паломник> повторяет курс обучения гуманитарным наукам. — 76. Он отправляется во Фландрию и в Англию, чтобы собирать подаяние. — 77–78. О судьбе некоторых духовных учеников Игнатия. — 79. Он отправляется в Руан, чтобы помочь одному испанцу. — 80. Чем закончили некоторые первые товарищи Игнатия. — 81. На него доносят Инквизиции. — 82–84. Он посвящает себя изучению высших наук. Приобретает себе товарищей. Его здоровье ухудшается. Ему советуют отправиться к себе на родину, чтобы поправиться. — 85. Монмартрский обет. — 86. Незадолго до своего отъезда <паломник> по собственному побуждению является к инквизиции и по его просьбе отдаёт ему копию книги Упрежнений.

73. И вот он отправился в Париж один, пешком, и прибыл в Париж в феврале месяце — или может быть, чуть раньше или позже. <Судя> по тому, что он мне рассказывает¹, это было в 1528 или 1527 г². Он разместился в одном доме вместе с несколькими испанцами и ходил изучать гуманитарные науки в Монтегю⁴. А причиной тому было следующее: поскольку его застав-

Когда его задержали в Алькалэ, родился испанский государь³. Исходя из этого, можно подсчитать все <даты> — даже <событий>, произошедших до этого.

---

¹ «<Судя> по тому, что он мне рассказывает» (según me cuenta). В своём издании «Автобиографии» о. Марч предлагает иное чтение: «по моему подсчёту» (según mi cuenta); ему следует о. ЛАРРАИН (р. 63): «по моим расчётам» (según calculo). Однако все рукописи дают чтение «según me cuenta» («<судя> по тому, что он мне рассказывает»). Несколько иначе истолковано это место в латинском переводе о. дю Кудрэ (FN, I, р. 465), где говорится: «ut ipse computat» («по его собственным подсчётам»). Кажется, нет достаточных причин для того, чтобы исправлять надёжно засвидетельствованный текст — хотя, конечно, здесь могла закрасться ошибка, допущенная о. да Камарой или копиистами.

² В письме, адресованном Инес Паскуаль, св. Игнатий говорит, что он прибыл в Париж 2 февраля 1528 г. (Посл., I, р. 74).

³ Филипп II, родившийся в Вальядолиде 21 мая 1527 г.

⁴ В оригинале это название даётся в испанизированной форме: Monteagudo. Речь идёт о Коллегии Монтегю, основанной в середине XIV в. Жилем Эсленом де Монте-

ляли продвигаться в своём обучении с такой поспешностью, ему весьма недоставало основательности; и учился он вместе с детьми, следуя парижским порядкам и методам.

Едва он прибыл в Париж, как один купец дал ему двадцать эскудо по <кредитной> расписке (*cédula*) из Барселоны, а он отдал их на хранение одному из испанцев, живших на том постоялом дворе. Но тот в короткое время растратил их, и ему не из чего было их выплатить. Поэтому по прошествии Великого Поста⁵ у паломника уже не осталось ничего из этих денег: и потому, что он кое-что потратил, и по вышеуказанной причине, так что он вынужден был просить милостыню и даже покинуть тот дом, в котором жил.

74. Его приняли в «госпиталь» святого Иакова, что за «Невинными»⁶. Учиться ему было очень неудобно, поскольку этот «госпиталь» находился довольно далеко от Коллегии Монтегю. Поэтому, чтобы застать дверь <ещё> открытой, нужно было приходить в сумерки, а выходить ни свет ни заря, из-за чего он не мог с должным усердием посещать лекции. Другим препятствием был сбор милостыни, чтобы прокормиться.

Уже почти пять лет боли в желудке не беспокоили его, и теперь он начал предаваться более строгому покаянию и воздержанию. Прошло некоторое время такой жизни в «госпитале» и в сборе подавания, и он, видя, что мало преуспел в науках, стал думать, что ему делать. И вот, видя, что некоторые служили в Коллегиях у тех или иных «регентов», располагая при этом и временем для учёбы, он решил приискать себе хозяина.

75. Между тем он размышлял сам с собой, и его план, в котором он черпал утешение, <был таков>: представить, что магистр —

гю, архиепископом Руанским. Новую жизнь эта Коллегия обрела в конце XV века стараниями Жана Стандонка. Во времена св. Игнатия в ней обучались по программе, с которой можно ознакомиться в работе: Дюдон, pp. 633–634. В этой Коллегии св. Игнатий повторил начальный курс гуманитарных наук в 1528–1529 гг.

⁵ В тот год Пасха пришлось на 12 апреля.

⁶ Т. е. за церковью и кладбищем, которые носили название «Невинных». «Госпиталь» св. Иакова был основан братством паломников в Сантьяго-де-Компостела. Он находился на нынешней улице Сен-Дени. Чтобы попасть в Монтегю, Игнатию нужно было перейти Сену и пройти долгий путь. По причине, указанной св. Игнатием, ему пришлось пропускать какие-то лекции. С расписанием занятий можно ознакомиться в работе: Дюдон, p. 633.

это Христос; одному из школяров он давал имя святого Петра, другому — святого Иоанна, и так каждому <давал он имя одного> из апостолов. «И вот, когда магистр мне что-нибудь прикажет, я стану думать, что мне приказывает Христос; а когда мне прикажет другой, я стану думать, что мне приказывает святой Пётр».

Он прилагал немало стараний к тому, чтобы приискать хозяйина: говорил, с одной стороны, с бакалавром Кастро⁷, а также с одним монахом-картузианцем, знавшим много магистров, и с другими, но найти какого-нибудь хозяина ему так и не удалось.

76. Он не мог найти выхода, и наконец один испанский монах сказал ему как-то раз, что лучше было бы каждый год ходить во Фландрию и терять месяца два (или даже меньше), чтобы приносить с собой средства, на которые можно было бы учиться весь год. И вот, воспользовавшись этим советом, он каждый год приносил из Фландрии <деньги>, на которые можно было кое-как перебиться. А один раз он даже побывал в Англии и принёс с собой больше подаяния, чем это обычно бывало в другие годы⁸.

77. Вернувшись из Фландрии в первый раз, он начал с большим напряжением, чем обычно, предаваться духовным упражнениям, и при этом почти в одно и то же время давал упражнения сразу трем, а именно: Перальте, бакалавру Кастро, который был в Сорбонне, и одному бискайцу по имени Амадор, жившему у святой Варва-

---

⁷ Хуан Кастро (1485–1556 гг.), бургосец, решившийся исправить свою жизнь под влиянием св. Игнатия. Несколько лет спустя он вернулся в Испанию, где вступил в картузианский монастырь Валль-де-Кристо, расположенный возле Сегорбе. В 1542 г. св. Игнатий отправился навестить его, как говорится ниже (см. § 90). В 1542 г. он был избран приором картузианского монастыря Врат Небесных (*лат. Porta Coeli*) в Валенсии, где и умер в 1556 г.

⁸ Походы во Фландрию имели место в 1529, 1530 и 1531 гг. В этом последнем году он побывал также в Лондоне. Более подробные сведения об этих путешествиях оставил о. Поланко (*Жизнь: FN, II, pp. 556–558*). В 1529 г. Игнатий был во Фландрии Великим Постом (там же, р. 557), и тогда произошла встреча с Луисом Вивесом в Брюгге. В 1530 и 1531 гг. он был во Фландрии в августе-сентябре. См. Родригес-Граит, pp. 388–401. Относительно учёбы св. Игнатия заслуживает внимания то, что говорит о. Шурхаммер. Хотя в его труде речь идёт об учёбе св. Франциска Ксаверия в Парижском университете, автор рассматривает также все вопросы, имеющие самое непосредственное отношение к жизни св. Игнатия и его первых товарищей.

ры⁹. В них произошли громадные перемены, и вскоре они роздали нищим всё, что имели, даже книги, начали просить милостыню в Париже и обосновались в «госпитале» святого Иакова, где раньше жил паломник и откуда он ушёл по вышеуказанным причинам.

Это произвело страшный переполох в университете, поскольку первые двое были людьми значительными и весьма известными. Испанцы тут же начали сражаться с обоими магистрами. Но, будучи не в силах одолеть их множеством доводов и переубедить, как-то раз они пришли во множестве, с оружием в руках, и вывели их из «госпиталя».

78. Затем, приведя их в университет, они договорились с ними так: пусть сначала закончат учёбу, а потом пускай принимаются осуществлять свои замыслы.

Бакалавр Кастро впоследствии поехал в Испанию, некоторое время проповедовал в Бургосе и стал картузианским монахом в Валенсии. Перальта отправился в паломничество в Иерусалим, пешком. Однако в Италии его перехватил один капитан, его родственник, отыскивавший способ доставить его к Папе и добившийся того, чтобы ему приказали вернуться в Испанию. Но всё это произошло не сразу же, а несколько лет спустя.

В Париже о паломнике пошли громкие пересуды, особенно среди испанцев. Наш магистр де Говеа¹⁰, говоря, что <паломник>

⁹ Должно быть, это происходило в мае-июне 1529 г. О. Поланко (*Краткое изложение: FN, I, p. 179*) говорит, что буря негодования против св. Игнатия поднялась «через пять месяцев после его прихода в Париж». Видимо, высшая точка пришлась на июль-август. О бакалавре Кастро см. прим. 7. Педро де Перальта был из Толедского диоцеза, в котором он впоследствии стал каноником и знаменитым проповедником. Он всегда оставался глубоко предан Обществу и св. Игнатию, святость которого он засвидетельствовал (см. *MI, Scripta, II, p. 166*). Амадор де Эльдуаён был из Памплонского диоцеза. Он учился в Коллегии св. Варвары, ректором которой был Диего де Гувейя, весьма неприязненно отнесшийся к переменам, происшедшим в его подопечном. См. § 78. Ср. *FN, II, pp. 252, 309, 383, 560, 562*.

¹⁰ Точнее, Диего де Гувейя (ок. 1471–1557), которого называли «Доктор-старший» (*порт. Doutor Velho*), чтобы отличать от его тёзки-племянника. В 1520 г. он арендовал Коллегию св. Варвары и руководил ею до 1548 г. О нём можно справиться в работе: БРАНДАО, pp. 1–253. Известно, что несколько лет спустя он вмешался в дело отправки первых иезуитов в Индию; об этом можно прочесть в: РИБАДЕНЕЙРА, *Деяния*, § 88 (*FN, II, pp. 379–382*).

свёл с ума Амадора, который был в его Коллегии, принял решение и сказал: как только он придёт к святой Варваре, ему тут же устроят «зал» как соблазнительно школяров¹¹.

79. Тот испанец, с которым он поначалу водил дружбу, растративший его деньги и не вернувший их, отправился в Испанию через Руан. Но, дожидаясь проезда в Руане, он занедужил¹². Когда он заболел, паломник узнал об этом из его письма и почувствовал желание пойти навестить его и помочь ему. Он думал также, что в таких обстоятельствах сможет убедить его отречься от мира и полностью посвятить себя служению Богу¹³.

* * *

И, чтобы добиться этого, он пожелал пройти те двадцать восемь лиг^a, что отделяют Париж от Руана, пешком, босиком, и при этом ничего не есть и не пить; но, помолившись об этом, он почувствовал сильный страх. В конце концов он пошёл к святому Доминику и там решил идти вышеуказанным образом, поскольку тот сильный страх искушать Бога, который он испытывал, уже миновал.

На другой день, утром, когда ему нужно было выходить в путь,

---

¹¹ Из-за дел, порученных ему королём, Диего де Гувейя не было в Париже с начала 1526 г. по август 1527 г.; ещё раз — с сентября 1528г. примерно по июнь 1529 г.; и, наконец, с ноября 1529 г. по сентябрь 1531 г. (эти даты указаны о. Шурхаммером). Угроза «зало́м», о которой идёт речь в *«Автобиографии»*, имела место летом (август–сентябрь) 1529 г., когда св. Игнатий ещё не начал изучать <свободные> искусства. В *«Автобиографии»* говорится лишь об угрозе, к которой прибегнул де Гувейя, однако из других источников известно, что, открыв курс 1 октября, он собирался привести её в исполнение. Подробнее об этом говорит о. Лаинес в своих беседах за 1559 г. (FN, II, р. 139); см. также Рибаденейра, *Деяния*, § 90 (FN, II, pp. 382–384); *Анонимное житие*: FN, II, pp. 437–438. Учитывая вышеуказанные даты, можно сделать вывод, что это происходило в октябре 1529 г. В ноябре Гувейя покинул Париж. Наказание, носившее название «зал» (salle), заключалось в порке учеников, тяжко нарушивших устав Коллегии. Происходило это в зале (отсюда и название), в присутствии преподавателей и студентов.

¹² См. выше, § 73. Путешествие св. Игнатия в Руан состоялось в августе или сентябре 1529 г.

¹³ Здесь кончается испанский текст и начинается итальянский. О. Ка́мара вынужден был диктовать по-итальянски, не сумев найти в Генуе писца, знающего испанский. См. предисловие о. да Ка́мары.

^a Примерно 156 км. — А.К.

он поднялся рано; и вот, когда он стал одеваться, на него напал такой страх, что ему почти показалось, будто одеться он не сможет. Но, несмотря на это, он вышел из дому и даже из города до наступления дня. Всё же страх его непрестанно нарастал и не отпускал его вплоть до Аржантэ (а это деревня в трёх лигах от Парижа по дороге к Руану; там, говорят, хранится одежда нашего Господа).

Миновав эту деревню в тех же духовных борениях, он поднялся на возвышенность, и тут его страх стал проходить, и он почувствовал такое великое утешение и прилив духовных сил вместе с такой радостью, что закричал на все поля, начал говорить с Богом и т. д.

Тем вечером он вместе с одним нищим, собиравшим милостыню, нашёл приют в одном «госпитале», пройдя в тот день четырнадцать лиг⁶. На другой день он устроился ночевать в сенном сарае, а на третий день пришёл в Руан. Всё это время он ничего не ел и не пил и шёл босиком, как и задумал. В Руане он утешил больного и помог ему перебраться на корабль, идущий в Испанию. Он отдал ему письма, адресованные тем <его> товарищам, что были в Саламанке, т. е. Касересу и Артэаге¹⁴.

80. Чтобы больше не говорить об этих <его> товарищах: их дальнейшая судьба была следующей.

Пока паломник был в Париже, он, как они условились, часто писал им о том, что у него мало возможностей помочь им придти учиться в Париж. Тем не менее он умудрился написать донье Леонор де Маскареньяс¹⁵, чтобы она помогла Калисто письмом ко двору португальского короля, дабы тот мог получить стипендию из числа тех, которые король Португалии давал в Париже. Донья Леонор дала Калисто эти письма, а также мулицу, чтобы он ехал на ней, и куатрины на расходы. Калисто отправился ко двору короля Португалии, но в конце концов в Париж не поехал. Вместо этого, вер-

⁶ Около 78 км, т. е. половину пути! — А.К.

¹⁴ Об этом случае рассказывают также РИБАДЕНЕЙРА (*Деяния*, § 24: *FN*, II, р. 334; он же, *Жизнь*, I. 5. 2) и ПОЛАНКО (*Жизнь*: *FN*, II, pp. 555–556).

¹⁵ Донья Леонор де Маскареньяс (*Mascarenhas*; в итальянском тексте иное написание: *Mazcharegnas*). Знатная португалка, прибывшая в Испанию с инфантой Исабель, когда та вышла замуж за императора Карла V. Была воспитательницей Филиппа II и принца дона Карлоса. Всегда проявляла себя покровительницей Общества. Св. Игнатий написал ей ряд писем. О ней см.: МАРЧ, 1942.

нувшись в Испанию, он отправился в императорскую Индию^в с одной духовной женщиной¹⁶. А потом, вернувшись в Испанию, он снова поехал в ту же Индию и на сей раз вернулся в Испанию богачом, удивив всех тех в Саламанке, кто знал его раньше.

Касерес вернулся в Сеговию и там начал жить так, что казалось, будто он забыл о своём прежнем намерении¹⁷.

Артеагу назначили командором. Впоследствии, когда Общество уже было в Риме, ему дали епископат в Индии. Он написал паломнику, чтобы эту должность отдали кому-нибудь из Общества. Тот ответил отрицательно, и Артеага отправился в императорскую Индию, стал епископом и умер там из-за одного странного случая, а именно: он болел, и было две бутылки с водой для освежающего питья; <вернее>, одна с водой, которую прописал ему врач, а другая — с водой сулемы, ядовитой^г. По ошибке ему дали вторую, отчего он и умер¹⁸.

---

^в Здесь и далее под «Индией» имеется в виду Мексика. — *А.К.*

¹⁶ Имя этой «духовной женщины» установлено в статье: БАТАЙОН. Речь идёт о Каталине Эрнандес, уроженке Саламанки, «подруге и землячке Франсиски Эрнандес, которую в этих Королевствах задержали инквизиторы, женщине художавой, весьма доброго духа и поведения». Так говорится в документе под названием *Письмо Мексиканской Аудиенции Его Величеству о различных делах управления* от 14 августа 1531 г., опубликованном в CDI, t. 41 (Madrid, 1881), p. 14. В этом письме сообщается о путешествии Каталины Эрнандес и других «блаженных» (beatas) женщин вместе с Калисто де Са в Мексику. О Калисто сказано, что, когда он садился на корабль (1531 г.), ему было примерно двадцать пять лет. Впоследствии его общение с Каталиной Эрнандес вызвало некоторые подозрения, и ему было предписано углубиться в страну, «чтобы служить Богу, обращая туземцев». Однако он воспротивился этому и предпочёл вернуться в Испанию. Об этом идёт речь в упомянутом письме, pp. 125–130.

¹⁷ Одного этого сообщения достаточно, чтобы доказать, что упоминаемый здесь Касерес, которого звали Лопесом, не тождествен Диго Касересу, присоединившемуся к св. Игнатию в Париже (*FN*, II, pp. 180², 544, 567).

^г Раствор сулемы (хлористой ртути) применялся как дезинфицирующее средство. Ср. замечание В. И. Дала: «*Сулемовый настой*, которым крестьяне, лечась, частенько отравляются». — *А.К.*

¹⁸ Сведения о поездке в Индии Калисто де Са (о его втором путешествии) и Артеаги подтверждаются письмом, которое епископ Попаяна, брат Агустин де ла Корунья, написал из Мадрида св. Франциску Борджа 8 апреля 1565 г.: «Поблизости от того места, где я проживал, был сеньор Калисто де Са; кроме того,

81. Паломник вернулся из Руана в Париж и обнаружил, что события, происшедшие с Кастро и Перальтой, наделали много шума на его счёт, и что его вызывал инквизитор. Но он не захотел больше ждать и отправился к инквизитору, сказав ему, что слышал о том, будто тот его разыскивал, и что готов ко всему, чего тот пожелает (этого инквизитора звали *magister noster Ори*¹⁹, монах <Ордена> святого Доминика); но он просил, чтобы с этим покончили побыстрее, поскольку на святого Ремигия он намеревался поступить на курс <свободных> искусств²⁰, и хотел бы, чтобы к тому времени всё это закончилось, дабы он мог лучше посещать свои занятия. Но инквизитор больше не вызывал его и лишь сказал ему, что с ним действительно говорили о его делах и т. д.

82. Немного спустя наступил <праздник> святого Ремигия, который приходится на начало октября, и он поступил слушать курс <свободных> искусств к одному магистру, которого звали Хуан Пенья²¹; и поступил он с намерением сохранить тех, кто хотел служить

там умер, приехав отсюда, сеньор Артэага, бывший епископом Чиапы. В Обществе благословенного отца Иньиго они вместе много беседовали о нашем отце св. Августине из Саламанки, когда я был в нём [т. е. в Обществе] новичием».

¹⁹ *Magister noster* (лат.: «наш магистр») — звание, которое давалось профессорам теологии Парижского университета. «*Magistrum nostrum si dicas, theologum intelligunt, praesertim Lutetiae et Lovanii*» («Если ты скажешь «наш магистр», то поймут, что это теолог, особенно в Париже и в Лувене» — писал ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ (*Как писать письма*, р. 107). В одном из своих писем тот же Эразм, высмеивая это обыкновение, писал: «*Nunc tempora sunt, ita morem geras, non dicam vulgo, sed etiam iis qui doctrinae principatum tenent, nemo doctus videri potest, nisi Magister noster appelletur, etiam vetante Christo, theologorum principe*» («Нынче времена такие, что приходится угождать: не скажу — черни, но даже тем, кто держит первенство в науке, никто не может показаться учёным, если его не называют *Наш магистр* — даже если это запретит Христос, князь теологов» — лат.) (ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ, *Переписка*, I, р. 345). Матео Ори (Огу; в оригинале иное написание: Ori), О. Р., приор монастыря св. Иакова, был тогда инквизитором в Париже.

²⁰ Курс <свободных> искусств, или философии, начинался 1 октября, в праздник св. Ремигия. Св. Игнатий собирался слушать этот курс в Коллегии св. Варвары в том году (1529) — отсюда и спешка, проявленная им для того, чтобы его дело было решено инквизицией. См. также прим. 11.

²¹ Хуан Пенья был из диоцеза Сигуэнсы. Он получил степень магистра <свободных> искусств в 1525 г. и начал преподавать философию в 1526 г.

Господу, но не искать больше других, чтобы иметь возможность лучше учиться.

Когда он начал слушать лекции курса, его стали одолевать те же искушения, которые одолевали его в Барселоне, когда он изучал грамматику²²; и всякий раз, слушая лекцию, он не мог оставаться внимательным из-за множества духовных предметов, приходивших ему на ум. И, видя, что так он мало преуспевает в науках, он пошёл к своему магистру и дал ему обещание, что никогда не будет отвлекаться, слушая весь <его> курс, куда сможет найти хлеб и воду, чтобы прокормиться. И вот, когда он дал это обещание, все эти благочестивые мысли, приходившие к нему не вовремя, оставили его, и он спокойно продолжил свои занятия. В это время он общался с г-ном Пьером Фавром и г-ном Франциском Ксаверием, которых впоследствии привлёк ко служению Богу посредством Упражнений.

В это время курса его не преследовали, как раньше, и вот как-то раз доктор Фраго²³ сказал ему по этому поводу, что <все> удивляются тому, насколько спокойно он продвигается вперёд, и никто его не донимает. А он ответил: «Причина в том, что я не говорю ни с кем о вещах Божественных; но, закончив курс, мы снова поведём себя, как обычно».

83. Тут, пока они вдвоём разговаривали, пришёл один монах просить доктора Фраго, чтобы тот соизволил приискать себе какой-нибудь дом, поскольку в том, где у него была комната, многие умерли — как думали, от чумы, так как тогда в Париже начиналась чума. Доктор Фраго с паломником решили пойти посмотреть один дом и взяли с собой женщину, которая в этом хорошо разбиралась; войдя внутрь, она заявила, что там чума. Паломник тоже пожелал войти <туда>; и, обнаружив там больного, он утешил его, дотронувшись рукой до его язвы. Затем, немного утешив и приободрив его, он ушёл один; тут рука у него заболела, и ему показалось, что это от чумы. Эта фантазия была настолько яркой, что он не мог с

---

²² См. выше, §§ 54–55.

²³ Доктор Херónimo Фраго-и-Гарсés, из Тарасонского диоцеза, уроженец Ункастильо в Арагоне. Был профессором Священного Писания в Сорбонне. Умер в 1537 г. Данные о нём см.: Кро, pp. 322–323.

ней справиться и в конце концов в сильном порыве вложил себе руку в рот, многократно повертел ею внутри и сказал: «Если у тебя чума на руке, то она будет и тебя во рту». И вот, когда он так сделал, эта фантазия оставила его вместе с болью в руке.

84. Но, когда он вернулся в Коллегию святой Варвары, где у него тогда была комната и где он слушал курс, те <студенты> Коллегии, которые узнали, что он входил в дом, где была чума, убежали от него и не хотели впускать его, так что он вынужден был провести несколько дней в другом месте.

В Париже есть такой обычай: те, кто изучает <свободные> искусства, на третий год, чтобы сделаться бакалавром, «берут камень», как <там> говорят. И, поскольку при этом тратят один эскудо, некоторые очень бедные <студенты> не могут этого сделать. Паломник стал сомневаться, стоит ли ему «брать камень». И вот, поскольку он никак не мог разрешить это сильное сомнение, в котором находился, он решил поведать об этом своему магистру. Тот посоветовал ему «взять камень», и он его «взял». Тем не менее дело не обошлось без сплетников — по крайней мере, одного, испанца, который это заметил²⁴.

---

²⁴ Смысл выражения «брать камень» (*итал.* «*pigliare la pietra*») не совсем ясен, и даже Кишра в своей *Истории* говорит, что не нашёл никаких сведений об этом университетском обычае. Можно предположить, что речь идёт об экзамене на степень бакалавра, который экзаменуемый, видимо, сдавал, сидя на камне, как это, судя по некоторым источникам, делалось в Университете города Коимбра в Португалии. Блюто в своём *Словаре*, в статье *Камень (Pedra)*, говорит: «Na Universidade de Coimbra, quando algum estudante se ha de examinar, depois de admitido, se vay assentar por humildade em huma pedra, deputada par esta função, com a cabeça descuberta, e o primeiro Examinador faz ao examinando as perguntas costumadas: como se chama, e de que Bispado e lugar he, etc.; e finalmente propoem o problema dos Physicos, e depois os outros dos Examinadores fazem seus argumentos, etc. Acabado o primeyro exame, toma a pedra o segundo examinando, etc.» («В Коимбрском Университете, когда какой-нибудь студент должен держать экзамен, он, после того как его впустят, смирения ради садится на камень, предназначенный для этой цели, с непокрытой головой, и первый Экзаменатор задаёт экзаменуемому обычные вопросы: как его зовут, из какого он Епископата и места, и т. д.; и в конце концов предлагает ему вопрос из Физики, а затем двое других Экзаменаторов ставят свои задачи, и т. д. По окончании первого экзамена камень занимает другой экзаменуемый, и т. д.» — *порт.*). Исходя из этого, можно предположить, что сомнения св. Игнатия заключа-

В Париже в то время у него уже было очень плохо с желудком, так что каждые пятнадцать дней его мучала боль в желудке, продолжавшаяся целыми часами, из-за которой у него начиналась лихорадка. Однажды боль в желудке продолжалась у него шестнадцать или семнадцать часов кряду. К тому времени он уже прошёл курс <свободных> искусств, несколько лет изучал теологию²⁵ и приобрёл товарищей, а болезнь заходила всё дальше, и он не мог найти никакого лекарства <от неё>, хотя и перепробовал многие.

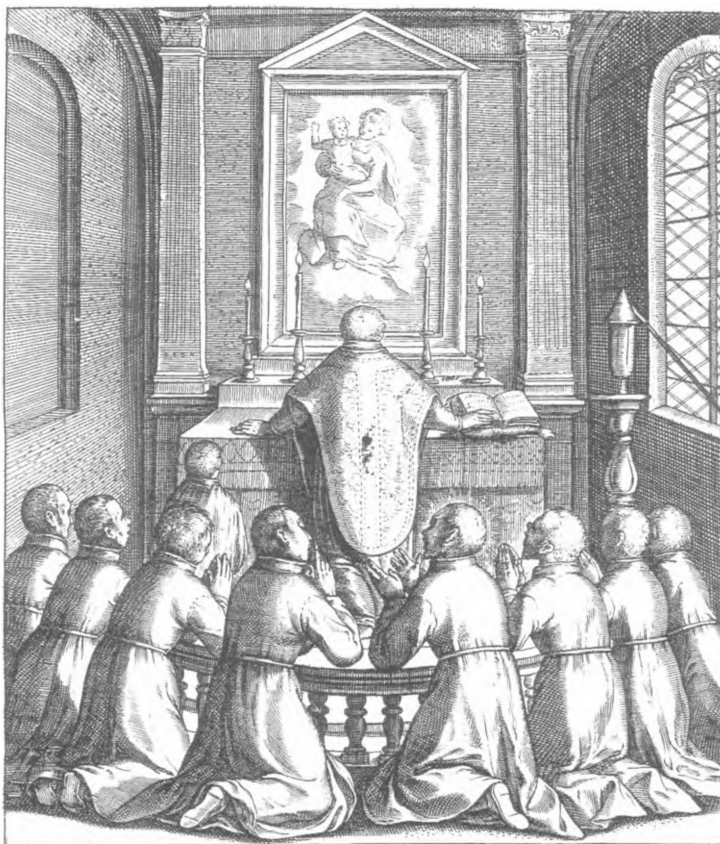
85. Врачи говорили лишь одно: не оставалось ничего иного, что могло бы помочь ему, кроме родного воздуха. Товарищи также советовали ему то же самое, причём весьма настоятельно. И уже в то время все решили, что им делать <дальше>, а именно: отправиться в Венецию и Иерусалим и потратить свою жизнь на пользу душам; если же им не дадут разрешения остаться в Иерусалиме — вернуться в

лись в том, следует ли ему получить степень бакалавра или же продолжать обучение без какой-либо академической степени. Другое предположительное объяснение выражения «брать камень» заключается в том, что кандидат должен был оплатить своим соученикам пирушку. В таком случае сомнения св. Игнатия заключались в том, стоит ли ему это делать. Как бы то ни было, это затруднение завершилось тем, что он получил степень бакалавра, а затем пошёл дальше, получив степень магистра <свободных> искусств. См. *FN*, I, p. 478, прим. 20. Степень бакалавра <свободных> искусств была присуждена ему в начале 1532 г., а не в декабре, как говорится в *FN*, I, p. 32*.

²⁵ Время, посвящённое св. Игнатием учёбе в Париже, распределяется следующим образом: грамматика и гуманитарные науки — с февраля 1528 г. по Великий пост 1529 г.; <свободные> искусства и философия — курсы 1529–1530, 1530–1531 и 1531–1532 гг. С октября 1532 г. до Пасхи 1533 г. он должен был заниматься литературными упражнениями, необходимыми для получения степени магистра <свободных> искусств. С 1533 г. по апрель 1535 г. он изучал теологию. 14 марта 1535 г. Игнатий получил степень магистра <свободных> искусств в ректорство Ф. Жакара, занимавшего эту должность с 15 сентября 1534 г. до 24 марта 1535 г. Документ о присвоении Игнатию степени магистра <свободных> искусств опубликован в *Scripta*, II, pp. 1–2 и в *FD*, док. № 86. Факультет теологии удостоверил, что он проучился на нём полтора года (*MI*, *Scripta*, II, p. 2 и *FD*, док. № 98). «Изучал теологию полтора года» (*per unum annum cum dimidio* — *лат.*): такая была формула, принятая в Парижском Университете и означавшая, что данное лицо достигло достаточных успехов в этом предмете. Её использовали по отношению ко всем студентам без разбора: например, к блаж. Фавру, который изучал теологию более пяти лет (*MI*, *Fabri Monumenta*, p. 6).

И уже в то время все решили, что́ им
делать <дальше> (§85).

Рим и предстать перед Викарием Христа, чтобы он использовал их там, где, по его суждению, это послужит к вящей славе Божией^д и на пользу душам. Они также задумали в течение одного года дожидаться в Венеции посадки на корабль; и, если в том году не будет корабля в Левант, они освобождаются от обета <отправиться в> Иерусалим и пойдут к Папе, и т. д.²⁶

В конце концов товарищам удалось убедить паломника — ещё и потому, что тем <из них>, кто были испанцами, нужно было устроить кое-какие дела, которые он мог уладить²⁷. Договорились они так: после того, как он почувствует себя хорошо, он отправится улаживать их дела, а потом переберётся в Венецию и там будет дожидаться <своих> товарищей.

86. Это было в тридцать пятом году, и по уговору товарищи должны были отправиться в путь в тридцать седьмом году, в день обращения святого Павла²⁸, хотя потом из-за шедших <тогда> войн они отправились в тридцать шестом году, в ноябре²⁹. Когда паломник собирался пуститься в путь, он услышал о том, что его обвинили перед инквизитором и против него возбуждён процесс. Услышав об этом и видя, что его не вызывают, он пошёл к инквизитору и сказал ему о том, что слышал, а также о том, что он собирается в

---

^д См. прим. «д» к § 36. — *А.К.*

²⁶ Таково было содержание знаменитого Монмартрского обета, который св. Игнатий принёс 15 августа 1534 г. Вместе с ним обет принесли шестеро его первых товарищей: Франциск Ксаверий, Пьер Фавр, Альфонсо Бобадилья, Диего Лаинес, Альфонсо Сальмерон, Симон Родригес. Когда на следующий год в тот же самый день они возобновляли этот обет, к ним присоединились ещё трое товарищей, приобретённых за этот год: Клод Жэ, Хуан Кодури и Пасказ Броз. О каждом из них имеется биографическая справка в *FN*, I, pp.37–39, примм. 21–31. После канонизации св. Игнатия в часовне Богоматери, где был принесён обет, была помещена памятная доска в честь создания Общества Иисуса — *К. де Д., А.К.*

²⁷ О. Поланко (*Жизнь: FN*, II, p. 568) добавляет ещё один весьма правдоподобный мотив, который мог подвигнуть св. Игнатия на путешествие в Испанию: желание исправить у себя на родине тот дурной пример, который он подавал там в годы своей юности. На то же самое указывает о. Арабс в своём суждении относительно *Жизни* о. Рибаденейры (*MI, Scripta*, I, p. 730; *FN*, IV, p. 940).

²⁸ 25 января.

²⁹ Товарищи св. Игнатия выступили из Парижа 15 ноября 1536 г.

Испанию, что у него есть товарищи и что он просит о том, чтобы соизволили вынести судебное решение. Инквизитор сказал, что относительно обвинения всё верно, но это дело не показалось ему важным. Он только хотел увидеть его записи *Упражнений*; и, увидев их, он крепко их похвалил и попросил паломника оставить ему копию, что тот и сделал. Тем не менее <паломник> стал снова настаивать на том, чтобы <инквизитор> продолжал процесс дальше, вплоть до судебного решения. Когда инквизитор отказался от этого, <паломник> пришёл к нему домой с общественным нотариусом и свидетелями и заверил всё это <документально>³⁰.

---

³⁰ Этот документ не дошёл до нас, равно как и копия *Упражнений*, отданная св. Игнатием инквизитору. Инквизитором был тогда не брат Матео Ори, как с лёгкой руки о. Поланко стали повторять некоторые биографы святого, а брат Валентин Льевэн. См. *FN*, I, p. 180, прим. 32; II, p. 561, прим. 153.

ГЛАВА IX

87. <Паломник> отправляется к себе на родину. — 88–89. Устраивается в одном «госпитале». Ревностно совершает благие дела в Аспейтии. — 90. Посещает Памплону, Альмасан, Сигуэнсу, Толедо, Валенсию. Навещает доктора Кастро. — 91. Садится на корабль до Генуи, куда прибывает после сильной бури. После тяжких треволнений прибывает в Болонью. Оттуда идёт в Венецию.

87. Сделав это, он сел на небольшую лошадку, которую ему купили товарищи, и отправился на родину один, почувствовав себя по пути гораздо лучше. Добравшись до Провинции¹, он оставил столбовую дорогу и свернул на горную тропу, которая была более уединённой. Немного по ней проехав, он встретил двоих вооружённых людей, шедших ему навстречу (а эта тропа пользуется несколько дурной славой из-за разбойников). Эти люди, немного миновав его, вернулись назад, весьма поспешно его преследуя, так что он слегка испугался. Тем не менее он заговорил с ними и понял, что это слуги его брата², который поручил им найти его. Видимо, из Байонны во Франции, где паломника знали, <его брат> получил известие о его приезде. <Слуги> пошли вперёд, а он продолжил путь по той же <тропе>. Потом, перед тем как добраться до <родной> земли, он встретил вышеозначенных³ <слуг>, вышедших ему навстречу. Они очень настойчиво просили проследовать за ними в дом его брата, но не смогли заставить его <сделать это>. Так что он направился в «госпиталь»⁴, а затем, когда настало подходящее время, пошёл по стране собирать подаяние.

---

¹ Так называлась Гипускоа. См. *FN*, II, р. 51.

² Мартин Гарсиа де Лойола, старший брат Игнатия, сеньор Лойолы.

³ Здесь принимается чтение «predetti» («вышеозначенные», по-испански «susodichos»), принятое также в издании *FN*, I, р. 482. Прежнее чтение — «preti» («священники») — отвергается по причинам, изложенным в статье: Далмасес, 1950, pp. 91–97. В этой статье опровергается предание, гласящее, что св. Игнатия торжественно встретили священники (preti) из Аспейтии, поскольку это предание основывается на сомнительном чтении.

⁴ Это был так называемый «госпиталь Магдалены». О пребывании в нём святого и о лошади, которую он там оставил, 8 января 1552 г. написал из Лойолы

Перед тем как добраться до <родной> земли, он встретил вышеозначенных <слуг>, вышедших ему навстречу. Они очень настойчиво просили проследовать за ними в дом его брата, но не смогли заставить его <сделать это> (§87).

88. В этом «госпитале» он стал говорить со многими, кто приходил навестить его, о делах Бога, по милости Которого был обретен немалый плод. С самого начала, только что прибыв, он решил каждый день наставлять в христианском вероучении детей. Но его брат стал решительно этому противиться, утверждая, что никто не придёт. Он отвечал, что достаточно будет и одного. Однако после того, как он приступил к этому, многие постоянно приходили послушать его — *etiam*^a <сам> его брат.

Кроме <преподания> христианского вероучения, он также проповедовал по воскресеньям и праздникам, принося пользу и помогая душам, так что <люди, жившие> за много миль, приходили послушать его. Он постарался также прекратить некоторые безобразия, и с Божией помощью навёл кое в чём порядок: *verbi gratia*^b, в <азартной> игре; он добился того, чтобы её запретили под страхом судебного наказания, убедив того, кто отвечал за правосудие. Там творилось ещё одно безобразие, а именно: девушки в тех краях ходят всегда с непокрытой головой и покрывают её, лишь выйдя замуж. Но есть много таких, которые становятся любовницами священников и других мужчин и хранят им верность, как будто они их жёны. И это настолько обычно, что такие любовницы ничуть не стыдятся сказать, что они покрыли голову ради такого-то; и в этом качестве они известны <всем>.

самому Игнатию о. Мигель Очоа («Наваррец»), товарищ св. Франциска Борджа: «... а оттуда мы направились в “госпиталь” св. Магдалены, где Ваше Преподобие пожелали расположиться, когда прибыли в этот край, и особенно о. Франциск пожелал есть за тем же столом, где Ваше Преподобие обычно ели, и в той же комнате, где Ваше Преподобие обычно спали. Мы обнаружили там того самого конька, которого Ваше Преподобие оставили в этом “госпитале” шестнадцать лет тому назад. Он весьма упитан и хорош, и ныне очень хорошо служит по дому. В Аспейтии он пользуется привилегиями: даже если он зайдёт в хлебá, его как бы не замечают. О. Франциск сказал о нём: *et respexit Dominus ad Abel et munera eius...*» («и призрел Господь на Авеля и на дары его...»: Быт 4. 4). Здесь уместно будет напомнить о мулице, тринадцатью годами ранее (в 1522 г.) оставленной св. Игнатием в монастыре в Монтсеррате и прослужившей там много лет (см. § 17 и прим. 9). — *К. де Д., А.К.*

^a Даже (*лат.*) — *А.К.*

^b К примеру (*лат.*). — *А.К.*

Многие постоянно приходили послушать его —
etiam <сам> его брат (§88).

89. Из-за этого обычая возникает немало зла. Паломник убедил губернатора издать закон, по которому всех тех женщин, которые покрыли голову для того или иного мужчины, не будучи их жёнами, правосудие должно карать; и таким образом этот обычай начал сходить на нет. Он добился <также>, чтобы отдали распоряжение заботиться о нищих публично и регулярно⁵, и чтобы трижды в день звучало «Аве, Мария», то есть утром, в полдень и вечером, дабы народ творил молитву, как в Риме⁶. Но, хотя поначалу он чувствовал себя хорошо, в дальнейшем он тяжело захворал. А затем, выздоровев, он решил отправиться в путь, чтобы уладить дела, порученные ему товарищами, причём отправиться без куатринов. Это привело в сильное раздражение его брата, который стыдился того, что он хотел идти пешком⁷. И вечером паломник решил уступить в этом: проехать до границы Провинции на лошади вместе со своим братом и своими родственниками.

90. Но, выехав за пределы Провинции, он спешился, не взяв с собой ничего, и пошёл по направлению к Памплоне, а оттуда — в Альмасан, <родной> край о. Лаинеса; а затем — в Сигуэнсу и Толедо⁸, а из Толедо — в Валенсию. И во всех этих <родных> краях

---

⁵ Распоряжения, целью которых было помочь бедным и избежать нищенства, были опубликованы в *MI, Scripta*, I, pp. 539–543 и в *FD*, док. № 88.

⁶ В письме гражданам Аспейтии, написанном в августе или сентябре 1540 г., Игнатий напоминал о тех новшествах, которые он ввёл в Аспейтии во время своей поездки туда: «чтобы звонили в колокола за тех, кто пребывает в смертном грехе; чтобы не было нищих попрошайек, и все получали помощь; чтобы не было ни игр в карты, ни их продавцов или покупателей; и, если женщины надевают головной убор на дурных основаниях и в оскорбление нашего Господа Бога — чтобы это безобразие было искоренено» (*Посл.*, I, p. 163).

⁷ Здесь принимается пунктуация рукописи *N*, где точка стоит после слова «пешком» (*ital.* «a piedi»). И, напротив, отвергается чтение рукописи *Post.* (принятое ранее в *FN*, I, 486), где точка стоит после слов «вечером» (*ital.* «alla sera»), так что фраза приобретает несколько иной смысл: «...который стыдился того, что он хотел идти пешком и вечером. Паломник решил уступить в этом...».

⁸ В Толедо ему нужно было навестить родственников Альфонсо Сальмерона, а также своего старинного товарища по Парижскому Университету, доктора Педро Перальту (см. § 77), поскольку о. Поланко сообщает, что «в его намерения входило также вернуться, чтобы собрать, если Бог поможет, тех товарищей, которых он прежде оставил в Испании — как, например, Артеагу, Калисто, Перальту, Кастро. Однако никто из

своих товарищей он не захотел брать ничего, хотя ему очень настоятельно предлагали многое.

В Валенсии он говорил с Кастро⁹, который был картузианским монахом. И, когда он хотел сесть на корабль, чтобы отправиться в Геную, благочестивые люди в Валенсии просили его не делать этого, поскольку говорили, что в море <рыщет> Рыжая Борода (Barba Rossa)¹⁰ со множеством галер и т. д. И, хотя ему наговорили много такого, чего хватило бы, чтобы нагнать страху, тем не менее ничто не могло поколебать его.

91. И, сев на корабль, он пережил сильную бурю, о которой упоминалось выше¹¹, когда говорилось, что он трижды был на грани смерти.

Прибыв в Геную, он отправился в путь в Болонью, и на этом пути перенёс немало, особенно однажды, когда заблудился и пошёл вдоль реки, которая текла глубоко внизу, а дорога шла по верху, причём, чем дальше он по ней шёл, тем уже она становилась. <Наконец> она сузилась настолько, что он уже не мог ни идти вперёд, ни вернуться назад. Поэтому ему пришлось ползти на четвереньках, и так он полз довольно долго, испытывая жуткий страх, поскольку при каждом движении ему казалось, что он вот-

---

них не был расположен следовать за ним» (FN, I, pp. 187–188). Во время этого путешествия он задержался также в Мадриде — несомненно, желая повидать Артэагу, который тогда был наставником Луиса де Рекесэна, сына старшего командора Кастилии, дона Хуана де Суньи́ги (см. Марч, *Детство*, т. II, pp. 96–97, 222–223). В этих обстоятельствах он повидал Филиппа II, тогда восьмилетнего мальчика, как сам король вспоминал об этом пятьюдесятью годами позже, когда ему показали портрет святого, написанный Алонсо Санчесом Коэльо. См. FN, III, p. 245. Воспитательницей принца была донья Леонор Маскареньяс, которая уже раньше знала св. Игнатия и восхищалась им. См. § 80.

⁹ См. § 78.

¹⁰ Знаменитый турецкий пират, адмирал эскадры султана Сулеймана I Великолепного, правившего в 1520–1566 гг. Как «знаменитый корсар» Рыжая Борода (исп. Barbagorda) упоминается у Сервантеса (ДК, ч. I, гл. XXXIX). — К. де Д., А. К.

¹¹ См. § 33. Можно предположить, что корабль, по всей вероятности, отправился из Валенсии в Геную не напрямую, а зашёл в Барселону. Тогда автобиографический рассказ будет согласован с сообщением о. Поланко (*Краткое изложение*, § 60; *Жизнь*: FN, I, pp. 487–488¹⁴; II, p. 571).

вот свалится в реку. И это была самая утомительная телесная мука, которую он когда-либо испытал; но в конце концов он выбрался. Затем, желая войти в Болонью, он должен был пройти по деревянному мостику и свалился с этого моста. И вот, поднявшись <из воды>, весь в тине и насквозь мокрый, он рассмешил всех, кто при этом присутствовал.

Войдя в Болонью, он стал просить милостыню, но не получил ни единого куатрина, хотя обошёл весь город¹².

Некоторое время он провёл в Болонье больным, а потом отправился в Венецию, всё таким же образом.

---

¹² После столь неудачного путешествия в Болонью и столь малого успеха в сборе подаяния в этом городе он получил некоторое облегчение в испанской Коллегии св. Климента (см. *FN*, I, p. 188; II, p. 572). В Болонье св. Игнатий возобновил свои занятия теологией. Но, поскольку тамошний климат его не устроил, он отправился в Венецию, чтобы дожидаться своих товарищей. Там он принялся завершать свои занятия теологией с начала 1536 г. до Великого Поста 1537 г. См. его письмо к Хайме Кассадору от 12 февраля 1536 г. (*Посл.*, I, pp. 95–96).

ГЛАВА X

92. В Венеции <паломник> даёт Упражнения. — 93. Его преследуют, но в конце концов признают невиновным. С ним воссоединяются <его> товарищи, прибывшие из Парижа. Прождав несколько месяцев, они отправляются в Рим, чтобы получить разрешение предпринять паломничество в Палестину. По возвращении из Рима принимают рукоположение те, кто не были священниками. — 94–95. Дожидаясь возможности сесть на корабль, они расходятся по разным городам, входившим во владения Венеции. Святой Игнатий навещает Симона Родригеса, заболевшего в Бассано. — 96–97. Товарищи снова разделяются по различным городам Италии. Идут в Рим. В пути святого Игнатия посещает знаменитое видение.

92. В Венеции в то время он занимался преподаванием упражнений и другими духовными беседами. Наиболее примечательными людьми, которым он их давал, были г-н Пьетро Контарини¹, г-н Гаспарро де Доктис² и один испанец по фамилии Росас³. Был там и ещё один испанец, которого звали бакалавр Осес⁴ и который

---

¹ Пьетро Контарини (Contarini; в итальянском тексте иное написание этой фамилии: Contareno), знатный венецианский клирик, прокуратор «госпиталя» Неизлечимых. Ветвь семьи Контарини, из которой он происходил, отличалась от той, к которой принадлежал кардинал Гаспарро Контарини, коему впоследствии пришлось столько помогать Обществу в Риме. В 1557 г. он был переведён в Пафосский диоцез на Кипре, а в 1562 г. отказался от своего диоцеза. Умер в Падуе в 1563 г.

² Гаспарро де Доктис был тогда викарием папского нунция в Венеции, Джеро́нимо Вералло. С 1551 г. он был губернатором Лорето, и там в 1556 г. принёс простые обеты в Обществе, сохранив, однако же, светскую одежду и продолжая заведовать святилищем.

³ В рукописях эта фамилия пишется Roças: видимо, имеется в виду Rozas или Rosas. Не следует путать его с Рохасом (Rojas). Неясно, о ком здесь идёт речь. Ср. FN, I, p. 490³. Возможно, это был некто Родриго Росас (Rozas).

⁴ Бакалавр Диего де Осес (Noces; в итальянском тексте иное написание: Nozes), уроженец Малаги, охотно присоединился к св. Игнатию и его товарищам. Умер он в 1538 г. в Падуе, читая проповедь вместе с о. Хуаном Кодури. Св. Игнатий, находившийся тогда в Монтекассино, видел, как его душа возносится в небо. См. рассказ Поланко (*Краткое изложение*, § 74, *Жизнь*, § 91: FN, I, p. 195; II, p. 583).

много беседовал с паломником, а также с епископом Четте⁵. И, хотя у него было некоторое желание проделать упражнения, тем не менее он не воплощал его на деле. Наконец он решился проделать их; и после того, как он их проделал, дня через три-четыре, он открылся паломнику, сказав ему, что из-за того, что ему наговорил один человек, он опасался, как бы в упражнениях его не научили чему-нибудь дурному. По этой причине он взял с собой несколько книг, чтобы обратиться к ним, если его вдруг захотят обмануть. В упражнениях он очень старался, и в конце концов решил следовать жизни паломника. Он был тем, кто умер первым <из товарищей паломника>.

93. В Венеции паломник пережил и другое преследование: много было таких, кто говорил, что его статую сожгли в Испании и в Париже^а. И дело зашло настолько далеко, что был возбуждён процесс и было издано судебное решение в пользу паломника^б.

Девять товарищей <паломника> прибыли в Венецию в начале тридцать седьмого года. Там они разделились, чтобы служить в различных «госпиталях». Через два-три месяца все они отправились в Рим просить благословения на поездку в Иерусалим. Паломник не пошёл из-за доктора Ортиса, а также из-за нового

---

⁵ Четте (Cette): диоцеза с таким названием не существует. Висето в своём латинском переводе (*FN*, I, p. 491, критический аппарат) понял это как *septensis* (*Septa* — латинская форма названия Сеуты). Согласно этому толкованию, речь идёт о епископе Сеуты, которым в то время был Диего де Сильва. Вместе с тем различные обстоятельства делают это толкование маловероятным и подсказывают иное: вместо «Четте» (Cette) следует читать «Кьети» (Chieti). Епископом этого диоцеза, адъективная форма названия которого — «театинский» (*theatinus*), был Джанпьетро Карафа, основатель монашеского ордена театинцев и будущий Папа Павел IV, с 1527 г. живший в Венеции. О его непростых отношениях со св. Игнатием см. прим. 7 к данной главе.

^а В тех случаях, когда Инквизиция не могла добраться до того или иного лица, считавшегося особо опасным еретиком или преступником, практиковалась так называемая казнь *in effigie* (букв. «в изображении» — *лат.*), при которой на костре сжигали изображение этого человека. — **А.К.**

^б Это судебное решение было вынесено Гаспарро де Доктисом 13 октября 1537 г. Оно опубликовано в *MI*, *Scripta*, I, pp. 624–627 и в *FD*, док. № 105.

В Венеции на Мессе приняли рукоположение те,
кто <ещё> не был рукоположен (§93).

кардинала Театинского⁷. Товарищи вернулись из Рима с <кредитной> распиской (*police*) на 200 или 300 эскудо, которые были даны им в качестве милостыни на поездку в Иерусалим. Они не хотели брать этих денег иначе, как в виде <кредитной> расписки. Впоследствии, не сумев поехать в Иерусалим, они возвратили эти деньги тем, кто их дал⁸.

Товарищи <паломника> вернулись в Венецию точно так же, как и вышли из неё, то есть пешком и собирая подавание. Но при этом они разделились на три части таким образом, чтобы они всегда состояли из <людей> разных национальностей. Там, в Венеции, на Мессе приняли рукоположение те, кто <ещё> не был рукоположен, и им дал лицензию нунций, который был тогда в Венеции, ставший впоследствии кардиналом Вералло. Они были рукоположены во священники *ad titulum paupertatis*⁹ и все принесли обеты целомудрия и бедности⁹.

94. В том году корабли в Левант не ходили, поскольку венецианцы порвали с турками. Поэтому <товарищи паломника>, видя, что надежда на путешествие всё откладывается, разошлись по венецианской <земле>, намереваясь прождать год, как они решили, а затем, по его завершении, если путешествие не удастся — отправиться в Рим.

⁷ Доктор Ортис донимал св. Игнатия в Париже из-за перемены в поведении Хуана Кастро и Педро Перальты (см. выше, § 77). Отношения между св. Игнатием и Джанпьетро Карафой, ставшим кардиналом 22 декабря 1536 г., были натянутыми из-за не вполне ясного инцидента, происшедшего между ними в Венеции. См. *FN*, II, р. 575; I, р. 582, прим. 14. См. также письмо, о котором можно с полной уверенностью сказать, что оно было адресовано Джанпьетро Карафе (*Посл.*, I, pp. 114–118). Критическое издание этого письма см. в *ANSI* 44 (1975), pp. 139–151.

⁸ Кроме 60 дукатов, полученных товарищами Игнатия от Папы и от других лиц, «они принесли сюда в расписках (*zédulas*) 260 дукатов». Не сумев отправиться в паломничество, они вернули эти деньги. Так писал св. Игнатий из Венеции Жану Вердолз 24 июля 1537 г. (*Посл.*, I, pp. 120–121). Об этом пожертвовании см. *FN*, I, р. 116, прим. 10.

⁹ «Во звание бедности» (*лат.*). Имеется в виду, что св. Игнатию и его товарищам не был предоставлен бенефиций. — *А.К.*

⁹ Рукоположение состоялось 24 июня 1537 г. Свидетельство о нём см. в *MI, Scripta*, I, pp. 543–546 и в *FD*, док. № 103. Рукополагал их Висенте Нигусанти, епископ Арбе в Далмации (ныне о. Раб в Хорватии).

Паломнику выпало идти с Фавром и Лаинесом в Виченцу. Там они нашли некий дом за чертой города, в котором не было ни окон, ни дверей и где они ночевали на скромной охапке принесённой ими соломы¹⁰. Двое из них всё время, дважды в день, выходили собирать милостыню в городе, но приносили настолько мало, что прокормиться им едва удавалось. Обычно они ели немного хлеба <собственной> выпечки, когда он у них был; тот, кто оставался дома, заботился о том, чтобы его испечь. Так они провели сорок дней, не занимаясь ничем, кроме молитв.

95. Когда прошло сорок дней, пришёл г-н Хуан Кодури, и все четверо решили начать проповедовать. И вот все четверо разошлись по разным площадям и в один и тот же день, в один и тот же час начали свою проповедь, для начала громко закричав и созывая народ *бонетом* (*bonete*). Эти проповеди наделали много шума в городе, многие люди подвинулись на благочестие, а у <товарищей теперь> в большем изобилии было всё необходимое для жизни.

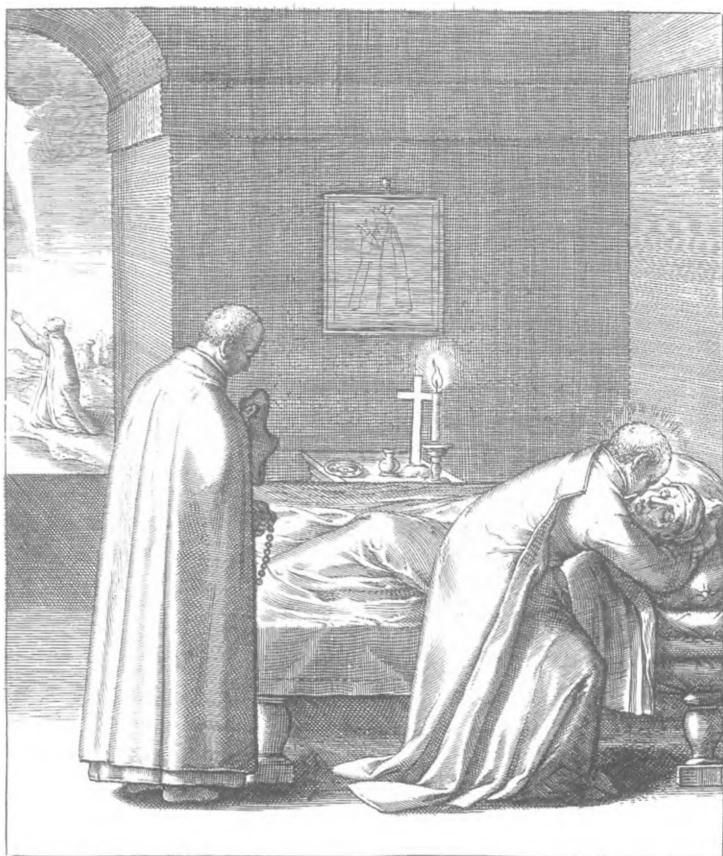
В то время, когда <паломник> был в Виченце, его посещало много духовных видений и он много раз (почти регулярно) испытывал утешение — в противоположность тому, как было в Париже. Особенно тогда, когда он начал готовиться стать священником в Венеции, когда готовился служить первую Мессу, <а также> во всех этих путешествиях он пережил великие сверхъестественные «посещения» того рода, которые он обычно переживал, находясь в Манресе. Находясь в той же Виченце, он узнал о том, что один из товарищей, находившийся в Бассано¹¹, заболел и <теперь> при смерти (а паломник *etiam*¹² был тогда болен лихорадкой). Тем не менее он пустился в путь, и шёл так быстро, что Фавр, его товарищ, не мог за ним угнаться. И в этом путешествии Бог внушил ему уверенность (и он сказал об этом Фавру) в том, что <их> товарищ не умрёт от этого недуга. Когда они прибыли в Бассано, больной сильно утешился и вскорости выздоровел¹².

¹⁰ Речь идёт о монастыре Сан-Пьетро-де-Вивароло (*FN*, II, p. 580²¹⁵).

¹¹ Это был Симон Родригес.

¹² Тоже (*лат.*). — *А.К.*

¹² О том же самом более подробно рассказывают РИБАДЕНЕЙРА (*Деяния*, § 23: *FN*, II, pp. 333–334) и ПОЛАНКО (*Жизнь*: *FN*, II, p. 581). См. также *FN*, III, pp. 84, 86, 424.

Когда они прибыли в Бассано, больной сильно утешился и вскорости выздоровел (§95).

Затем все они вернулись в Виченцу и провели там некоторое время вдесятером, собирая подаяние по деревням вокруг Виченцы.

96. Затем, когда миновал год¹³, а им не удалось отправиться в путешествие, они решили пойти в Рим, в том числе и паломник, поскольку в другой раз, когда товарищи пошли туда, те двоё, относительно которых он сомневался, выказали себя весьма благожелательными.

Они пошли в Рим, разделившись на три или четыре части, причём паломник <отправился> с Фавром и Лаинесом¹⁴. В этом путешествии его совершенно особым образом посетил Бог.

Став священником, он решил в течение года не служить Мессе¹⁵, готовясь <к этому> и моля Богородицу о том, чтобы она соизволила поместить его рядом с Её Сыном¹⁶. И вот однажды, когда он был в нескольких милях от Рима в одной церкви и молился, он почувствовал та-

А я, пишущий это, сказал паломнику, когда он мне это поведал, что я слышал, как Лаинес рассказывал об этом с другими подробностями. Тогда он ответил мне, что всё рассказанное Лаинесом верно, поскольку сам он не помнит

---

¹³ Имеется в виду год, в течение которого, согласно Монмартрскому обету, они должны были дожидаться отплытия в Иерусалим. Как именно должен был подсчитываться этот год, не совсем ясно. Поэтому стоит прислушаться к тому, что прямо говорит об этом о. Поланко (FN, II, pp. 579–582): «Expectandus tamen erat annus, ab eo tempore, quo Venetias venerant, computandus, iuxta praedicti voti tenorem» («Однако в силу вышеуказанного обета <им> следовало ждать в течение года, который надлежало подсчитывать с того времени, когда они прибудут в Венецию» — лат.), т. е. с 8 января 1537 г. Иную точку зрения отстаивает о. Летурия, 1940, pp. 188–207. См. следующее прим.

¹⁴ Хотя обет и не обязывал к этому напрямую, товарищи Игнатия всё же отсрочили путешествие в Рим на несколько месяцев — кроме самого святого и отцов Фавра и Лаинеса, которые отправились в Рим в конце октября 1537 г. Остальные последовали за ними сразу после Пасхи 1538 г. (21 апреля). Перед Папой, явиться к которому они должны были в силу обета, дабы предложить ему располагать ими на его усмотрение, они предстали между 18 и 23 ноября. См. FN, I, p. 36*.

¹⁵ В действительности св. Игнатий отложил свою первую Мессу ровно на полтора года с 24 июня 1537 г., т. е. до Рождества 1538 г. См. Сапико, pp. 100–104.

¹⁶ Исполнение этой молитвы св. Игнатия составило основное содержание его знаменитого видения в Ла Сторте, о котором упоминается в следующих строчках. Ещё раз она появляется в *Духовном дневнике* святого (запись от 23 февраля 1544 г.).

Однажды, когда он был в нескольких милях от Рима в одной церкви и молился, он почувствовал такую перемену в своей душе и настолько ясно увидел, как Бог Отец поместил его рядом со Христом, Своим Сыном, что у него не хватило духа усомниться в этом: да, Бог Отец поместил его рядом со Своим Сыном! (§96)

<этого> настолько подробно. Но сейчас, когда он поведал об этом, он знает точно, что не сказал ничего, кроме истины. То же самое он говорил мне и в других случаях¹⁷.

кую перемену в своей душе и настолько ясно увидел, как Бог Отец поместил его рядом со Христом, Своим Сыном, что у него не хватило духа усомниться в этом: да, Бог Отец поместил его рядом со Своим Сыном!

97. Затем, придя в Рим, он сказал своим товарищам, что увидел закрытые окна, желая сказать, что там им предстояло встретиться с серьёзным противостоянием. Кроме того, он сказал: «Нам нужно непрестанно быть начеку и не вступать в общение с женщинами — разве что со знатными». Если уж говорить об этом, то впоследствии в Риме г-н Франциск¹⁸ исповедовал одну женщину и несколько раз посещал её, чтобы побеседовать о духовных предметах; а потом обнаружилось, что она беременна. Однако Господу было угодно, чтобы раскрылось, кто совершил это злодеяние. Нечто подобное произошло с Хуаном Кодури, одну духовную дочь которого застали с мужчиной.

---

¹⁷ Сохранился рассказ о Лаинесе об этом видении в Ла Сторте. Он содержится в беседе, произнесённой им в Риме в 1559 г. (*FN*, II, р. 133). Согласно старинному преданию, это необыкновенное видение посетило св. Игнатия в Ла Сторте, рядом с Виа Кассиа, в 16, 5 км от Рима. Не так давно почтенный возраст этого предания подтвердился находкой документа, возводящего его по меньшей мере к 1631 г. (*FN*, II, р. 133, прим. 19). Этим документом следует дополнить то, что говорится в *FN*, I, р. 498, прим. 23.

¹⁸ Св. Франциск Ксаверий.

ГЛАВА XI

98. Паломник отправляется в Монтекассино давать упражнения доктору Ортису. Видит в небе душу бакалавра Осеса. К паломнику присоединяется Франсиско Эстрада. В Риме паломник занят преподаванием упражнений. Преследование, возбуждённое против него и против его товарищей. Паломник идёт во Фраскати, чтобы поговорить с Павлом III. Благоприятное судебное решение. Благочестивые учреждения, основанные и поддержанные в Риме. Набожность паломника и чрезвычайные дары молитвы. — 99–101. О том, как он писал Упражнения и Конституции.

98. Из Рима паломник пошёл в Монтекассино давать упражнения доктору Ортису¹ и провёл там сорок дней, в течение которых видел однажды, как бакалавр Осес возносится на небо². При этом <паломник> пролил обильные слёзы и испытал огромное духовное утешение, причём видел он это настолько ясно, что, если бы он стал отрицать это, ему показалось бы, что он лжёт. Из Монтекассино он привёл с собой Франсиско Эстраду³.

Вернувшись в Рим, он занялся помощью душам. Они жили ещё в винограднике⁴, и он давал духовные упражнения различным <людям> одновременно; один из них жил у Санта-Мария-Маджоре, а другой — у Понте Сиксто.

---

¹ Кроме данных, содержащихся в *FN*, о докторе Педро Ортисе можно справиться в следующих работах: Абад, pp. 437–454; БЕРНАР-МЭТР, pp. 393–434; *Упражнения*, 1969, pp. 627–645.

² См. § 92.

³ Франсиско Эстрада (в оригинале италянизированная форма: Francesco de Strada) — молодой испанец, уволенный из дома и со службы у кардинала Джанпьетро Карафы. Он направлялся в Неаполь, когда его повстречал св. Игнатий. Вступил в Общество, в котором стал знаменитым проповедником и занимал важные должности.

⁴ Т. е. в доме Квирино Гардзони, расположенном в винограднике на склонах Монте-Пинчо, неподалёку от церкви Тринитá-деи-Монти.

Из Рима паломник пошёл в Монтекассино давать упражнения доктору Ортису и провёл там сорок дней, в течение которых видел однажды, как бакалавр Осес возносится на небо (§98).

Потом начались преследования, и первым Мигель⁵ начал доносить паломника и говорить о нём дурно. <Тогда паломник> добился, чтобы того вызвали к губернатору⁶, предварительно показав губернатору одно письмо Мигеля, в котором он сильно расхваливал паломника. Губернатор допросил Мигеля, и вывод был таков: изгнать его из Рима.

Затем начали преследования Мударра и Барреда⁷, говорившие, что паломник и его товарищи были беглецами из Испании, Парижа и Венеции. В конце концов в присутствии губернатора и тогдашнего римского легата⁸ оба они признались, что не могут сказать о них ничего дурного: ни об <их> нравах, ни об <их> жизни. Легат приказывает, чтобы во всём этом деле установилось молчание, но паломник не соглашается с этим, говоря, что он хочет окончательного судебного решения. Это не понравилось ни легату, ни

---

⁵ Видимо, речь идёт о Мигеле Ландиваре (в оригинале его имя италянизировано: Michele), которого обычно звали попросту «наваррецем». Обращение св. Франциска Ксаверия произвело на него тягостное впечатление, и тогда, в Париже, он даже намеревался убить св. Игнатия. Впоследствии он образумился и даже хотел вступить в Общество, но то ли не получил согласия на это, то ли пробыл в Обществе слишком недолго (РИБАДЕНЕЙРА, *Деяния*, § 19: *FN*, II, р. 332 и прим. 22; см. также *FN*, II, р. 170; I, р. 202).

⁶ Им был Бенедетто Конверсини, епископ Бертироно. В 1538 г. он был назначен губернатором Рима.

⁷ Мударра и Барреда (последняя фамилия иногда пишется иначе: Bartera). Эти два испанца и ещё один их соотечественник, Педро де Кастилья, были главными зачинщиками настоящего гонения на св. Игнатия и его товарищей, поднятого в Риме в 1538 г. Поводом к нему послужила проповедь, прочитанная Августином Майнард, пьемонтским монахом-августинцем. В ней Игнатий и его товарищи обнаружили некоторые ошибки и стали их оспаривать. Группа вышеупомянутых испанцев встала на сторону проповедника и возбудила кампанию против Игнатия и его товарищей, которая закончилась оправданием последних и тяжкими наказаниями для клеветников. Об этом преследовании рассказывают все биографы св. Игнатия. Сообщает о нём и сам святой в письме Исабель Росер от 19 декабря 1538 г. См. *FN*, I, pp. 6–14. О процессе, на котором рассматривалось обвинение в адрес св. Игнатия и его товарищей, завершившемся полностью оправдательным приговором 18 ноября 1538 г., Дель Пьяццо – Далмáсес, pp. 431–453; *FD*, док. № 108.

⁸ Им был Виченцо Карафа, которого называли «неаполитанским кардиналом».

губернатору, ни тем, кто поначалу поддерживал паломника; но в конце концов, через несколько месяцев, в Рим прибыл Папа. Паломник отправляется побеседовать с ним во Фраскати, излагает ему некоторые доводы и убеждает Папу, который распоряжается, чтобы вынесли судебное решение, которое было оправдательным, и т. д.⁹

С помощью паломника и <его> товарищей в Риме были основаны некоторые благочестивые учреждения: для катехуменов, Санта-Мария, для сирот и т. д.

Об остальном лучше расскажет о. Нададь.

99. Когда обо всём этом было рассказано, 20 октября я спросил паломника об Упражнениях и Конституциях, желая услышать о том, как он их составил. Он сказал мне, что Упражнения он составил не все разом: кое-какие вещи, которые он наблюдал в своей душе и находил полезными, смогут, как ему казалось, принести пользу и другим, и тогда он их записывал — *verbi gratia*^a, об испытании совести посредством линий¹⁰ и т. д. О выборах он особо сказал мне, что почерпнул их из того разнообразия духа и мыслей, которое он пережил, когда был в Лойоле и у него ещё болела нога¹¹. Ещё он сказал мне, что о Конституциях поговорит со мной вечером.

В тот же день, перед обедом, он позвал меня с видом человека, который был сосредоточен более обычного, и сделал мне нечто вроде заявления, суть которого заключалась в том, чтобы выказать то намерение и ту простоту, с какими он всё это рассказывал; по его словам, совершенно очевидно, что он ни в чём не допустил преувеличений. <Говорил он> также, что нанёс немало оскорблений Господу нашему после того, как начал служить Ему, однако никогда не потакал смертному греху; напротив, он всегда возрастал в благоговении, *id est*^b, в способности встретиться с Богом, причём ныне — больше, чем

---

⁹ Судебное решение было вынесено 18 ноября 1538 г. С ним можно ознакомиться в MI, *Scripta*, I, pp. 627–629 и в FD, док. № 108.

^a Например (*лат.*). — А.К.

¹⁰ *Упражнения*, 1991, §§ 30–31 (с. 25).

¹¹ См. §§ 7–9.

^b То есть (*лат.*). — А.К.

когда-либо в своей жизни. И всякий раз, в любое время, когда он хотел встретиться с Богом — он с Ним встречался. И ныне его посещает множество видений, особенно таких, о которых сказано выше, <при которых он> видит Христа как Солнце¹². Это часто случалось с ним, когда он шёл, беседуя о важных вещах, и <такие видения> расценивались им как подтверждение <его правоты>.

100. Когда он служил Мессу, его тоже посещало множество видений, и, когда составлял Конституции, это тоже случалось очень часто. Теперь он спокойно может утверждать это, поскольку каждый день он записывал то, что происходило в его душе, и теперь всё это у него записано. И тут он показал мне толстенную кипу записей, добрую часть которых зачитал мне. В большинстве это были видения, посещавшие его в подтверждение той или иной Конституции, причём временами он видел Бога Отца, временами — все три Лица Троицы, а временами — Богородицу: то ходатайствующую, то подтверждающую <его правоту>.

В частности, он сказал мне об определениях, ради которых он ежедневно служил Мессу в течение сорока дней, и каждый день с обильными слезами; а дело заключалось в том, должна ли церковь иметь какие-то доходы и может ли Общество ими воспользоваться¹³.

101. Порядок, который он соблюдал, составляя Конституции, был таким: каждый день он служил Мессу, излагал Богу тот пункт, о котором шла речь, и молился об этом, причём и молитву, и Мессу всегда совершал в слезах.

Я пожелал увидеть все эти записи Конституций и попросил его оставить мне их ненадолго, но он не захотел.

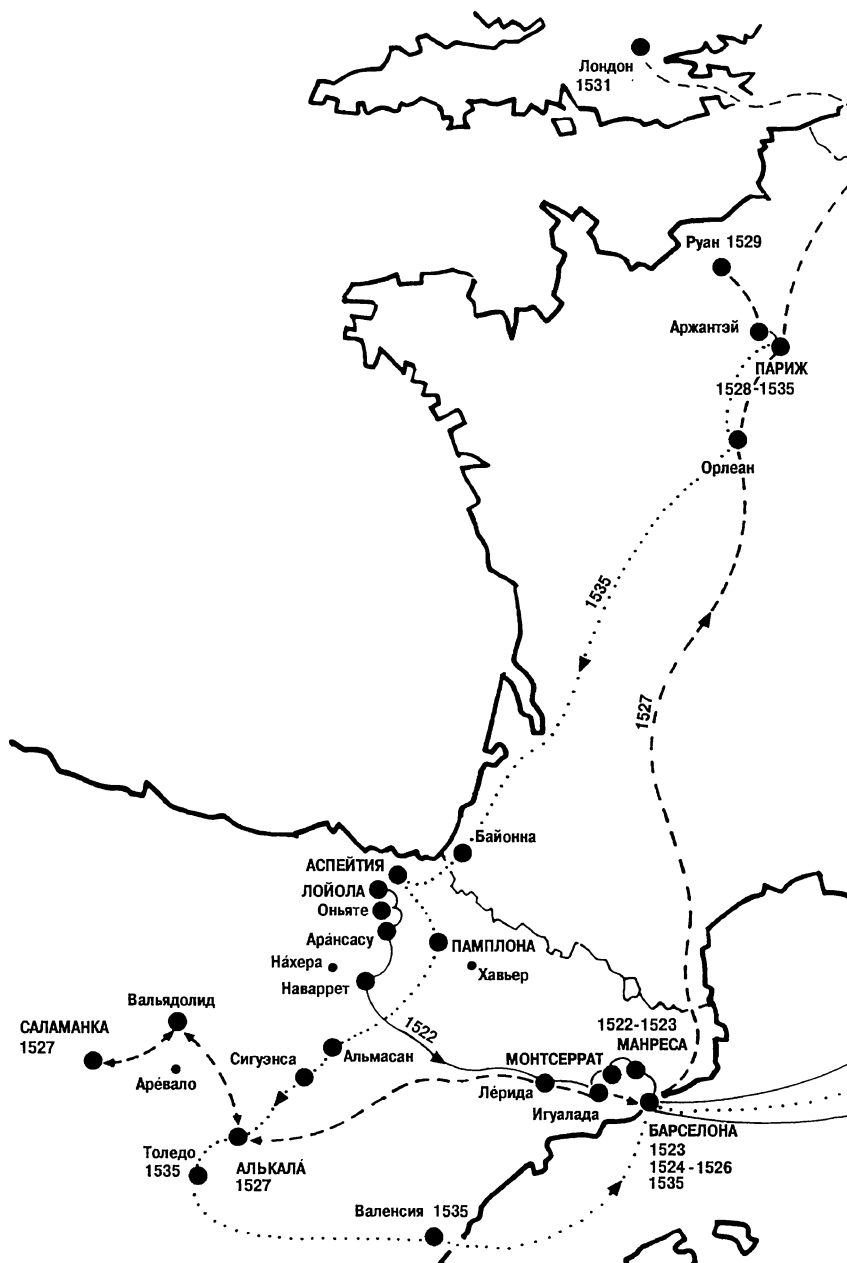
¹² «Как Солнце» (итал. «come sole»). См. § 29, *третье-четвёртое*. В одной испанской рукописи (*Varia Historia*, f. 29) и в латинском переводе Висето другое чтение: «como solia» (исп.) и «ut solet» (лат.), т. е. «по своему обыкновению», «как обычно».

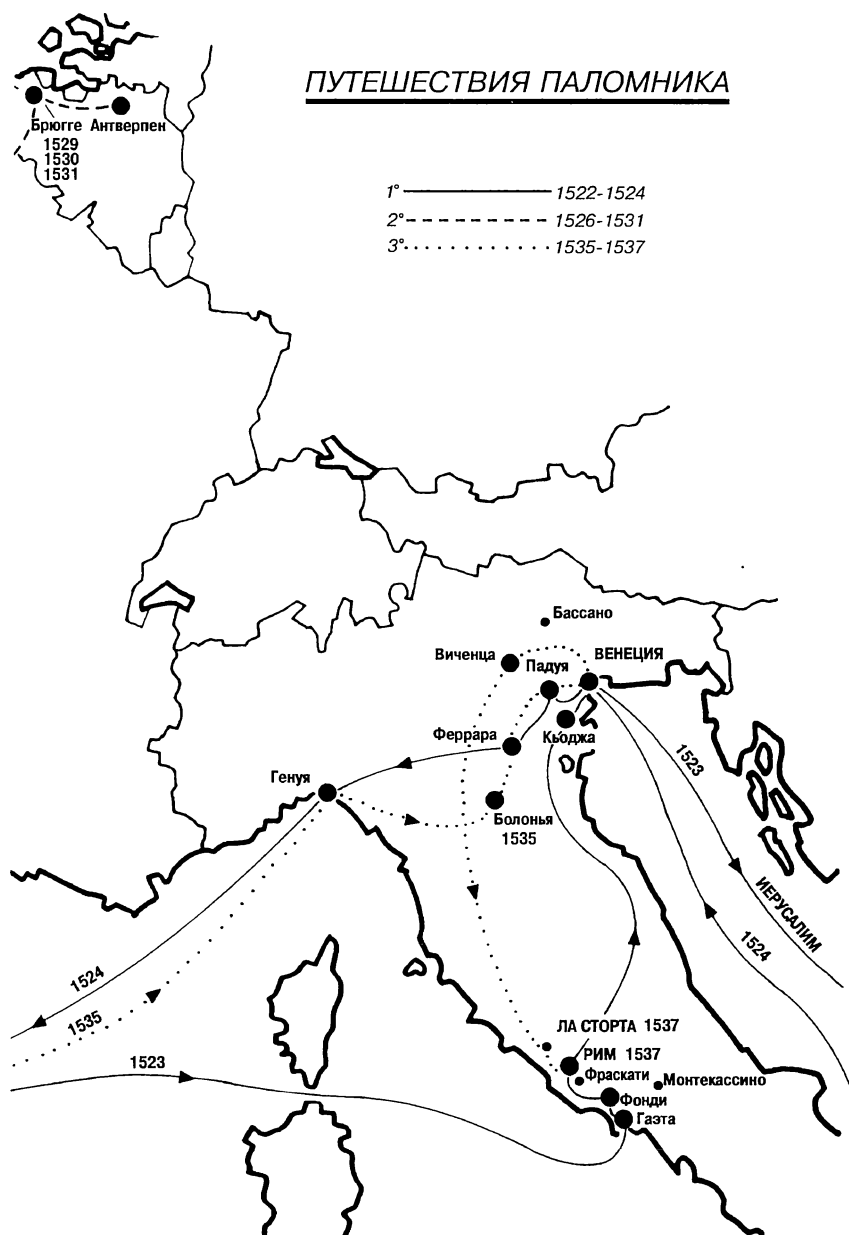
¹³ Из *Духовного дневника* св. Игнатия сохранилась лишь часть, обнимающая собою тринадцать месяцев: со 2 февраля 1544 г. по 27 февраля 1545 г.

Порядок, который он соблюдал, составляя Конституции, был таким: каждый день он служил Мессу, излагал Богу тот пункт, о котором шла речь, и молился об этом (§101).

А.Н Коваль

ЭНЕКО — ИНЬИГО — ИГНАТИЙ:

ПУТЬ И СЛОВО ПАЛОМНИКА

(от переводчика)

I. РАССКАЗЧИК И ЕГО ГЕРОЙ

*Бог обращался с ним точно так же,
как школьный учитель обращается с ребёнком,
его наставляя.
(«Автобиография», § 27)*

Бойкий, задиристый мальчик, несколько мелковатый для своих лет, миловидный и упрямый, не привыкший к материнской ласке и потому слегка дичащийся посторонних.

Одетый с иголки кабальеро с преувеличенно подчёркнутой осанкой и изысканными манерами придворного, гордец и бретёр, искусный фехтовальщик и дамский угодник, *satis liber in mulierum amore*¹.

Невысокий пожилой человек, худощавый и даже, пожалуй, измождённый, заметно припадающий на правую ногу, с довольно обширной лысиной и большими тёмно-карими глазами, временами подёрнутыми поволокой «невидимых миру» слёз.

Энеко Лойолако

Иньиго-Лопес
де Рекальде-и-Лойола

Святой Игнатий
Лойола

Так, или примерно так, можно наметить три главные вехи жизни этого человека — вехи, всякий раз подкрепляемые переменной имени. Но это всего лишь вехи; а вот в состоянии ли мы внимательно проследить всю причудливую траекторию этой непростой и славной судьбы?

---

¹ Достаточно вольный в любви к женщинам (лат., слова Хуана-Альфонсо де Поланко).

* * *

Подобное сомнение может показаться попросту надуманным. Ведь, в отличие от того, что можно сказать о многих других святых прошлого, жизнь св. Игнатия Лойолы, в общем-то, неплохо известна и основательно документирована. За почти четыре с половиной века, прошедшие со дня его смерти, было собрано огромное количество свидетельств и документов, освещающих самые порой мельчайшие подробности событий его жизни. Десятки и даже сотни учёных и исследователей трудились и продолжают трудиться над всё более детальным выяснением тех или иных сторон его личности и деятельности. Библиография работ, посвящённых этой теме, насчитывает уже тысячи названий. И, тем не менее, приходится признать, что и по сей день кое-что здесь остаётся загадочным и даже таинственным.

Вот всего лишь один тому пример. В своё время от внимания бельгийского историка-иезуита Ипполита Делэ (1859–1941 гг.) не укрылось, что «Церковь отмечает в один и тот же день праздник двух своих деятелей, которые оба умерли в Италии; что обращение одного и другого было вызвано чтением “житий святых”; что каждый из них основал монашеский орден с названием, происходящим от одного и того же слова; что оба эти ордена были затем упразднены двумя Папами-тёзками, — так и хочется сказать, что, видимо, в святцы по ошибке вписали одну и ту же личность под двумя именами. Между тем это чистая правда: ставши монахами под влиянием биографий праведников, св. Джованни Коломбини основал орден иезуатов, а Игнатий Лойола — орден иезуитов; оба умерли 31 июля (первый близ Сиены в 1367 г., второй в Риме в 1556 г.); орден иезуатов был упразднён папой Климентом IX, а Общество Иисуса — Климентом XIV»².

Не желая довольствоваться простой констатацией столь удивительного факта, французский историк Марк Блок, прибегнув к нехитрым вычислениям, пытается «забавы ради» определить математическую вероятность такого совпадения. Его подсчёты по-

---

² Блок М. *Апология истории, или ремесло историка*. Пер. Е. М. Лысенко. М., «Наука», 1986, сс. 70–71.

казывают, что она очень и очень мала, хотя и не исключена полностью³. Но на это совпадение можно, пожалуй, взглянуть и иначе — если угодно, символически. Ведь оно действительно ошарашивает и лишний раз заставляет задуматься о загадках, заданных миру св. Игнатием Лойолой.

Конечно, в известном смысле можно утверждать, что каждый человек несёт в себе некую тайну, зачастую непонятную и ему самому. И уж тем более это относится к личности такого масштаба, каким был св. Игнатий. Ведь он, можно сказать, не оставлял равнодушным никого. Более того: перед нами такой святой, к которому, пожалуй, вполне можно было бы отнести библейские слова о «камне преткновения»⁴ для множества людей — подчас весьма знаменитых, достойных и сведущих.

* * *

Разумеется, загадку личности св. Игнатия пытались разгадать многие. Однако особый интерес к этой теме был проявлен уже в XX столетии, когда характер, душевный склад, особенности психики этого человека стали предметом не одного специального исследования. Возможно, одними из самых удачных работ, посвящённых этой теме, стали две статьи Маурисью Ириарте (S.J.): *Фигура и характер св. Игнатия Лойолы* (1944 г.) и *Личность Игнатия в свете производимых им оценок* (1956 г.)⁵. Основываясь на этих статьях, можно попытаться набросать краткий психологический портрет этого необычного человека, получившего при рождении баскское имя Энеко, а при крещении — испанское имя Иньиго.

Но сначала — о его физическом типе. По классификации Кречмера, святой обладал «пикническим типом телосложения с явны-

---

³ См. там же, с. 75.

⁴ См. Ис 8. 14: «И будет Он освящением и камнем преткновения, и скалою соблазна для обоих домов Израиля, петлёю и сетью для жителей Иерусалима». Ср. Иер 6. 21; Рим 9. 32–33.

⁵ M. DE IRIARTE, *Figura y carácter de San Ignacio de Loyola*: Razón y Fe, 129 (1944); он же, *La personalidad de Ignacio vista en sus valoraciones*: Razón y Fe, 153 (1956).

ми элементами атлетического». При этом он был невысок ростом: 1 м 56 см. Рядом с таким высокорослым и статным человеком, как, например, св. Франциск Ксаверий, он мог показаться почти карликом. Однако в юности и молодости, до ранения в Памплоне, он не уступал никому в физической и военной подготовке. Даже после этого страшного ранения он остался неутомимым ходоком, способным пройти пешком более 70 километров в день.

Теперь — о его психологическом типе. Люди, знавшие Иньиго в юности, отзывались о нём примерно так: «ярко выраженный холерик, очень вспыльчивый и гневливый, дерзкий и пылкий. Честолюбив, любитель нарядно приодеться, поклонник карточной игры и женщин. Чрезвычайно щепетилен в вопросах чести, легко поддаётся гневу и не раздумывая вступает в стычку, но затем столь же легко идёт на примирение».

Уже из одного этого видно, что в Иньиго преобладало эмоциональное начало. Он был смел до дерзости, но, тем не менее, временами поддавался и страху. Мог внезапно рассмеяться, охотно и часто шутил; по слову Педро де Рибаденейры, он был «весело серьёзен и серьёзно весел». Не чужды ему были и эстетические эмоции: музыка и поэзия вызвали в нём живой и глубокий отклик, и то же самое можно сказать о красотах природы. Даже те формы, в которые облекалась его религиозность, подтверждают: преобладающую роль в его психической жизни играло начало аффективное.

Ему были знакомы резкие и внезапные перепады настроения: от радости — к печали, от уверенности в своих силах — к отчаянию. Святой был в избытке наделён тем, что принято называть «слёзным даром»: не только молитва или богослужение, но и, например, звёздное небо или весенние цветы могли исторгнуть у него обильные слёзы. Впоследствии он даже попытается регистрировать и классифицировать свои слёзы — по крайней мере, пролитые им во время Мессы.

Пожалуй, можно сказать, что он был словно соткан из контрастов — и вместе с тем эти противоречия оказались взаимно уравновешены, приведены к некоей глубокой гармонии. Педро де Рибаденейра даже сообщал, что врачи считали Игнатия (в позднем возрасте) меланхоликом, хотя по натуре он, несомненно, был хо-

лериком. Видимо, это следует отнести на счёт непрестанной напряжённой работы над самим собой, длившейся десятилетиями — работы, не прошедшей бесследно, но глубоко преобразившей весь душевный склад этого человека⁶.

Сложная, с трудом достигнутая уравновешенность проявлялась не только во внутренней жизни св. Игнатия, но и в его отношениях с другими людьми, со «внешним миром» в целом. От природы он прекрасно разбирался в людях, мог без труда оценить их, понять особенности их характера. Он был реалистом, способным примениться ко времени и обстоятельствам. Отсюда проистекали и его общепризнанные организаторские способности. Кроме того, он мог интуитивно угадать великие порождающие идеи, витающие, так сказать, в воздухе эпохи, и принять их как руководство к действию. Это особенно поразительно потому, что в сравнении с этой интуитивной проницательностью, со способностью к интроспекции его сугубо интеллектуальные способности были достаточно скромны. Однако в гениальности (пусть хотя бы практической) ему не отказывал почти никто — даже заклятые враги.

* * *

Вот так, или примерно так, мог бы выглядеть «психологический портрет» св. Игнатия Лойолы. Понятно, что такой портрет невозможно набросать, учитывая лишь статические, «синхронические» элементы. Ведь и характер, и внешность этого человека претерпели громадные перемены. Так можно ли реконструировать динамику этого внутреннего развития, принимая во внимание прежде всего элементы «диахронические»?

Казалось бы, есть все основания надеяться на успех в этом деле:

---

⁶ Тут невольно приходит на ум античный анекдот о Сократе, пересказанный Цицероном: «Когда некий Зопир, заявлявший о том, что он способен разглядеть природу каждого по его облику, при встрече перечислил в нём <т. е. в Сократе> множество пороков, остальные высмеяли Зомира, поскольку пороков этих в Сократе они не признавали. Однако Зомира поддержал сам Сократ, сказав, что они и вправду были ему прирождены, но благодаря разуму он их отбросил» (*Тускуланские беседы*, IV. 80).

ведь не кто иной, как сам св. Игнатий, рассказал о событиях своей жизни. Правда, не всей жизни, а лишь определённого её этапа — но всё же и это немало! Именно такой рассказ и лёг в основу того текста, который по большей части принято называть «Автобиографией» святого. Приглядимся же повнимательнее к этой не столь уж объёмной, но весьма значительной и отнюдь не простой книге.

II. «АВТОБИОГРАФИЯ» В КОНТЕКСТЕ ДРУГИХ СОЧИНЕНИЙ СВ. ИГНАТИЯ

*Кое-какие вещи, которые он наблюдал в своей душе
и находил полезными, смогут, как ему казалось,
принести пользу и другим, и тогда он их записывал...*
(«Автобиография», § 99)

Обычно св. Игнатию принято отказывать в литературных способностях. Не был он ни писателем, ни литератором (по крайней мере, в общепринятом смысле этого слова): таково преобладающее мнение по этому вопросу. Не согласных с таким мнением — считанные единицы.

Одно здесь бесспорно: никаких амбиций литератора у св. Игнатия не было. А в остальном — пусть о его литературных дарованиях (или об отсутствии таковых) судят сами читатели. Для начала же бесполезно будет перечислить все известные сочинения и документы, вышедшие из-под пера этого человека.

* * *

1. Ещё до своего обращения, находясь на службе у Хуана Веласкеса де Куэльяра (то есть, скорее всего, до 1517 г.), Иньиго сочинил стихотворение или поэму в честь св. Петра. Это произведение было бесследно утрачено.

2. В Лойоле, уже после ранения и обращения (то есть осенью-зимой 1522 г.), «он принялся с изрядным тщанием делать выписки в книгу: слова Христа — красными чернилами, а слова Богомате-

ри — голубыми» (*Автобиография*, § 11). Известно, что это были цитаты из *Жизни Христа* Рудольфа Саксонского и *Золотой легенды* Якова Ворáгинского. Иньиго заполнил этими выписками тетрадь объёмом в 300 страниц, которая также была утрачена.

3. Диего Лаинес сообщает, что Иньиго, «будучи человеком простым и умея читать и писать лишь на народном языке (т. е. по-испански)», взялся сочинять (т. е., во всяком случае, начал это делать) книгу о Пресвятой Троице (MI, *FN*, I, p. 82). Этот трактат, о котором более ничего не известно, тоже утрачен.

4. *Духовные упражнения* в первоначальной редакции (начиная с пребывания Иньиго в Манресе в 1522 г.) и, возможно, часть их первого латинского перевода (Рим, 1541 г.).

5. Находясь в Палестине (04–22. 09. 1523 г.), св. Игнатий написал своим знакомым в Барселону рассказ о своём паломничестве. Он не сохранился.

6. Два кратких *Руководства* (Directorios) к *Духовным упражнениям* (Рим, 1553?–1556 гг.).

7. Рассказ св. Игнатия о его избрании Генеральным Настоятелем Общества и о первом принесении торжественных обетов в Соборе св. Павла 22. 04. 1541 г.

8. *Размышление о бедности* для третьего рода выбора (Рим, 1544 г.).

9. *Духовный дневник*. Хотя св. Игнатий вёл его на протяжении многих лет, осталась от него лишь малая толика, охватывающая чуть больше года (с 02. 02. 1544 г. по 27. 02. 1545 г.). Всё остальное было уничтожено самим святым.

10. *Конституции Общества Иисуса*. Начаты они были в 1541 г., наиболее интенсивная работа над ними шла в 1547–1550 гг. Св. Игнатий совершенствовал их в течение всей оставшейся ему жизни.

Сюда же относятся разнообразные документы, так или иначе связанные с *Конституциями*: *Формула института*, *Размышления первых отцов* и т. д.

11. Различные *Правила*.

12. Большое количество писем, указаний и инструкций, написанных в разное время и по разным поводам. Собрано их около 7000, но было их, несомненно, гораздо больше.

13. И, наконец, рассказ св. Игнатия о некоторых событиях его жизни, продиктованный Луису-Гонсалесу да Кáмаре в 1553 и 1555 гг.

* * *

Последний текст, переведённый в настоящем издании, чаще всего принято называть «*Автобиографией*» св. Игнатия⁷, хотя изначально он вообще никак озаглавлен не был. Это заглавие, конечно, во многом отвечает сути данного текста, и в ходе дальнейшего изложения ему будет отдано предпочтение — просто из соображений удобства. Тем не менее оно способно ввести в некоторое заблуждение. Дело в том, что св. Игнатий был начисто лишён «авто-био-графо-мании». Совершенно невозможно представить его исписывающим сотни страниц в надежде «перемемуарить» всех современников и потомков. Уже в предисловии да Кáмары ясно и недвусмысленно говорится о том, каких усилий стоило ему лично и другим иезуитам вытянуть из святого хоть какие-то сведения о его жизни. Поэтому название «*Автобиография*», предполагающее исходящий «изнутри» импульс самоописания, не слишком-то сюда подходит.

Видимо, сходными соображениями руководствовались переводчики и издатели, предпосылавшие этому тексту иное заглавие. Вероятно, самым ранним из таких заглавий следует считать слово *Деяния* (*Acta*). Так, уже о. Нададь собственноручно написал на своём экземпляре такое латинское заглавие: *Деяния о. Игнатия, как их впервые записал о. Людовик Гонсалес, выслушав из уст самого отца*⁸. Примерно так же поступили и болландисты (речь о них ещё пойдёт ниже). Они предпослали латинскому изданию заглавие: *Древнейшие деяния (Acta antiquissima) отца нашего Игнатия*. Видимо, именно та-

---

⁷ Так уже по крайней мере с 1900 г. в английском издании (J. F. X. O'Connor) и далее, в испанском (J. M. March, 1920), французском (Thibaut, 1924), итальянском (с предисловием G. Papini, 1928 и F. Guerello, 1959) и т. п., а также часто — в критической литературе и исследованиях.

⁸ *Acta P. Ignatii ut primum scripsit p. Ludovicus Gonzales excipiens ex ore ipsius Patris* (FN I, p. 354).

Смерть св. Игнатия 31 июля 1556 г.

Отпевание св. Игнатия 1 августа 1556 г. в церкви
Санта-Мария-делла-Страда

кой вариант заглавия и следует считать наиболее подобающим *именно для латинского перевода* рассказа св. Игнатия.

В других, более поздних изданиях обнаруживается значительное разнообразие в заглавиях. Так, текст получает название «*Заветания*»⁹, «*Исповеди*» или «*Признания*»¹⁰, а также «*Воспоминаний*»¹¹. И, наконец, предлагался ещё один вариант: «*Рассказ паломника*»¹². Он-то и сочтён наиболее подходящим для русского издания. В пользу такого решения говорят несколько немаловажных соображений.

Прежде всего, знаменательным кажется тот факт, что повествование в «*Автобиографии*» ведётся от третьего лица, причём сам рассказчик неизменно называет себя «паломником» (*el peregrino*)¹³. Вряд ли это можно объяснить случайностью или недосмотром: хотя в последние годы своей жизни св. Игнатий практически не покидал Рима, он, по-видимому, считал, что его паломничество продолжается — пусть и не в пространственном смысле. Поэтому ошибочным кажется метод, принятый, например, в одном из переводов «*Автобиографии*» на современный испанский язык¹⁴, где всё повествование ведётся от первого лица, а маргиналии Иеронима Надаля включены в основной текст. Такое решение, пожалуй, противоречит самому духу рассказа паломника из Лойолы.

---

⁹ *The testament of Ignatius Loyola* (S. M. Rix, 1900).

¹⁰ *Die Bekenntnisse des Ignatius von Loyola* (H. Böhmer, 1902).

¹¹ Немецкий перевод: *Lebenserinnerungen des hl. Ignatius von Loyola* (A. Feder, 1922); чешский: *Paměti svatého Ignáce z Loyoly...* (J. Ovecka, 1929); венгерский: *Loyolai Szent Ignác visszaemlékezési* (A. Gyenis, 1934). Подобное заглавие встречается и в ряде критических работ.

¹² Французский перевод: *Le récit du pèlerin* (E. Thibaut, 1922; A. Thiry, 1956); немецкий: *Der Bericht des Pilgers* (B. Schneider, 1956).

¹³ Между прочим, испанское *прилагательное* peregrino могло означать также ‘дикий’, ‘дивный’, ‘необычный’, ‘изысканный’. Именно в таком значении его употребляет, например, Сервантес в 1-й главе I-й части «Дон Кихота», где Рыцарь Печального Образа называет свою Даму «Дульсинея Тобосская» потому, что это имя кажется ему «мелодичным, диловинным и исполненным значения» (*músico y peregrino y significativo*).

¹⁴ ЛАРРАИН, 1996.

Что же касается русского читателя, то заглавие *Рассказ паломника* почти неизбежно вызовет у него воспоминание о другой, весьма знаменитой книге: *Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*. Что ж: параллель между двумя этими «рассказами» представляется вполне оправданной. Несмотря на все различия, они обнаруживают и глубокое сходство в чём-то самом важном и существенном. Порой это сходство простирается настолько далеко, что отдельные эпизоды двух этих «рассказов» можно рассматривать как своего рода проявления одного и того же «инварианта». Это легко показать хотя бы на таком примере:

*Рассказ паломника
о своей жизни*

«...подчас всё казалось ему настолько пресным, что он не находил вкуса ни в чтении Мессы, ни в её слушании, ни в какой-либо иной совершаемой им молитве. А иногда с ним происходило нечто совершенно противоположное, причём так внезапно, что казалось, будто он скинул <с себя> печаль и отчаяние, как скидывают с плеч плащ.» (§ 21)

*Откровенные рассказы
странника*

«Не знаю, угодна ли Богу моя грешная молитва, ибо, помолясь, иногда чувствую великую радость и, сам не знаю отчего, лёгкость и весёлое успокоение, а иногда тягость, скуку и уныние. Но при всём том до смерти всегда молиться всё хочется.» (*Рассказ пятый*)

Разумеется, этим сходства отнюдь не исчерпываются. Можно кратко указать и на другие мотивы: так, *странник* не владеет одной рукой, и как-то раз у него отнимаются ноги — у *паломника* повреждена нога; *странника* безвинно сажают в кутузку — то же самое (и не раз!) происходит с *паломником*; *странник* многократно упоминает сухари в своей котомке — их же берёт с собой *паломник* в морское путешествие; *странник* стремится в Иерусалим — *паломник*, даже побывав там, испытывает то же самое стремление... Этот перечень, очевидно, можно и продолжить. Но здесь, к сожалению, не место развивать эту интересную тему. Ясно одно: путь безвестного странника, взыскующего Молитвы Иисусовой в Рос-

сии XIX века, во многом напоминает путь паломника-баска, который в XVI в. прошёл от *Энеко* через *Иньиго* до св. *Игнатия Лойолы*. Это глубинное родство двух различных духовных путей может немало поведать тому, кто всерьёз задумывается о нераздельных основах общехристианского опыта¹⁵.

III. ИСТОРИЯ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ, С НЕЮ СВЯЗАННЫЕ

*Я старался не вставлять ни единого слова
кроме тех, что услышал от отца.
(Предисловие да Кáмары, § 3*)*

К сожалению, в полном объёме поведать обо всех событиях своей жизни после обращения св. Игнатию не удалось, и рассказ о них был доведён лишь до 1538 г. («*Автобиография*», § 98). Далее (§§ 99–101) следуют краткие замечания о Надаля о том, как писались *Духовные Упражнения* и *Конституции*. Почему же рассказ прервался на этом месте и не был впоследствии возобновлён?

Одно из возможных объяснений заключается в том, что дальнейший ход событий — особенно после того, как в 1540 г. Папа Павел III утвердил Общество Иисуса — был хорошо известен товарищам св. Игнатия, так что рассказывать об этом он не счёл нужным. И всё же с бóльшим основанием можно предположить, что главная причина была иной. Ближайшему доверенному лицу св. Игнатия, Луису-Гонсалесу да Кáмаре, записывавшему рассказ паломника, пришлось покинуть Рим 23. 10. 1555 г., как сам он говорит в своём *Предисловии* (§ 5*). С его отъездом прервался и автобиографический рассказ.

Об этом, конечно, можно и даже сто́ит пожалеть. И всё же то, что было записано стараниями Луиса-Гонсалеса да Кáмары и

---

¹⁵ Об этой важной проблематике, чреватой далеко идущими последствиями, см. краткую, но ценную статью: Ф. Руло (S.J.), *Святой Игнатий Лойола и точная духовность*: «Символ», № 26 (декабрь 1991), сс. 195–205.

Иеронима Надаля, остаётся самым значительным и достоверным источником наших сведений о духовном пути св. Игнатия и о создании Общества Иисуса.

О том, как именно писалась «*Автобиография*», ясно и подробно говорится в *Предисловиях*, предпосланных ей Надалем и да Кáмарой. Из их слов можно заключить следующее. Во-первых, поначалу св. Игнатий решительно противился всем просьбам поведать о своей жизни (*Предисл. Над.*, § 2*). Это, конечно, можно объяснить деликатностью и даже скрытностью, свойственной, как говорят, национальному характеру басков. Отчасти, вероятно, так оно и было. И всё же думается, что дело не только в этом. Многолетняя и упорная духовно-душевная борьба с самим собой, о которой говорилось выше, привела, видимо, к тому, что особого желания вспоминать о пережитом св. Игнатий не испытывал и пользы в таком занятии не усматривал. Как отмечал впоследствии Надаль, он чувствовал «такое отвращение к былым грехам <...>, что, не считая, будто его грехи были прощены, он всё же не слишком много вспоминал о них...» (маргиналия к § 14 «*Автобиографии*»).

Но, несмотря на сопротивление св. Игнатия, Надаль не сдавался и проявил завидную настойчивость, которая объяснялась его стремлением дать членам Общества прямой образец для подражания. Тогда св. Игнатий попросил его и ещё двоих товарищей отслужить Мессы с особой интенцией (иными словами, задать Богу вопрос о целесообразности такого предприятия). Ответ, в общем-то, был ясен заранее, и в конце концов святому пришлось дать своё согласие (*Предисл. Над.*, § 3*).

Но и этим дело не закончилось. Ещё довольно долго он под разными предлогами уклонялся от исполнения своего обещания, ссылаясь на неотложные дела. Однако вслед за этим произошла внезапная перемена. Как явствует из слов да Кáмары, св. Игнатий, пойдя навстречу неотступным просьбам Надаля, решил, наконец, сам задать Богу вопрос о том, нужно ли ему рассказать о своей жизни (как он всегда делал в самых важных предприятиях). Вопрос был задан — и ответ оказался положительным (*Предисл. Кáм.*, § 1*). После этого сомнений уже не оставалось, и только важ-

нейшие дела удерживали св. Игнатия от задуманного начинания. Наконец, после ежедневных напоминаний да Кáмары, в августе 1553 г. паломник начал рассказывать ему о пройденном им пути (*Предисл. Над.*, §§ 3*–4*). Однако в силу различных причин этот рассказ пришлось излагать в три приёма: 1) август–сентябрь 1553 г.; 2) март 1555 г.; 3) сентябрь–октябрь 1555 г.

Последняя беседа св. Игнатия с да Кáмарой состоялась 22. 10. 1555 г., накануне отъезда последнего в Испанию и Португалию. В Риме да Кáмаре не удалось привести в порядок свои записи. А затем, уже по возвращении в Италию, в Генуе, не имея в своём распоряжении испанского писца, да Кáмара вынужден был продиктовать оставшуюся часть своих записей по-итальянски — поэтому в § 79 происходит резкий переход на итальянский язык. Составление текста «*Автобиографии*» было завершено в декабре 1555 г. в Генуе.

* * *

Датировка первого из упомянутых выше перебоев в повествовании важна потому, что от неё зависит ответ на далеко не праздный вопрос: сколько лет было св. Игнатию, когда он умер?

В § 30 «*Автобиографии*» (*пятое*) св. Игнатий повествует об исключительном по своей силе озарении, пережитом им в Манресе в 1522 г. При этом он замечает, что озарение это было самым сильным в его жизни «за прошедшие шестьдесят два года». Поскольку официальных документов, указывающих на дату рождения Иньиго де Лойолы, не сохранилось, перед нами встаёт немаловажный вопрос: когда именно рассказывал святой об этом озарении — в 1553 или в 1555 г.? Ведь из этого можно будет сделать вывод о возрасте св. Игнатия на тот момент!

Если бы сохранился автограф записей да Кáмары, достаточно было бы посмотреть, на каком именно месте изменяется почерк, ибо это — единственное указание на перерыв в записях, оставленное самим да Кáмарой (см. *Предисл. Кáм.*, § 2*). Однако такого автографа нет, и потому приходится обращаться к другим умозаключениям. Забегая вперёд, можно сказать следующее: в силу различ-

ных соображений следует полагать, что рассказ об озарении в Манресе состоялся в 1555 г. Значит, тогда св. Игнатию было 62 года.

Основные из этих соображений таковы. Во-первых, да Кáмара сообщает, что к моменту первого перерыва рассказ св. Игнатия был доведён вплоть до того времени, «когда он несколько дней провёл в Манресе» (*Предисл. Кáм.*, § 2*). Между тем известно, что озарение у реки Кардонер произошло лишь спустя несколько месяцев после прибытия святого в Манресу¹⁶.

Во-вторых, именно такого мнения придерживался не кто иной, как о. Нададь. В одной из своих бесед он прямо заявил, что Бог даровал св. Игнатию великую ясность «с момента этого озарения, которое было в двадцать втором году, и вплоть до пятьдесят пяти года, когда он об этом рассказывал»¹⁷. В другом месте он отмечал, что с момента озарения до рассказа об этом событии прошло тридцать три года¹⁸: следовательно, рассказ состоялся в 1555 г., ибо озарение произошло в 1522 г. Отсюда следует, что именно в 1555 г. св. Игнатий говорил, что ему исполнилось 62 года. Умер же он в 1556 г. — и, значит, приходится считать, что тогда ему исполнилось 63 года.

Однако имеются столь веские аргументы в пользу того, что св. Игнатий родился в 1491 г. (и, следовательно, к моменту смерти ему было 65 лет), что следует, скорее, предположить: в данном случае он ошибался. Видимо, именно в силу этой ошибки в самом начале *«Автобиографии»* он заявил, что пережил обращение на двадцать шестом году жизни¹⁹. Между тем к моменту ранения в Памплоне ему, очевидно, уже исполнилось тридцать лет.

И всё же прямых и бесспорных указаний на то, где именно состоялся первый перерыв в автобиографическом повествовании, не существует. Поэтому можно лишь на надёжных основаниях *предполагать*, что он состоялся до § 30 *«Автобиографии»* — скорее все-

---

¹⁶ См. § 23 *«Автобиографии»*: «он не находил исцеления от своих сомнений, одолевавших его уже в течение многих месяцев».

¹⁷ *FN*, II, p. 152, n. 11.

¹⁸ *FN*, I, pp. 328–329; II, p. 66, n. 14.

¹⁹ См. § 1 *«Автобиографии»* и прим. 1.

го, в § 27, после слов «не испытал ни малейшего сомнения», ибо здесь налицо явный перебой в ходе повествования.

* * *

Другой вопрос заключается в том, когда были написаны *Предисловия* Надаля и да Кáмары. Что касается последнего, то он сам прямо указал, что написал своё *Предисловие* в Риме²⁰. Следовательно, это могло произойти либо до 23. 10. 1555 г., либо в 1558–1559 гг., когда он во второй раз находился в Вечном Городе. Первое предположение гораздо более правдоподобно: во-первых, трудно было бы объяснить, почему он отложил написание *Предисловия* на три-четыре года, а во-вторых (и это ещё важнее), в *Предисловии* он изъясняется в настоящем времени²¹. Итак, вероятнее всего, да Кáмара написал своё *Предисловие* вечером 22. 10. 1555 г., накануне отъезда в Испанию и Португалию.

Несколько сложнее установить дату написания *Предисловия* Надаля. С одной стороны, в нём говорится, что да Кáмара «был наставником и <духовным> руководителем короля Португалии, дона Себастьяна» (*Предисл. Над.*, § 4*). Эту должность да Кáмара стал исполнять с 1559 г.: следовательно, так можно установить *terminus post quem* создания *Предисловия* Надаля. С другой стороны, в одной из своих бесед в Алькалэ²² (1561 г.) Надаль излагает некоторые мысли, сформулированные в этом *Предисловии*. Это позволяет предположить, что к тому времени оно уже было написано — значит, таков вероятный *terminus ante quem*. И всё же, несмотря на это, ряд исследователей считает, что *Предисловие* было написано позже, в 1567 г., когда по распоряжению св. Франциска Борджа Надалю пришлось отправить принадлежавший ему экземпляр *«Автобиографии»* в Рим.

---

²⁰ «Мемориал», § 110; *FN*, I, p. 591.

²¹ См.: «Рассказывает отец точно так же, как он обычно делает всё прочее» (§ 3*); «тогда он назначил мне <встречу> сегодня, двадцать второго числа» <т. е. 22 сентября 1553 г.> (§ 4*).

²² *FN*, II, pp. 182–184.

* * *

Следующий вопрос таков: читал ли сам св. Игнатий записи, сделанные с его слов Луисом-Гонсалесом да Кáмарой? Разумеется, этот вопрос может относиться лишь к той части «*Автобиографии*», которая написана по-испански, ибо только она была завершена в Риме.

Некоторые слова из *Предисловия* да Кáмары позволяют заключить, что св. Игнатий даже не знал о том, что его слушатель делает какие-то записи. Сразу после окончания очередного рассказа да Кáмара «отправлялся всё записывать, ничего не говоря отцу: сначала вкратце, собственноручно, а затем более подробно, как написано теперь» (*Предисл. Кáм.*, § 3*). Тем не менее из свидетельства Педро де Рибаденейры на процессе 1606 г. в Мадриде известно, что ещё до 23. 10. 1555 г., когда да Кáмара выехал из Рима, было изготовлено несколько копий «*Автобиографии*», и сам св. Игнатий распорядился, чтобы одну из них передали Рибаденейре²³. Исходя из этого, можно предположить, что с записями да Кáмары св. Игнатий всё же ознакомился — хотя прямых и несомненных указаний на этот счёт мы не имеем.

* * *

«*Автобиография*» св. Игнатия дошла до нас в нескольких рукописных копиях. Ни кратких записей да Кáмары, которые он делал сразу после окончания очередного рассказа, ни более пространной редакции, составленной им впоследствии, не сохранилось. И всё же дошедшие до нас копии являются достаточно старинными и обладают немалой ценностью.

Первостепенное значение имеет рукопись, принадлежавшая некогда Иерониму Надалю (её принято называть «*текстом N*»). В ней отсутствует предисловие да Кáмары, однако записан полный текст «*Автобиографии*»: и испанская, и итальянская части. Надаль собственноручно написал латинское заглавие к ней: *Acta P. Ignatii ut*

---

²³ *FN*, I, pp. 343–344.

*primum scripsit P. Ludovicus Gonzales excipiens ex ore ipsius Patris*²⁴. В этой рукописи содержатся также тринадцать маргиналий (заметок на полях), сделанных самим Надалем. В нашем издании они также воспроизводятся на полях основного текста. Именно «текст N» в силу своего авторитета послужил основой двух изданий в MHSI: первого — в 1904 г. (*Scripta*, т. I) и второго — в 1943 г. (*FN*, т. I). Есть, конечно, и другие рукописи «*Автобиографии*», но по своему значению они уступают «тексту N».

Кроме оригинального испанско-итальянского текста, сохранились также копии латинского перевода «*Автобиографии*», выполненного Аннибалом дю Кудрэ²⁵. Этот перевод был сделан, скорее всего, в 1559–1561 гг., когда дю Кудрэ находился в Римской Коллегии Общества²⁶. Особая ценность этого перевода объясняется ещё и тем, что его редактировал о. Надаль.

* * *

Как отмечалось выше, первое издание оригинального текста «*Автобиографии*» появилось лишь в 1904 г. Правда, в XVIII в. был издан латинский перевод дю Кудрэ — и всё же столь значительная задержка с публикацией «*Автобиографии*» основателя Общества Иисуса кажется сегодня по меньшей мере странной.

Приходится признать, что в начальный период существования Общества прилагались сознательные усилия к тому, чтобы этот текст не был широко известен. Когда в 1566 г. св. Франциск Борджа официально поручил Педро де Рибаденейре написать *Жизнь св. Игнатия*, он приказал собрать все существующие экземпляры записей рассказов святого и даже запретил читать и распространять их²⁷. Очевидно, за этим распоряжением стояло известное опасение: как бы «несовершенная» (в смысле: «неполная, фрагментарная») «*Автобиография*» не «бросила тень» на более полное и сти-

---

²⁴ Деяния о. Игнатия, как их впервые записал о. Людовик Гонсалес, выслушав из уст самого отца (*FN*, I, pp. 331–332).

²⁵ См. о нём прим. 5 к § 4* *Предисл. Над.*

²⁶ *FN*, I, p. 335.

²⁷ MHSI, *Epp. Nadal*, III, pp. 402, 518.

листически отделанное жизнеописание основателя Общества²⁸. Иными словами, св. Франциск Борджа хотел придать больший авторитет первой официальной биографии св. Игнатия. Что же: ведь *Жизнь* Рибаденейры, по сути дела, содержала в себе весь материал «*Автобиографии*», да к тому же заполняла пробелы последней — для чего же было обращаться непосредственно к первоисточнику? И в самом деле: разве многие читатели (причём не только той эпохи!) не удовольствуются подобной обработкой, к тому же написанной вполне классическим языком и стилем?

Преемник св. Франциска Борджа, Клаудио Аквавива, в этом вопросе продолжил политику своего предшественника. Когда в 1584 г. Конгрегация провинции Кастилия попросила опубликовать письма и документы св. Игнатия (не упомянув особо ни «*Автобиографию*», ни какой-либо иной документ), Генеральный Настоятель отвечал, что вполне достаточно биографии, написанной Рибаденейрой, ибо в ней содержится всё, что достойно обнародования.

* * *

Честь «нового открытия» первоисточника сведений о биографии св. Игнатия принадлежит болландистам (о них см. ниже). Один из них, Игнатий Пьен, в 1730–1731 гг. был в Риме по поручению своего брата, составлявшего комментарий к VII тому *Деяний святых*, и изучал документы Римского Архива Общества. Ему удалось ознакомиться с рукописью Надаля («текст N»), а также с латинскими переводами дю Кудрэ и Висето. Кроме того, он держал в руках экземпляр с оригинальным испанским текстом *Предисловия* да Кáмары. Располагая столь богатыми материалами, болландисты вполне могли бы издать оригинальный испанско-итальянский текст. Однако они предпочли опубликовать латинский перевод дю Кудрэ, предпослав ему сделанный ими латинский же перевод *Предисловия* да Кáмары (именно благодаря им его текст и до-

---

²⁸ MHSI, *Epp. Nadal*, III, p. 490; *FN*, IV, pp. 7–8.

шёл до нас — пусть и не на языке оригинала). Хотя в издании болландистов маргиналии о. Надаля не были выделены из основного текста, всё же их издание было не только первым, но и (для той эпохи) критическим, поскольку в примечаниях они иногда приводили разночтения, почерпнутые из испанского оригинала и латинского перевода Висето.

Первая публикация латинского перевода «*Автобиографии*» положила начало новым исследованиям жизни св. Игнатия. Этим переводом не только пользовались, но и переиздавали его: как по-латински (1873 г.), так и в переводах на современные языки.

* * *

Первое издание оригинального текста «*Автобиографии*» появилось, как уже было отмечено, в 1904 г. Тогда издатели не сочли нужным публиковать латинский перевод наряду с оригинальным текстом. Напротив того, в издании 1943 г. было решено опубликовать параллельно оба текста, приведя разночтения из всех известных рукописей для обеих версий. Ряд избранных издателями чтений приходится считать неудачными. Кроме того, неудачно расположены и маргиналии о. Надаля: частью они включены в основной текст, а частью — вынесены в критический аппарат.

Гораздо более основательным и удачным можно назвать издание текста «*Автобиографии*» в *FN*, осуществлённое иезуитом-историком Кándидо де Далмáсесом и ставшее плодом тщательного труда по изучению всех наличных рукописей. За основу в нём приняты кодексы *N* и *Co* (латинский перевод дю Кудрэ). Маргиналии Надаля из кодекса *N* в нём выделены и отнесены к соответствующим местам основного текста.

Именно это издание в основном воспроизведено в том собрании сочинений св. Игнатия, по которому выполнен настоящий перевод [Лойола, 1991]. Издатель (всё тот же Кándидо де Далмáсес) внёс в новое издание минимальные исправления (в основном он восстановил старинное написание некоторых слов). Кроме того, в нескольких спорных местах он обосновал принятый им вариант

чтения (все эти случаи отмечены в примечаниях к переводу). Итальянская часть *«Автобиографии»* издана параллельно с её переводом на современный испанский. Маргиналии Надаля в издании Далмáсеса (как и в русском переводе) расположены на подобающих им местах. Издание снабжено детальными примечаниями, поясняющими прежде всего неясные или сомнительные места.

IV. От «АВТОБИОГРАФИИ» — к АГИО- и БИО- ГРАФИЯМ

*Я пожелал увидеть все эти записи <...>
и попросил его оставить мне их ненадолго,
но он не захотел.
(«Автобиография», § 101)*

Хорошо известно, что целый ряд апокрифических евангелий стремился прежде всего заполнить «пробелы» в канонических повествованиях о земной жизни Господа. Оно и понятно: ведь члены древней Церкви горячо желали узнать о тех сторонах жизни и служения Иисуса, о которых канонические Евангелия не рассказывали ничего или почти ничего, в лучшем случае ограничиваясь намёками²⁹. Такие «пробелы» — это, во-первых, детство и отрочество, а во-вторых — то, что делал Иисус после смерти на кресте до Воскресения. Потребность заполнить эти «пробелы» была велика, и поэтому неудивительно, что члены древней Церкви сами составляли рассказы о том, что, по их мнению, тогда происходило. Так появились на свет, с одной стороны, *Протоевангелие Иакова*, *История детства от Фомы*, *Арабское евангелие детства*, *Армянское евангелие детства*, *История Иосифа плотника*, а с другой стороны — *Евангелие Никодима* и *Евангелие Варфоломея*³⁰.

Было бы, конечно, сильным преувеличением утверждать, что

²⁹ Ср. Ин 20. 30: «Много сотворил Иисус перед учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей»; Ин 21. 25: «Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг».

³⁰ См. Брюс М. МЕЦГЕР, *Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение*. М., 1998, сс. 165–166.

с биографиями св. Игнатия происходило в точности то же самое. Его жизнеописания уже с самого начала стремились опираться в основном на документированные свидетельства и достоверные рассказы. И всё же «*Автобиография*», как уже говорилось, не полна: она охватывает лишь семнадцать лет из жизни Иньиго де Лойолы. К тому же она долго была недоступна читателям. Именно поэтому в первых его био-графиях появились некоторые черты, характерные для агио-графии, для традиционных «житий».

Ограничимся лишь одним, но ярким примером. В *Жизни св. Игнатия*, написанной в конце XVII в. Луиджи Карноли³¹, пересказывается (со ссылкой на других «солидных» авторов) следующий вполне «апокрифический» эпизод. Когда родители собирались крестить новорождённого младенца и обсуждали, как его назвать, поначалу они собирались дать ему имя «Бельтран» — в честь отца. Однако новорождённый неожиданно заявил: «Моё имя должно быть — Игнатий!»³² А в другой биографии, составленной Иоанном-Евсевием Нирембергом³³, этот эпизод даже получает аллегорическое толкование: по его мнению, имя «Игнатий» (*исп.* Ignacio) — это слегка видоизменённая латинская фраза «*Ignem iacio*», что означает «разбрасываю огонь». Конечно, имеется в виду огонь Божественной любви, который святой впоследствии возжигал в душах людей.

Правда, такого рода легенд в биографиях св. Игнатия было сравнительно немного. И всё же на протяжении четырёх с лиш-

---

³¹ Он писал под анаграмматическим псевдонимом: вместо L. CARNOLI — V. NOLARCI. Полное название его труда, изданного в Венеции в 1680 г. (и пятикратно переиздававшегося), таково: *Compendio della Vita di S. Ignatio di Loiola raccolto con fedeltà e con brevità da quanto n'hanno provatamente stampato in un secolo gravi autori*.

³² Вполне очевидно, что перед нами — весьма распространённый фольклорный мотив. Так, в гомеровском гимне Аполлону (стихи 131–132) этот бог, едва родившись, встаёт на ноги и заявляет о своём величии. Примерно то же самое делает и новорождённый Будда Шакьямуни в истории о его рождении, содержащейся в палийском буддийском каноне (*Маджджхима-никайя*, III. 123).

³³ E. NIEREMBERG, *Vida del patriarca San Ignacio de Loyola, fundador de la Compañía de Jesús, resumida y añadida de la bula y relaciones de su canonización y de otros graves autores, revisada y acrecentada por el mismo autor*. Zaragoza, 1631.

ним веков основная линия, по которой развивались его жизнеописания, вела к устранению подобных легендарных наслоений, ко всё большей исторической достоверности, от *агио*-графий — к *био*-графиям. Такая тенденция вполне созвучна духу современности: ведь о необходимости здорового и строго исторического подхода к жизнеописаниям святых было прямо сказано на II Ватиканском Соборе³⁴.

* * *

Попытаемся же вкратце проследить эту основную линию. Сначала следует упомянуть свидетельства очевидцев, основанные на аутопсии. Это, безусловно, наиболее ценные материалы, хотя и они не всегда свободны от свойственных той эпохе вкусов и представлений.

Первыми стали собирать разнообразные сведения о жизни св. Игнатия люди, близко его знавшие: Педро де Рибаденейра, Хуан-Альфонсо де Поланко, Иероним Надаль и Диего Лаинес. Ещё в 1546 г. Педро де Рибаденейра, бывший тогда студентом Падуанского университета, решил разыскивать всевозможные сведения о жизни основателя Общества. Возможно, это решение было принято Рибаденейрой совместно с Хуаном-Альфонсо де Поланко, встречавшимся с ним в упомянутом университете. За этими сведениями Рибаденейра обращался, в частности, к Диего де Эгиа, который был духовником св. Игнатия. Что касается Поланко, то он составил два биографических наброска о св. Игнатии: один в 1548 г., другой — в 1551 г. Хотя в них содержится немало ценных сведений, Поланко не удалось привести эти заметки в окончательный вид. Именно в таком, незавершённом, виде они и опубликованы в начале его *Хроникона*.

В числе тех лиц, к которым Поланко обращался с просьбой сообщить что-либо о жизни св. Игнатия, был Диего Лаинес. В 1547 г. последний ответил Поланко подробным и обстоятельным письмом, пред-

---

³⁴ См. Конституцию о священной Литургии (*Sacrosanctum Concilium*), 92, в: «жизнь мучеников и святых следует привести в соответствие с исторической истиной».

ставляющим собою в действительности краткую биографию (или «протобиографию») св. Игнатия. По мнению исследователей, этот текст составляет первооснову всей последующей литературы о св. Игнатии.

Как уже говорилось, особая заслуга в деле сбора достоверных сведений о жизни св. Игнатия принадлежит Иерониму Надалю: ведь именно он оказался тем, кто так настойчиво просил святого поведать о своей жизни. Кроме того, Надаль оставил разнообразные указания на эту тему в своих *Беседах* и в *Апологии Общества*.

В эту же группу наиболее ценных документов входят и некоторые письма самого св. Игнатия, а также, разумеется, его *Духовный дневник* — вернее, его малая часть, дошедшая до нас.

* * *

В 1567 г. св. Франциск Борджа, тогдашний Генеральный настоятель, поручил Педро де Рибаденейре написать биографию основателя Общества. Надо сказать, что к этому заданию Рибаденейра был подготовлен неплохо: ведь уже очень давно он собирал всевозможные сведения и писал заметки. Поэтому со своей задачей он справился быстро, и уже в начале 1569 г. биография была готова, хотя в силу разных причин напечатана она была лишь в 1572 г.

Эта биография была написана по-латински. Да и как могло быть иначе: ведь она предназначалась иезуитам, живущим в разных странах, и к тому же была официальной. Только в 1583 г. Рибаденейра издал её испанский перевод.

Можно сказать, что эта книга ознаменовала собою новую эпоху в мировой агиографии, поскольку основывалась на документальных свидетельствах. Именно такой подход к жизнеописаниям святых возобладала в дальнейшем — прежде всего у болландистов. И всё же биография, составленная Рибаденейрой, не лишена ошибок, упрощений и несколько поверхностного отношения к духовной жизни святого.

В 1585 г. по поручению Эверардо Меркуриано, тогдашнего Генерального Настоятеля, итальянец Джованни-Пьетро Маффеи опубликовал ещё одну латинскую биографию святого. По сравне-

нию с книгой Рибаденейры она была более риторична, академична. Сведения Маффеи черпал в основном из *Хроникона* Поланко. Книга Маффеи десятки раз переиздавалась и была переведена на основные европейские языки.

Выше говорилось о том, что «*Автобиография*» и *Духовный дневник* тщательно хранились в Римском архиве. Тогда казалось, что незавершённость, фрагментарность этих документов способна разочаровать читателя. Поэтому биографии, составленные Рибаденейрой и Маффеи, послужили основными источниками для целого ряда других биографий святого, вышедших на разных европейских языках в течение последней четверти XVI – первой половине XVII вв. Особенно сильным импульсом к созданию подобных биографий послужила беатификация (1609 г.) и особенно канонизация (1622 г.) Игнатия Лойолы.

В 1599 г. о. Фавар решил составить для французской публики нечто вроде «синтеза» двух официальных биографий святого. Взяв за основу книгу Рибаденейры, он дополнял её теми пассажами из труда Маффеи, которые казались ему удачными или необходимыми³⁵. (Примерно так же поступил во II в. Татиан, составив *Диатессарон*: непрерывное повествование, «гармонизирующее» сведения, сообщаемые четверыми евангелистами).

Все эти биографии были согласны в одном: они создавали идеализированный, патетический образ великого святого, гениального основателя и руководителя небывалого Общества, негибаемого борца с протестантизмом. Св. Игнатий предстал в этих биографиях как безупречный образец всех возможных добродетелей, как чудотворец, руководимый Богом с самого раннего детства. В его уста вкладывались пространные, напыщенно-риторические периоды, а сам он предстал в торжественно-иератической позе, окружённый сиянием славы. Сам же биографический материал в этих книгах сводился практически к тому, что первым дал Рибаденейра.

---

³⁵ FR. FAVARD, *La Vie du R. Père Ignace de Loyola, fondateur de la Compagnie de Jésus. Nouvellement traduite du latin du R. P. Ribadeneira, de la dicte Compagnie, et enrichie de plusieurs choses tirées de R. P. Pierre Maffée*. Avignon, 1599.

Канонизация св. Игнатия, осуществлённая
Папой Григорием XV 12 марта 1622 г.

* * *

Эту «орнаментальную» биографическую линию продолжили различные иллюстрированные издания биографии святого. Три таких биографии (в том числе и труд Рибаденейры) вышли в самом начале XVII в. В них воспроизводились 100 иллюстраций, представление о которых можно получить по гравюрам, публикуемым в настоящем издании.

Когда в 1605 г. Папа Павел V возбудил процесс беатификации Игнатия Лойолы, польский историк-иезуит Николай Ланциций (Ленчицкий) и тогдашний ректор Германской Коллегии Общества в Риме, Филиппо Ринальди (Ринальдини), по поручению Генерального Настоятеля Клаудио Аквавивы занялись составлением иллюстрированной биографии св. Игнатия. Ланциций и Ринальди были авторами латинских подписей под каждой из этих гравюр³⁶.

Составление подобных иллюстрированных биографий распалось на два этапа. На первом необходимо было найти художника, который создал бы сами рисунки. Затем эти рисунки следовало подготовить для умелого гравёра, которому предстояло перенести их на медные доски.

Хотя какие-либо прямые указания на это отсутствуют, в нашем случае нет сомнения в том, что художником, то есть автором рисунков, был не кто иной, как Питер-Пауль Рубенс (1577–1640 гг.). Кроме других соображений, это строго доказывается параллелизмом между одной из этих гравюр, изображающей открытие Германской Коллегии, и соответствующим рисунком великого живописца, хранящемся в Национальном музее в Эдинбурге.

Рубенс не создал все эти рисунки за один присест; кроме того, его тогда ещё нетвёрдые познания в технике гравировки не позволили ему неуклонно потребовать от гравировщика точной копии его рисунков. И всё же вдохновение и сила его гения проявились во многих из этих гравюр.

---

³⁶ Поскольку стиль и характер этих подписей, стремившихся подчеркнуть всё сверхъестественное и необычное, можно считать устаревшим, здесь было решено заменить эти подписи на другие. По большей части это цитаты из самой *«Автобиографии»*, а также несколько цитат из *Жизни св. Игнатия* Педро де Рибаденейры.

Открытие Германской Коллегии Общества Иисуса.

Легенда о рождении св. Игнатия.

Задача перенести рисунки на медь была возложена на соотечественника Рубенса, Жана-Батиста Барбэ, принадлежавшего к фламандскому кругу художников, сосредоточенному вокруг фигуры Филиппа Галле. Работа Барбэ отмечена чертами, свойственными фламандским художникам в целом: величественные округлые фигуры, контрасты между передним планом, проработанным детально, и смутной структурой заднего плана, прежде всего в интерьерах, в гладких стенах. Тот факт, что работа протекала в Риме, оказал известное художественное влияние на гравюры, прежде всего на контрастные слои света и тени, свойственные итальянскому стилю.

Все издания с этими гравюрами хранятся ныне в Историческом архиве Святилища в Лойоле.

* * *

«Орнаментальная» линия биографий святого, в точности отвечавшая вкусам эпохи, продолжилась и далее: в XVII и первой половине XVIII вв. Поскольку *«Автобиография»* по-прежнему была недоступна, основными источниками оставались Рибаденейра и Маффеи. Именно это обстоятельство и послужило главной причиной того, что все упомянутые выше биографии были проявлением не столько критического духа, сколько благоговения и преклонения.

Однако уже к середине XVII в. наметилась (пусть поначалу робко) новая тенденция. Благодаря процессам беатификации и канонизации стали известны новые документы и свидетельства, и материал этот попал в руки историков. Кроме того, уже тогда отдельные авторы проявляли порой более здравый подход. Так, о. Франсиско Гарсия, излагая известную легенду о рождении будущего святого, комментировал её так:

«Пишут, что св. Игнатий родился в яслях из-за благочестия его матери и по Божественному Провидению, дабы тот, кому предстояло подражать Христу и стать главнокомандующим Общества, родился так же, как Христос. Однако я не отважусь ни утверждать это, поскольку не нахожу здесь того надёжного основания, которого желал бы для своей истории, ни отрицать, ибо многие говорят об этом утвердительно»³⁷.

Тем не менее даже биография, написанная Гарсией, которая для своего века была, возможно, самой объективной и полной, продолжала оставаться скорее апологией и проповедью, нежели историческим трудом.

* * *

Принципиально новый историографический подход был выработан болландистами. Так принято называть группу исследователей-иезуитов, занятых изданием и комментированием *Деяний святых* (*Acta Sanctorum*). Работу по подготовке этого 67-томного издания начал Хериберт Росвейде (1569–1629 гг.), а его последователем и первым издателем был Ян ван Болланд (1569–1665 гг.), по фамилии которого получила название и вся группа. Работа болландистов над изданием жизнеописаний святых продолжается и по сей день.

Вот что говорит об их научных заслугах знаменитый историк XX века: «Болландисты, школа учёных монахов, поставили перед собой задачу переписать жития святых, пользуясь критическим методом и устраняя из них всё неправдоподобное. Болландисты углубились гораздо дальше, чем кто-либо до них, в проблему источников, в то, как рождаются предания, передаваемые от поколения к поколению. Именно этой эпохе, и в особенности болландистам, мы обязаны идее анализа традиции, анализа, учитывающего те искажения, которые вносились посредниками, её передавшими. Тем

---

³⁷ GARCÍA, F., *Vida, virtudes y milagros de San Ignacio de Loyola*. Madrid, ed. 1722, I. 1. 1, p. 27.

самым они раз и навсегда решили старую дилемму, предписывающую либо принять традицию в целом как истинную, либо отбросить её как ложную. В то же самое время они тщательно исследовали, что дают монеты, надписи, грамоты и другие нелитературные свидетельства для проверки и иллюстрации рассказов и описаний историков-повествователей»³⁸.

Коллингвуду вторит и другой, не менее знаменитый историк, его современник: «Если я увлекаюсь историей культа святых, но, допустим, не знаю *Bibliotheca Hagiographica Latina* («Латинскую агиографическую библиотеку») отцов-болландистов, то неспециалисту трудно представить, скольких усилий, до нелепого бесплодных, будет мне стоить этот пробел в научном багаже»³⁹.

Здравый критический дух болландистов в полной мере проявился в их обращении с «Автобиографией». Прежде всего, именно болландисту Игнатию Пьену удалось лично ознакомиться с «Автобиографией» св. Игнатия и затем издать её латинский перевод. Правда, надо заметить, что ещё в 1622 г., после канонизации, основатель группы болландистов, Хериберт Росвейде, опубликовал краткую латинскую биографию св. Игнатия, из которой сознательно исключил многие домыслы и преувеличения. Однако труд Пьена, впервые ознакомивший читателей с «Автобиографией» (пусть и не в оригинале), оказал гораздо более значительное влияние на всю последующую историографию.

После выхода в свет седьмого тома *Деяний святых*, где была опубликована «Автобиография», появилось несколько новых биографий, авторы которых прямо заявляли о своём желании строго придерживаться исторической истины и старались следовать этому принципу в своей работе.

Новым важным источником сведений о жизни св. Игнатия стала и первая публикация 97 его писем, осуществлённая о. Менкачей в 1804 г. Этому изданию было предпослано пространное предисло-

---

³⁸ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. Пер. Ю. А. Асеева. М., «Наука», 1980, с. 61.

³⁹ Блок М. *Апология истории, или ремесло историка*. Пер. Е. М. Лысенко. М., «Наука», 1986, с. 41.

вие, в котором письма святого впервые использовались как исторический источник. Именно это издание положило начало новому, строго документированному подходу к биографии св. Игнатия.

Конечно, поворот к новому образу св. Игнатия произошёл отнюдь не сразу. По-прежнему продолжали издаваться и переиздаваться биографии, основанные на «житийных» принципах. И, тем не менее, впервые перед читателем стал предстать живой человек из плоти и крови, величие которого отнюдь не нуждалось в приукрашивании.

* * *

К началу XX века объективная тенденция в изучении биографии св. Игнатия окончательно сформировалась и окрепла. На первый план вышли новые задачи, главной из которых стал поиск неизвестных ранее материалов о жизни святого. Такими материалами оказались прежде всего разнообразные документы, хранящиеся в архивах тех стран и городов, где св. Игнатию довелось побывать. Историки-иезуиты неумоимо отыскивали и собирали эти документы, которые в конце концов вошли в обширное собрание *Исторических памятников Общества Иисуса* (MHSI).

Другим направлением работы стало изучение той эпохи, в которую жил св. Игнатий, и сбор документов, связанных с его жизнью лишь косвенно, но, тем не менее, проливающих некоторый свет на те или иные стороны его жизни и деятельности. Интересно, что в этой области особенно отличились историки-протестанты — такие, как, например, Леопольд Ранке⁴⁰ и Генрих Бёмер. Строгость их научного подхода обеспечивала высокую степень объективности их трудов, но всё же следует отметить, что и они не были свободны от предубеждений и предрассудков. Так, именно Бёмер, чей труд был переведён на русский язык⁴¹, ввёл в оборот тот образ св. Игнатия, который впоследствии широко использовался авторами, враждебно настроенными по отношению к иезуитам. Св. Игнатий предста-

---

⁴⁰ См. русские переводы: Л. Ранке, *Игнатий Лойола*. М. (б. г.): он же, *Римские папы в последние четыре столетия*. Тт. I–II, Спб., 1874.

⁴¹ Г. БЁМЕР, *Иезуиты*. М., 1913.

вал при этом как человек, чьё несомненное величие проявлялось исключительно в «земной» сфере. Отсюда оставался всего лишь шаг до представления о святом как о хитроумнейшем политикане и интригане, «диктаторе душ», который для достижения земной власти не останавливался ни перед чем.

Между тем работа по сбору новых материалов продолжалась. После публикации многочисленных работ о св. Игнатии стало вполне очевидно, что его сложную и многогранную личность невозможно охватить в одном-единственном труде. Поэтому стали появляться многочисленные монографии, посвящённые отдельным сторонам, отдельным подробностям жизни святого. Так, внимание уделялось городам, где он жил или бывал (Аспейтия, Арéвало, Памплона, Монтсеррат и т. д.); тем или иным этапам его жизни (юность, обращение, обучение) или отдельным её событиям (паломничество в Иерусалим, первая Месса, видение в Ла Сторте). Изучались те или иные стороны его деятельности (проповедь среди простого народа, духовное руководство, забота о телесном здоровье, педагогические идеи и т. п.). Подробно рассматривались его взаимоотношения с различными лицами и учреждениями (с Папой Павлом IV, с Эразмом Роттердамским и Луисом Вивесом, с францисканцами и доминиканцами). Св. Игнатия сравнивали с другими историческими персонажами (как, например, св. Тереса Áвильская, Мартин Лютер, св. Франциск Ассизский, св. Фома Аквинский, Ницше — и вплоть до Муссолини, Ленина и Сталина).

Вместе с тем стремление дать цельный образ святого также не исчезло бесследно. Иными словами, продолжали и продолжают появляться его новые биографии, авторы которых стремятся учесть все достижения историографии вопроса, сделанные за последнее время. В числе трудов такого рода, написанных авторами-иезуитами и признанных наиболее удачными, следует назвать прежде всего книгу Поля Дюдона *Святой Игнатий Лойола*⁴², представляющую собою попытку создания «полной» биографии, и исследование Педро де Летурии *Дворянин Иньиго-Лопес де Лойола*⁴³, посвящённое преимущественно юности будущего святого. Весьма ценной чертой

---

⁴² P. DUDON, *S. Ignace de Loyola*. P., 1934.

⁴³ P. DE LETURIA, *El gentilhomme Iñigo López de Loyola*. Barcelona, 1949.

новых биографий святого можно признать стремление проследить процесс *духовного* становления св. Игнатия, его внутреннюю жизнь, его мистический путь. Эта тенденция особенно ярко проявляется в исследованиях, пользующихся методами психологии. Здесь прежде всего следует указать на упоминавшиеся выше исследования о. Маурильо Ириарте, посвящённые характеру и личности святого⁴⁴.

Конечно, фигура св. Игнатия Лойолы привлекала внимание не одних только иезуитов: в XX веке впервые появились популярные изложения его жизни, написанные литераторами вполне светскими. Некоторые из них представляют собою более или менее художественные произведения и пользуются известным успехом в разных странах мира. Одна из последних попыток такого рода — это книга испанской писательницы Марии Пунсель *Иньиго де Лойола*⁴⁵. Автор, известная в Испании прежде всего как писательница для детей и юношества, остаётся верна себе и в повести о юности св. Игнатия. Она решила написать увлекательное повествование о юном рыцаре, о его приключениях, о пережитом им чуде обращения и о создании Общества Иисуса. Разумеется, новых биографических *данных* в книгах такого рода нет, зато смелые догадки и предположения в них — дело вполне обычное.

V. «АВТОБИОГРАФИЯ»:

ЖАНР, ЯЗЫК, СТИЛЬ

*Рассказывает отец точно так же,
как он обычно делает всё прочее.
(Предисловие Луиса-Гонсалеса да Камары, § 3*)*

В фундаментальной и весьма авторитетной *Истории автобиографии* немецкого учёного Георга Миша⁴⁶ рассказу св. Игнатия

---

⁴⁴ См. прим. 6.

⁴⁵ M. PUNCEL, *Iñigo de Loyola*. Bilbao, 1991.

⁴⁶ MISCH G. *Geschichte der Autobiographie*. Vierter Band, zweite Hälfte. *Von der Renaissance bis zu den autobiographischen Hauptwerken des 18. und 19. Jahrhunderts*. F. am M., 1969, S. 690–692.

уделено некоторое внимание. Вот что он сообщает о том «узком» контексте, в котором возникла *«Автобиография»*:

«В эту эпоху <т. е. в XVI–XVII вв.> родиной религиозной автобиографии была Испания, что вполне отвечало духу католичества, проникавшему собою все явления культуры, политики и литературы. Целый ряд подобных сочинений появился здесь вплоть до середины XVII века⁴⁷, тогда как в других странах молчание царило, кажется, даже в монастырях. Один лишь Орден иезуитов оказался интернационален и в своих автобиографических произведениях»⁴⁸. И действительно: кроме *«Автобиографии»* св. Игнатия Лойолы, можно указать на такие источники, как *Духовный дневник* блаж. Пьера Фавра, письма св. Петра Канизия и *Автобиографию* св. Роберто Беллармино.

Далее Миш даёт такую характеристику стиля св. Игнатия: «Процессы, происходившие в то же самое время в религиозной автобиографии в Испании, проявились сначала с односторонней остротой в исповеди Игнатия Лойолы, прежде чем найти своё полное выражение в *Жизни* св. Тересы»⁴⁹.

<...> С характерным испанским реализмом в деталях и солдатской точностью Игнатий изображает процесс своего обращения <...>: от начального благоговения перед Богом через разнообразные самоистязания до обретения внутренней уверенности. На место средневекового преизбытка фантазии <...> здесь приходит характерное воинственно-католическое дисциплинирование жизненных порывов, которое остаётся господствующей точкой зрения в следующем далее повествовании о паломничестве, учёбе и об основании Ордена.

---

⁴⁷ Св. Тереса Áвильская (1515–1582 гг.), Мария де Эскобар, Анна Гарсиас, Мария де Агреда, Альфонсо де Ороско. В Италии — Северетто Дзалуги (1624 г.), чья автобиография послужила одним из важных источников знаменитого романа Алессандро Мандзони *«Обручённые»* (1825–1827 гг.).

⁴⁸ Misch, S. 690.

⁴⁹ «Жизнь святой Тересы Иисусовой» (*«Vida de Santa Teresa de Jesús»*, Salamanca, 1587 г.). Между прочим, духовным руководителем св. Тересы был иезуит, о. Франсиско Рибера († 1601 г.).

Однако это лишь одна сторона дела, которая — хоть и не в столь значительном объёме — налицо и у св. Тересы. Другое, более существенное — это та теоретическая объективность, с которой человек говорит здесь о своих внутренних состояниях, о своих преодолённых страстях и о своей борьбе. Метод, которого придерживался Игнатий, диктуя свою исповедь — урывками, равномерно продолжая после долгих перерывов — показывает абсолютное господство и ту предметную дистанцию, с которой он взирал на свою душевную жизнь. Почти в каждом сообщении о его обращении проявляется его метод психологического анализа».

Но можно, видимо, указать и на более «широкий» контекст *«Автобиографии»*. Ведь для католических авторов духовных автобиографий основным источником вдохновения всегда была (и остаётся!), конечно, «Исповедь» св. Августина Гиппонского⁵⁰ (354–430 гг.). Она-то и была первым памятником высшего, «исповедального» типа автобиографии, исходной точкой той линии, которая тянется, постепенно приобретая всё более и более светские черты, от средневековых подражаний (Отлох Эммерамский, Гвиберт Ножанский и др.) через Петрарку, «Новую жизнь» Данте Алигьери и «Жизнеописание» Бенвенуто Челлини к «Поэзии и правде» Гёте, исповедам Жан-Жака Руссо и Льва Толстого.

* * *

В своём *Предисловии* (§ 3*) Луис-Гонсалес да Кáмара заявляет: «Я старался не вставлять ни единого слова кроме тех, что услышал от отца». Пожалуй, кое-кто усомнится в его правоте: пусть да Кáмара действительно обладал великолепной памятью — но не настолько же она была безупречна, чтобы запомнить всё дословно, особенно если учесть то, как именно он делал свои записи! Иными словами, речь идёт о достоверности передачи рассказов св. Игнатия в дошедшем до нас тексте *«Автобиографии»*.

---

⁵⁰ «Исповедь», в тринадцати книгах (*Confessionum Libri tredecim*): PL XXII, pp. 659–868. Не случайно рукопись автобиографии св. Тересы хранится в Эскориале рядом со страницей из «Исповеди» св. Августина.

При чтении оригинала нетрудно заметить, что да Ка́мара всё же произвёл (осознанно или нет) стилистическую обработку устного рассказа. Перед нами отнюдь не магнитофонная запись и не стенограмма: периоды порой слишком длинные, строятся они по законам сложноподчинённого предложения, синтаксис слишком разветвлён для устной речи... Текст, конечно же, составлен человеком, воспитанным на латинской риторике — разумеется, письменной. Даже если он и не рассчитывал «закруглять» фразы рассказчика, это получалось у него почти автоматически.

И тем не менее можно утверждать, что в основной части «Автобиографии» всё же можно почувствовать манеру рассказывать, свойственную самому св. Игнатию, а порой и услышать его *ipsissima verba*⁵¹. Например, одно и то же слово может связывать друг с другом события, далеко отстоящие друг от друга во времени и пространстве, невольно указывая на некое сродство этих событий в сознании рассказчика. Вот он говорит, что хирурги устроили ему «резню» (*carnecería*: § 2), а инквизиторы, по слухам, собирались учинить «расправу» (*carnecería*) над ним и его товарищами (§ 58). Это ясно видно и в § 33, где рассказчик, напрямую связывая друг с другом два случая, грозивших ему смертью, дважды почти дословно повторяет одну и ту же вводную фразу: «по его суждению и по мнению многих»⁵².

Но, может быть, наиболее примечателен другой случай. Хорошо известен девиз Общества Иисуса: «К вящей славе Божией» (*лат. Ad maiorem Dei gloriam, исп. A la mayor gloria de Dios*). С этим девизом лексически сопоставимы несколько мест из «Автобиографии». Вот в § 14 говорится, что Иньиго хотел совершать подвиги аскезы, «поскольку их совершали святые во славу Божию» (*a la gloria de Dios*); § 36: «что служило бы к вящей славе Божией» («*lo que más fuese gloria de Dios*»); § 57: «Находясь в Алькалэ, он занимался преподаванием духовных упражнений и разъяснением христианского вероучения, принеся тем самым <добрый> плод во славу Божию»; § 85: «это по-

---

⁵¹ Доподлиннейшие слова (*лат.*).

⁵² Первый раз: «a su juicio y de muchos»; второй раз: «a juicio suyo y aún de muchos».

служит к вящей славе Божией». В этих и подобных местах, несомненно, воспроизведены слова самого святого⁵³.

* * *

На первый взгляд может показаться, что стиль рассказчика «*Автобиографии*» безыскусен и однообразен. Так полагал, очевидно, Георг Миш — во всяком случае, именно это впечатление остаётся от его слов, приведённых выше. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это не совсем верно. Сухая регистрация событий перемежается в «*Автобиографии*» с попытками описать неопишемое (мистические видения и озарения), просторечные интонации соседствуют с учёным латинизмами, прикровенная патетика соседствует с замечательными по своей вдохновенной силе афоризмами⁵⁴.

Время от времени повествование сдабривается юмором и иронией. Конечно, св. Игнатий — отнюдь не Сервантес и уж тем более не Рабле⁵⁵, так что разговоры о «карнавале» и «смеховой культуре» здесь едва ли уместны. Но и ему не был чужд юмор всех оттенков: от беззлобного подтрунивания над другими⁵⁶ и над самим собой⁵⁷ до язвительного сарказма⁵⁸. А какой обескураживающий и много-

---

⁵³ Было подсчитано, что в *Конституциях* Общества выражение «Ad maiorem Dei gloriam» встречается 259 раз, то есть почти на каждой странице.

⁵⁴ Вот пример такого афоризма: «А я говорю Вам, что не сыщутся в Саламанке такие кандалы и такие цепи, которых я не желал бы из-за любви к Богу» (в тюрьме: § 59).

⁵⁵ Кстати говоря, в VII главе «Пантагрюэля» Рабле не преминул мимоходом отпустить грубую остроту по адресу «фрая Иньиго», тогда ещё почти никому не известного.

⁵⁶ «Но добряк так ни разу и не отпустил его» (о сирийце-христианине, буквально тащившем св. Игнатия за руку в монастырь францисканцев в Иерусалиме: § 48).

⁵⁷ «Затем, желая войти в Болонью, он должен был пройти по деревянному мостику и свалился с этого моста. И вот, поднявшись, весь в тине и насквозь мокрый, он рассмешил всех, кто при этом присутствовал» (св. Игнатий о себе самом: § 91).

⁵⁸ «Мы хотим знать, учинили ли мы какую-нибудь ересь. — Нет, говорит Фигероа, ведь, если вы её учините, вас сожгут. — Вас тоже сожгут, говорит паломник, если Вы учините ересь» (разговор с викарием епископа в Алькалэ: § 59).

значительный комический эффект производит эпизод с товарищами св. Игнатия (§ 69), оставшимися сидеть подле распахнутых дверей тюрьмы, из которой бежали все заключённые, кроме них!

Вполне понятно, что все эти стилистическо-интонационные особенности «Автобиографии» должны быть переданы и в переводе. Поэтому в заключение уместно будет обсудить и этот, отчасти художественный, аспект.

VI. РУССКИЙ ПЕРЕВОД «АВТОБИОГРАФИИ»: ЗАДАЧИ И ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РЕШЕНИЯ

*Его весьма настойчиво убеждали
взять себе в спутники одного человека,
поскольку паломник не знал
ни итальянского языка, ни латинского,
и говорили, как сильно поможет ему этот спутник
(«Автобиография», § 35)*

К настоящему времени «Автобиография» св. Игнатия Лойолы переведена по меньшей мере на 18 языков, в том числе и на такие «экзотические», как арабский⁵⁹, китайский⁶⁰ и тайский⁶¹. Общее число её изданий подсчитать затруднительно, поскольку постоянно выходят в свет новые, в том числе и на тех языках, на которые она уже давно была переведена. По самым скромным оценкам, общее число изданий, видимо, приближается к пятидесяти.

Русскому читателю здесь (как и во многом другом) повезло куда меньше. До сих пор по-русски можно было прочесть лишь современную биографию святого, ориентированную на широкого читателя, да и то доступную лишь в отрывках⁶². Кроме того, ни одна

⁵⁹ *Yaumiyyat-al-sa'ih ala turuq-al-rabb* (J. Faure, 1980).

⁶⁰ *Sheng I-na-chüe Lao-yao-la tzu-shu hsiao-chuan* (J. T. Hou, 1976).

⁶¹ *Pravat kong Nang Boon Inasio (lao doi tan Nan Boon aeng)* (1980).

⁶² А. ПЕРРОА, *Святой Игнатий Лойола*. Пер. с франц. Н. Бока. New York, 1956; отрывки: журн. «Символ», № 26 (декабрь 1991), сс. 135–194.

биография, даже самая полная и пространная, не сможет заменить небольшого по объёму, но чрезвычайно важного текста, который принято называть «Автобиографией» св. Игнатия.

* * *

Теперь — несколько слов о предлагаемом русском переводе. Пойдём от более простого, дробного и, так сказать, «низменного» к более утончённому, целостному и «возвышенному».

Прежде всего следует сказать о транскрипции иноязычных имён, фамилий, топонимов и т. п. В очередной раз приходится посетовать на нашу родную кириллицу, доставляющую столько хлопот при решении подобных задач. Хорошо тем, кто пользуется латиницей: переписал фамилию — и читай, как тебе вздумается! А как быть нам, если мы хотим, например, справиться о том или ином персонаже в каком-либо издании, пользующемся латиницей?

Возьмём один из простейших случаев такого рода. В «Автобиографии» упоминается донья Исабель Росер, покровительница и ученица св. Игнатия. Но можно ли отыскать её фамилию (казалось бы, совсем не сложную) в каком-нибудь словаре или указателе на любом языке, использующем латиницу, если исходить лишь из кириллической транскрипции этой фамилии? Судите сами: в оригинальном тексте (§ 54) она названа «Гисабель Росер» (Guisabel Roscer); о Далмáсес в примечании (§ 54, прим. 2) указывает, что её фамилию следует писать Roser, но пишется она также Rosés и Rosell.

Всё это ещё осложняется тем, что ни сам св. Игнатий, ни да Кáмара, записывавший его рассказы, ни копиисты этого текста отнюдь не были буквоедами и не цеплялись за каждый знак: для них вполне обыкновенным делом было, например, «обыспанить» французскую фамилию «Монтегю» (Montaigu), переименовав её в «Монтеагудо» (Monteagudo) (§ 73 и далее); или, скажем, сократить фамилию «Эгия» (Eguía) до «Гиа» (Guía) (§ 57). Кроме того, испанская орфография к тому времени ещё не устоялась, и в тексте «Автобиографии» достаточно примеров «плавающего» написания типа *colegio / colesio, fe / fee, escribir / escribir, pareacer / parecer* и т. п.

Не следует забывать и о том, что почти четверть «Автобиоог-

рафии» написана по-итальянски, а это лишь прибавляет проблем. Так, португальская фамилия «Маскареньяс» (Mascarenhas) пишется в итальянской части «Mazcharegnas» (§ 80), тогда как по-испански было бы вполне логично записать её «Mascareñas» (что и делается: см. прим. 15 к § 80). В итальянском тексте тоже немало примеров «плавающей» орфографии: напр., Exercitii / Essercitii (§ 99) и т. п.

Учитывая всё это, решено было приводить оригинальное написание имён, топонимов и т. д. латиницей *в тех случаях, когда русский читатель может затрудниться*, думая о том, как та или иная фамилия пишется по-испански, французски, португальски и т. д. Заботой о читателе объясняется и проstanовка ударений в тех именах, топонимах и т. п., произношение которых, опять же, *может вызвать затруднение или сомнение у русского читателя*: напр., Алькалá, Эстéбан, Кáсерес и т. п. Наверное, порой это выглядит слишком назойливо — но не станет же читатель всякий раз лазать в словарь, которого к тому же может и под рукой не оказаться.

* * *

Теперь — о примечаниях. О. Кáндидо де Далмáсес, издавший «Автобиографию», проделал титаническую работу по комментированию текста, тщательно и даже, пожалуй, трепетно и любовно отмечая и разъясняя почти каждую подробность, о которой он мог что-либо поведать. Объём комментариев велик; и тем не менее потребовалось ещё несколько увеличить его. Причин этому две: 1) кое-какие реалии, казавшиеся о. Далмасесу самоочевидными, далеко не столь самоочевидны в России (см., напр., прим. 9 к § 17); 2) при переводе текста, написанного (точнее, записанного) как-никак в XVI веке, неизбежно приходится что-то разъяснять или обосновывать те или иные решения переводчика (см., напр., прим. 4 к § 13). Вместе с тем предполагается, что читатель всё же обладает известным запасом соответствующих знаний и ему не нужно объяснять, например, кто такой алыгвасил, упоминаемый в § 60.

* * *

Наверное, это прозвучит банально, но перевод *«Автобиографии»* оказался делом отнюдь не лёгким. Причин тому несколько. Во-первых, это привычные для всех переводчиков затруднения. К ним относится, например, передача идиом и фразеологизмов, при которой, как правило, неизбежно теряется красочность оригинала (или же он приобретает несколько иную окраску). Так, замечательный испанский фразеологизм *«al toque del Avemaría»* (§ 74) поневоле приходится передавать маловыразительным русским «в сумерки», хотя буквально он означает «когда грянет “Аве, Мария”», т. е. вечернее молитвенное песнопение. Но зато, напротив, испанское *«entre dos luces»* (§ 59) звучит так же двусмысленно, как и русское «на заре», и потому требует уточнения: «a la mañana», т. е. «утром»; и вот, когда несколько громоздкое выражение *«entre dos luces, a la mañana»* передаётся попросту «на рассвете» — перевод, кажется, выигрывает у оригинала в краткости и точности (вариант «на утренней заре» придал бы некую затёртую «поэтичность», которой совсем нет в испанском тексте; она есть в другом слове: *aurora*).

Другая трудность, более значительная — это общая, так сказать, стратегия перевода, его принципы. Первым намерением было — создать некий лингвостилистический аналог оригинала. Так, как в Испании писали в XVI в., в России стали писать не раньше XVIII в. Отсюда возник первоначальный замысел: переводить в манере Ломоносова, Радищева и т. д. Однако от этого замысла пришлось очень скоро отказаться, поскольку стало ясно, что чрезмерная архаизация прямо противоречит стилю и языку оригинала.

* * *

Особо следует сказать об итальянской части *«Автобиографии»*. Как известно, итальянский язык — это вынужденная мера, к которой прибег о. Нададь, не сумевший найти в Генуе такого писца или секретаря, который знал бы по-испански. Из этого следует про-

стой вывод: исконным, естественным языком автобиографического рассказа был испанский, просвечивающий даже сквозь её итальянскую часть.

В издании Кандидо де Далмáсеса итальянская часть *«Автобиографии»* снабжена параллельным переводом на современный испанский. Это обстоятельство, а также изложенные выше соображения о чужеродности итальянского языка в рассказе св. Игнатия, поначалу натолкнули меня на озорную мысль: если испанскому языку, как основному, соответствует русский, то что должно соответствовать итальянскому? Может быть, украинский? Тогда текст мог бы выглядеть примерно так⁶³:

Доїхав до Провінції, він залишив царевий шлях та звірнув на більш самотний гірний стіжок. Мало по нему проїхав, він зустринув двох озброєних козаків, яки йшли йому на зустріч (а цей стіжок має пагану злодійську славу). Ці козаки, мало його минував, повернулися, дуже спішно його стигаючи, чому він трохи злякався. Але ж він почав з ними бесідувати і зараз зрозумів, що вони були холопи його брата, який казав їм його знайти.

Добравшись до Провинции, он оставил столбовую дорогу и свернул на горную тропку, которая была более уединённой. Немного по ней проехав, он встретил двух вооружённых молодцов, шедших ему навстречу (а тропинка эта пользуется дурной славой из-за грабителей). Эти молодцы, немного миновав его, снова возвратились, весьма поспешно его преследуя, так что он слегка испугался. Но всё же он заговорил с ними и понял, что это слуги его брата, который поручил им его найти.

И так далее, и тому подобное. К счастью, удалось вовремя образумиться и отказаться от этой, в общем-то, нелепой и, главное, никчёмной затеи.

---

⁶³ [87].

* * *

Подытоживая всё вышесказанное, можно сделать вывод, с которого обычно принято начинать. Всякий переводчик осознанно или неосознанно на что-то ориентируется, исходит из каких-то предпочтений и «установок», даже если сам он считает, что переводит, как Бог на душу положит. Приступая к работе, я едва ли отдавал себе отчёт в том, чего именно я хочу от будущего перевода и как именно буду переводить. Но теперь, оглядываясь назад, могу сказать: я переводил *«Автобиографию»* св. Игнатия Лойолы как литературное произведение, каковым она, несомненно, и является. Чтó при этом получилось — судить читателю.

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ЖИЗНИ СВЯТОГО ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ^a

1491

Родился в Лойоле — вероятно, до 23 октября. При крещении получил имя Энеко-Лопес де Рекальде-и-Лойола. Баскскому имени «Энеко» (Eneko) соответствует испанское «Иньиго» (Íñigo). Этим последним именем будущий святой сам называл себя вплоть до 1542 г., когда в его письмах стало преобладать имя «Игнатий». Очевидно, в последний раз Игнатий назвал себя «Иньиго» в письме от 1547 г.

1505

23 октября. — Аспейтия. Выступает свидетелем при продаже коня (MI, FD, док. № 32).

1506 (?)

Отправляется в Арéвало как паж Хуана-Веласкеса де Куэльяра, старшего казначея короля Фердинанда Католика. По-видимому, из Арéвало ему часто приходилось совершать поездки по близлежащим окрестностям. Должно быть, он посетил прежде всего Вальядолид, Дуэньяс, Торкемаду, Тордесильяс, Медину-дель-Кампо, Мадригал-де-лас-Альтас-Торрес, Сеговию, Áвилу и т. д (см. ANSI 26 (1957), pp. 230–251).

1515

20 февраля. — В Аспейтии совершает некий проступок, расценённый как тяжкий на процессе, возбуждённом против него Эрнандесом де ла Гама, коррехидором Гипúскоа (см. FD, док. № 48).

---

^a Хронологическая таблица приводится по изданию Лойола, 1991, pp. 45–59. В основу этой таблицы легла хронология, составленная о. Летурией (Летурия, *Исследования*, I, pp. 11–52), дополненная и уточнённая о. Кандидо де Далмасесом (S.J.). — *А.К.*

1517

12 августа. — Хуан-Веласкес де Куэльяр умирает. До этого времени Ёньиго постоянно находится в Арéвало.

Конец года. — Начинает службу придворного у Антонио-Манрике да Лары, герцога На́херы, вице-короля Наварры.

1518

Февраль. — Королевские дворы Кастильи и Леона находятся в Вальядолиде. Возможно, Ёньиго также присутствует там, сопровождая вице-короля Наварры.

20 декабря. — Ёньиго просит у короля разрешения носить оружие, поскольку его угрожает убить некий Франсиско де Ойя. См. ANSI 44 (1975), p. 136.

1520

18 сентября. — Принимает участие во взятии На́херы. Не пожелал притронуться к военной добыче.

1521

Январь–апрель. — Вице-король Манрике направляет Ёньиго в Гипу́скоа с поручением примирить между собой две враждующие группировки, требовавшие, чтобы вице-король вынес решение по этому делу в качестве третейского судьи.

12 апреля. — Герцог На́херы в качестве третейского судьи вынес решение в споре, разделившем деревни Гипу́скоа; вмешательство Ёньиго сыграло свою роль в мирном разрешении этого спора.

17–18 мая. — Укрывается в Памплоне со вспомогательными войсками из Гипу́скоа. Защитники города в запираются в крепости.

19 мая. — Препятствует сдаче крепости. Присутствует на встрече с французскими военачальниками и отвергает их предложение капитулировать.

20 мая. — При защите крепости ранен в правую ногу. Первую помощь ему оказали французы.

23 или 24 мая. — Сдача замка Памплоны¹.

Июнь, между 2 и 5. — Иньиго доставляют в Лойолу. Путь из Памплоны шёл через Сендеа-де-Иса, Ирурсун, Суасти, Дос-Эрманас, Лекумберри².

Июнь, между 16 и 20. — После краткого отдыха в доме Эчеандиа в Ансуоле прибывает в Лойолу. Путь проходил через посёлок Чаверри, корчму Элосуа, затем шёл через гору по руслу реки Урола, проходя через посёлки Оласагасти и Альдачаррен, через мельницу Ландаран и через Кортету, откуда шла уже проезжая дорога. Затем, через Аскойтию, дорога доходила до Лойолы (Рекондо, 1956, р. 220).

24 июня. — Принимает последние Таинства.

28 июня, полночь. — Чувствует улучшение благодаря особому заступничеству св. Петра.

Август–сентябрь. — Просит раздобыть ему рыцарские романы. Ему дают благочестивые книги. Обращение. Видение Пресвятой Девы.

Октябрь–декабрь. — Духовные размышления над прочитанным, переписывание *Жизни Христа* Рудольфа Саксонского и *Цвета святых*, а также молитвы по этим книгам.

---

¹ Новые данные о ранении св. Игнатия и о сдаче Памплоны содержатся в фундаментальной статье: Фернандес-Мартин, 1975, pp. 471–534.

² То, что путь св. Игнатия проходил через Суасти и Ларраун, явствует из свидетельства того самого человека, который его нёс — Эстébана из Суасти (Рекондо, pp. 5–10). Мы не знаем, каков был дальнейший маршрут Игнатия. Аросена в качестве наиболее вероятного предлагает дальнейший путь через Бетелу-Лисарса (Аросена, pp. 436–437). В этом случае совершенно очевидно, что он должен был проследовать через Аррибас, Аталья, Альсо, Виданию и Рэхиль. Но тогда трудность заключается в том, что непонятно, каким образом он мог попасть в Ансуолу — место, в котором, по заявлению дона Хуана де Осаэа на процессе 1595 г., Игнатий отдыхал в течение нескольких дней во время этого путешествия (Летурия, *Исследования*, II, р. 82). Предположение о пребывании Игнатия в Ансуоле приводит ко стольким затруднениям, что, по нашему мнению, здесь имеет место ошибка свидетеля относительно даты этого визита. Скорее всего, этот визит был совершён Игнатием при иных обстоятельствах. Вместе с тем всегда остаётся возможность того, что из соображений безопасности Игнатий мог избрать какой-то другой, более укромный путь, и от горной цепи Аралар проследовать по нему в Эчегáрате и Оньяте.

1522

Конец февраля. — Поездка в Арáнсасу, Наваррет и Монтсеррат. По пути Иньиго приносит обет целомудрия.

21 марта (?). — Прибывает в Монтсеррат.

22–24 марта. — Генеральная исповедь.

24–25 марта. — Меняет одежду и бодрствует над оружием перед образом Пресвятой Девы.

25 марта, на рассвете. — Спускается в Манресу.

Апрель–июль. — Жизнь в молитве и покаянии в Манресе.

Август–сентябрь (?). — Чрезвычайное по своей силе озарение близ Кардонера. Полное преображение. Начинает составлять *Упражнения*.

1523

17–18 февраля (?). — Ёньиго прибывает в Барселону, направляясь в Иерусалим.

Март. — Садится на корабль, идущий в Газу, примерно 20–22 числа. Прибывает в Газу.

29 марта. — Входит в Рим.

Апрель, около 13–14. — Покидает Рим, направляясь в Венецию.

Середина мая. — Прибывает в Венецию.

14 июля. — Садится на корабль *Негрона*.

19 августа. — В Салинасе (Ларнаке), на Кипре, переходит на корабль паломников.

31 августа. — Сходит с корабля в Яффе.

4 сентября. — Прибывает в Иерусалим.

5 сентября. — Посещает Святые Места.

6 сентября. — На рассвете причащается у Гроба Господня. Вечером — Крестный путь.

7 сентября. — Посещает Вифанию и Елеонскую гору.

8–9 сентября. — Посещает Вифлеем.

10–13 сентября. — У потока Кедрон. Возвращается в Иерусалим.

14–15 сентября. — На Иордане и у горы Испытаний.

16–22 сентября. — Возвращается в Иерусалим. Посещает Елеонскую гору.

23 сентября. — Отплывает на Кипр.

3 октября. — Прибывает на Кипр.

Начало ноября. — Отплывает в Венецию.

1524

Середина января. — Прибывает в Венецию.

Начало февраля. — Покидает Венецию. Миновав Геную, прибывает морем в Барселону. Ненадолго посещает Манресу.

1525

Весь год. — В Барселоне изучает грамматику в школе *Эстудьо Хенераль* и трудится, оказывая помощь душам. К нему присоединяется Калисто де Са.

6 декабря. — Этим числом датировано первое известное нам письмо св. Игнатия, адресованное Инес Паскуаль и подписанное так: «бедный паломник, Ёньиго».

1526

Июль (?). — Покидает Барселону. Отправляется в Алькалú, чтобы изучать <свободные> искусства.

21 ноября. — Судебное решение по делу Ёньиго, вынесенное не Инквизицией, а викарием Алькалы, Хуаном-Родригесом де Фигероа.

Декабрь, около 10 числа. — Ёньиго и троим его товарищам приказывают сменить одежду, а чуть позже — носить обувь.

1527

6 марта. — Второй судебный процесс.

18 или 19 апреля. — Ёньиго заключён в тюрьму.

Со 2 по 21 мая. — Третий судебный процесс.

1 июля. — Судебное решение, вынесенное Фигероа. Иньиго выходит из тюрьмы около 21 числа, затем покидает Алькалу́.

Начало июля (?). — Беседует в Вальядолиде с архиепископом Толедским, Фонсекой, и прибывает в Саламанку.

Конец июля (?). — Беседа с доминиканцами в монастыре св. Стефана. Через три дня Иньиго заключают в тюрьму.

Около 20–22 августа. — Оправдательное судебное решение, по которому, однако же, Иньиго запрещается давать наставления по вопросам теологии до тех пор, пока он её не изучит. Он выходит из тюрьмы.

Середина сентября. — Покидает Саламанку. Оставляет своих товарищей, намереваясь увидеть их позже, когда они вновь присоединятся к нему в Париже. Через Барселону в одиночестве направляется в Париж.

1528

2 февраля. — Иньиго приходит в Париж, устраивается в «Госпитале»⁶ и изучает латинский язык в Коллегии Монтегю.

После 12 апреля. — Из-за безденежья переселяется в «госпиталь» св. Иакова.

1529

Великий Пост. — Первое путешествие Иньиго во Фландрию. В Брюгге он встречается с Луисом Вивесом.

---

⁶ В оригинале «el Hospital». Здесь и далее в тексте, где встречается слово «госпиталь», вошедшее во все европейские языки и восходящее к латинскому *hospitalis* <*domus*>, читателю необходимо помнить о том, что в данную эпоху слово «госпиталь» объединяло в себе два значения, впоследствии разошедшихся: 1) «приют для паломников», «странноприимный дом», 2) «больница». Первое значение («странноприимный дом») следует считать более древним: от него произошло, например, название рыцарско-монашеского ордена *госпитальеров*, члены которого заботились о паломниках на Святой Земле. Второе значение («больница») является скорее производным от первого, хотя с течением времени именно оно стало основным; в этом значении слово «госпиталь» (в различных фонетических вариантах: «гошпиталь» и т. д.) и вошло в русский язык в XVIII в. Однако, чтобы подчеркнуть более широкое значение этого слова, многократно встречающегося в «Автобиографии» св. Игнатия, решено было всегда писать его в кавычках. — *А.К.*

Май–июнь. — Даёт упражнения Перальте, Кастро и Амадору.
Сентябрь. — Идёт в Руан. В Париже переходит в Коллегию св. Варвары.

1 октября. — Начинает изучать <свободные> искусства. Общается с Пьером Фавром и Франциском Ксаверием. Освобождается от наказания под названием «зал».

1530

Продолжает обучение в Париже.

Август–сентябрь. — Второе путешествие во Фландрию.

1531

Продолжает изучать <свободные> искусства (философию) в Париже, в Коллегии св. Варвары.

Август–сентябрь. — Третье путешествие во Фландрию. На сей раз Иньиго добирается до Лондона.

1532

Январь. — Иньиго получает степень бакалавра <свободных> искусств.

Октябрь. — Близко сходится с Симбоном Родригесом.

1533

13 марта. — Экзамены на звание лиценциата <свободных> искусств (FD, док. № 84).

Начинает изучать теологию (возможно, в октябре).

1534

Начало года. — В течение месяца Иньиго даёт упражнения Пьеру Фавру.

После 5 апреля. — Получает степень магистра <свободных> искусств.

Весна. — В течение месяца даёт упражнения Лаинесу и Сальмерону, чуть позже — Родригесу и Бобадилье.

15 августа. — Монмартрский обет.

Сентябрь — В течение месяца даёт упражнения Франциску Ксаверию.

1535

14 марта. — Иньиго получает диплом магистра <свободных> искусств при ректоре Ф. Жакаре (FD, док. № 86).

Конец марта. — Защищается от обвинений в ереси перед инквизитором Валентином Льевэном.

Начало апреля. — Покидает Париж и направляется в Аспейтию.

Конец апреля (?). — Прибывает в Аспейтию. Разъясняет катехизис, проповедует, примиряет соперников, даёт упражнения и основывает благотворительные фонды в пользу бедных. Посещает Лойолу.

Август–сентябрь. — Путешествует через Обанос, Альмасан, Сигуэнсу, Мадрид (где видит Филиппа II, в то время восьмилетнего ребёнка), Толедо и Валенсию.

Октябрь–ноябрь. — Посещает картузианский монастырь Валль-де-Кристо неподалёку от Сегорбе.

11–18 декабря (?). — Заболевает в Болонье. Получает помощь в Коллегии Сан-Клементе.

1536

В Венеции изучает теологию и даёт упражнения.

18 июня. — В письме, датированном этим числом, Иньиго впервые называет себя Игнатием.

Декабрь. — Встречается с Джанпьетро Карафой (будущим Папой Павлом IV).

1537

8 января. — Прибывают товарищи Игнатия из Парижа. Начинают ухаживать за больными в «госпиталях».

Апрель. — В Риме товарищи получают разрешение отправиться на Святую Землю. Начинается год ожидания: *май 1537 – май 1538.*

Июнь. — Вместе с несколькими своими товарищами Игнатий принимает рукоположение: 15 числа — в субдиаконы; 17 числа — в диаконы; 24 числа — в пресвитеры.

25 июля. — Не имея возможности добраться до Палестины, Игнатий вместе с Фавром и Лаинесом отправляется в Виченцу. Вторая «Манреса» в церкви Сан-Пьетро-де-Вивароло в этом городе.

Конец августа (?). — Приходит в Бассано, чтобы помочь больному Симóну Родригесу.

Сентябрь. — Первые Мессы почти всех товарищей Игнатия в Виченце и совместные с ними размышления о служениях будущего Общества Иисуса и о его названии.

Октябрь. — В Виченце Игнатий получает от генерального викария заявление о своей невиновности (*FD*, док. № 105). В конце месяца отправляется в Рим с Фавром и Лаинесом.

Середина ноября. — Видение в церкви Ла Сторта. Входит в Рим.

Декабрь. — Живёт на вилле Квирино Гардзони, неподалёку от церкви Тринитá-деи-Монти.

1538

Примерно в Великий Пост. — В Риме Игнатий даёт упражнения, проповедует, совершает дела милосердия. Во время Великого Поста в Монтекассино (Альбанета) даёт упражнения д-ру Ортису.

Май. — Проходит год ожидания отъезда в Палестину. Товарищи Игнатия прибывают в Рим и поселяются возле Понте-Сиксто.

Июнь–август. — Серьёзные преследования в Риме. Судебный процесс.

Конец августа. — Игнатий отправляется во Фраскати, летнюю резиденцию Павла III, чтобы получить судебное решение по своему делу.

18 ноября. — Оправдательное решение по судебному процессу (MI, *FD*, док. № 108).

Ноябрь (между 18 и 23). — Игнатий и его товарищи предоставляют себя в распоряжение Папы согласно Монмартрскому обету.

Середина ноября. — Они переезжают в дом Антонио Франджипани, рядом с башней «дель Меланголо», где проживут полтора года.
25 декабря, полночь. — Игнатий совершает свою первую Мессу на престоле Яслей Господних в церкви Санта-Мария-Маджоре.
Зима 1538–1539 гг. — Помогает голодающим и нищим в доме Антонио Франджипани.

1539

Середина марта – июнь. — Размышления Игнатия о создании монашеского ордена.

4 мая. — Первые Определения Общества.

Июнь – август. Первые товарищи Игнатия расходятся, направляясь в различные места. Готовится Формула Общества.

3 сентября. — Павел III утверждает Формулу Общества, которую прочёл ему в Тиволи кардинал Контарини, и приказывает, чтобы было издано соответствующее *бreve*.

28 сентября. — Кардинал Гинуччи предлагает внести в Формулу различные поправки.

Декабрь. — Булла предлагается на рассмотрение кардиналу Гвидиччони, который высказывает своё несогласие с ней.

1540

4 марта. — Симон Родригес отправляется в Индию.

16 марта. — В Индию отправляется Франциск Ксаверий.

27 сентября. — Утверждение Общества Иисуса посредством буллы *Regimini Ecclesiae Universae*, ограничивающей число членов, принесших обеты, sixtyдесятью лицами.

1541

Начало февраля. — Игнатий и его товарищи переезжают в дом близ церкви Санта-Мария-делла-Страда.

7 февраля. — Утверждение Братства детей-сирот.

4 марта. — Собрание первых товарищей Игнатия, призванное привести Конституции в соответствие с буллой.

10 марта. — Игнатий и Кодури начинают составлять Конституции от 1541 г. Они утверждаются и подписываются.

8 апреля. — Единодушное избрание Игнатия Генералом Общества. Его отказ.

13 апреля. — Новое избрание Игнатия, который отправляется в церковь Сан-Пьетро-де-Монторио, где остаётся в течение трёх дней.

19 апреля. — Соглашается принять должность.

22 апреля. — Первое принесение торжественных обетов в капелле Пресвятой Девы в Базилике св. Павла. Слёзы св. Игнатия.

24 июня. — Булла, посредством которой Павел III жалует церковь Санта-Мария-делла-Страда Пьетро Кодачо, а через Кодачо — и Обществу.

Август. — Игнатий пишет письмо жителям Аспейтии.

Месяц неизвестен. — Первые Конституции Коллегий.

1542

18 марта. — Игнатий пытается уладить разногласия между Павлом III и Жуаном III, королём Португалии.

21 марта. — Получает *бreve* в пользу обратившихся иудеев.

10 декабря. — Свидетельствует о том, что за последние дни написал 250 писем.

1543

16 февраля. — Булла об учреждении Общества в пользу раскаявшихся женщин.

19 февраля. — Булла, посредством которой учреждается Коллегия для катехуменов, обратившихся из иудаизма.

Конец года. — На том месте, где в древности находилась церковь св. Андрея, начинает строиться первая обитель для принесших обеты, от которой до сих пор остаются несколько помещений, называемых «комнатками» («camerette») св. Игнатия.

1544

В течение четырёх месяцев св. Игнатий болеет. Он назначает секретарём по переписке о. Херóнимо Доменека.

Январь. — Открывается дом св. Марты для раскаявшихся женщин. Игнатий начинает составлять Конституции, начиная с положений о бедности.

2 февраля – 13 марта. — Пишет ту часть *Духовного дневника*, где речь идёт о бедности обителей для принесших обеты. Почти непрерывные видения и озарения вместе с другими мистическими явлениями, речь о которых ещё пойдёт в остальной части *Дневника*.

15 февраля. — *Бреве* в пользу Братства катехуменов.

14 марта. — Булла *Iniunctum nobis*, согласно которой Общество заново утверждается. Отменяется прежнее ограничение числа его членов, принесших обеты, шестьюдесятью лицами.

15 марта. — Игнатий начинает писать Конституции для миссионеров.

Сентябрь. — Перебирается в «комнатки» («camerette») Обители принесших обеты.

1545

17 февраля. — Игнатий прекращает писать дошедшую до нас часть *Духовного дневника*. Нет сомнения в том, что явления, схожие с описанной в ней, повторялись и в другие эпохи его жизни.

3 июня. — Папское *бреве*, жалующее Обществу различные милости и полномочия.

27 августа. — В частном порядке Игнатий крестит в палаццо *Мадама* сына Маргариты Австрийской, Алессандро Фарнезе, впоследствии знаменитого герцога Пармского.

Сентябрь. — Отправляется в Монтефьясконе, чтобы поговорить с Павлом III о введении Инквизиции в Португалии и об основании Коллегии в Падуе.

Ноябрь. — Бартоломé Феррán становится новым секретарём Общества. К Обители принесших обеты прибавляются новые дома и сады.

25 декабря. — Исабель Росер и её сподвижницы приносят обеты.

1546

Апрель. — Игнатий учреждает благотворительное общество в пользу молодых девушек, подвергающихся опасности.

5 июня. — *Бреве*, посредством которого допускается принятие в Общество духовных и материальных (*temporales*) коадьюторов.

1 августа. — Смерть блаженного Пьера Фавра в Риме.

11 августа. — Судебное решение в пользу Игнатия вопреки клевете, возведённой на него Матиасом делле Посте (*FD*, док. № 139).

Середина года. — Игнатий определяет препятствия ко вступлению в Общество и включает их в *Экзамен*.

1 октября. — Отказывается иметь в своём подчинении Исабель Росер.

9 октября. — Принимает в Общество Франциска де Борджа.

25 октября. — Учреждается первая провинция Ордена, Португальская, возглавляемая провинциалом о. Симóном Родригесом.

Конец октября. — Игнатий обещает Папе Павлу III лично взять на себя миссию в Эфиопию, если в Обществе не найдётся никого другого, кто мог бы возложить на себя эту задачу.

Последние месяцы. — Составляет Конституции для обучающихся. Препятствует посвящению Клода Жэ в епископы.

1547

Начиная с этого года, Игнатий уделяет много времени написанию *Конституций*.

15 марта. — Отклоняет предложение объединиться с конгрегацией Сомаска, выдвинутое о. Франсиско де Медде.

Хуан Альфонсо Поланко — секретарь и генеральный прокуратор Общества.

7 мая. — Игнатий пишет знаменитое письмо, называемое письмом о совершенстве (письмо № 36).

20 мая. — Получает от Павла III разрешение на то, чтобы ни одна женщина не могла жить в общине, подчиняясь Обществу.

11 июня. — Обмен духовными благами с Орденом картузианцев.

1 сентября. — О. Антонио Арабс назначен первым провинциалом Испании.

22 сентября. — В Римскую обитель в качестве «неопределившегося» («indiferente») принят св. Пётр Канизий, проведший в обители около 20 дней после первого испытания [AHSI, 53 (1984), pp. 288–299].

4 ноября. — Булла об учреждении Гандийского университета.

13 ноября. — Пётр Канизий получает в Риме наставления от Игнатия.

20 ноября. — Игнатий назначает первых духовных коадьюторов в Индии.

1548

Конец января. — Некоторые предложения относительно обязанности экзаменовать рукополагаемых в Риме.

18 марта. — Из Рима отправляются посланники во главе с Надалем, чтобы основать Коллегию в Мессине.

5 мая. — Игнатий, до этого дня хворавший, выходит из обители, чтобы навестить кардиналов Альвареса де Толедо и Мендосу-и-Бобадилья.

6 июня. — Завершается строительство новой Обители для принесших обеты на 40 комнат.

14 июня. — Несмотря на плохое самочувствие, Игнатий продолжает писать *Конституции*.

31 июля. — Павел III утверждает и рекомендует *Упражнения*.

8 октября. — Игнатий возвращается в Рим из поездки в Тиволи, где он провёл несколько дней, улаживая разногласия между этим городом и Капелью *Мадама*.

Конец года. — Пишет *Разъяснения к Экзамену*, документ об отречении от имущества и устав для Коллегии в Болонье.

1549

Январь. — Игнатий продолжает хворать. Прерывает переписку.

16 февраля. — Начинает готовить масштабную миссию отцов Жэ, Сальмерона и св. Петра Канизия в Германию.

25 марта. — Аудиенция у Павла III на Квиринале.

27 июня. — Игнатий впервые высказывает мысль об основании Римской Коллегии и о строительстве новой церкви для Общества.

8 сентября. — Присутствует в Тиволи на торжественном открытии Коллегии Общества.

10 октября. — Учреждает провинцию в Индии во главе с провинциалом св. Франциском Ксаверием.

8 декабря. — Экономические затруднения после смерти прокуратора, о. Кодачо.

Перед концом года. — Пишутся Общие правила Римской обители.

1550

25 января. — Ввиду тяжёлого экономического положения все члены Общества вынуждены собирать подаяние.

21 июня. — Булла нового Папы Юлия III, утверждающая более обширные полномочия Общества и разъясняющая некоторые частности.

23 октября. — Герцог Гандийский, прибывший в Рим со свитой из 20–25 человек, чтобы воспользоваться Юбилеем^в, располагается в отдельной части Обители для принесших обеты. Св. Игнатий ведёт с ним беседы.

Конец года. — Игнатий тяжело заболевает.

В течение года. — Составляет *Добавления к Экзамену и О том, как Общество должно заботиться о Генеральном Настоятеле.*

1551

Начало года. — Собрание первых отцов, которые рассматривают уже подготовленные *Конституции* и высказывают различные замечания.

1–14 января. — Болезнь Игнатия продолжается.

3 января. — Он отказывается от должности Генерала и пытается убедить своих товарищей принять это отречение. Однако они (за исключением о. Овьедо) не соглашаются на это.

4 февраля. — Борджа отправляется в Испанию.

22 февраля. — Открывается Римская Коллегия.

1 мая. — Тяжкие экономические затруднения, вызванные распро-

---

^в Юбилеем, или Святым годом, Папы объявляли тот или иной год (как правило, «круглый»), когда полностью отпускались все простительные грехи. — *А.К.*

странившимися слухами о том, что Борджа оставил много денег Римской обители для принесших обеты.

1 августа. — Первые попытки основания Германской Коллегии.

1 декабря. — Коллегии повсеместно получают поддержку.

5 декабря. — Игнатий учреждает Итальянскую провинцию, назначив первым провинциалом о. Броэ.

19 декабря. — Игнатий думает о том, чтобы поручить опубликование *Конституций* о. Надалю, которого он вызывает в Рим.

В течение года. — Составляет первые *Правила* Римской Коллегии.

1552

1 января. — Создаётся провинция Арагон. Провинциалом назначен Симон Родригес.

Март (?). — Игнатий заканчивает текст В (автограф) *Конституций*.

Конец мая. — После долгой борьбы Игнатий препятствует тому, чтобы Борджа был возведён в сан кардинала.

31 августа. Булла об основании Германской Коллегии.

22 октября. — Булла Юлия III, согласно которой, в числе прочих привилегий, Обществу разрешается присваивать учёные степени.

28 октября. — Первый торжественный акт Римской Коллегии. Начинается преподавание <свободных> искусств (философии).

2–12 ноября. — Вместе с Поланко Игнатий отправляется в Альви-то (пров. Фросиноне), чтобы восстановить согласие между Иоанной Арагонской и её супругом, Асканио Колонна. Возвращается 12-го числа. На обратном пути задерживается в Чепрано, где посещает кардинала Мендосу.

В течение года. — Составляет Конституции «Об имуществе Коллегий» (ч. IV, гл. II) и «О должности Настоятеля» (ч. IX, гл. III).

1553

26 марта. — Игнатий пишет знаменитое письмо о послушании (письмо № 87).

10 апреля. — Назначает о. Надаля комиссаром в Испании и Португалии и поручает ему опубликовать *Конституции*.

15 апреля. — Поланко просит о том, чтобы молились за св. Игнатия, который тяжело болен.

7 июня. — Уже в течение двух месяцев Игнатий настолько болен, что находится, как все полагают, на грани смерти.

28 июня. — Он вызывает Франциска Ксаверия в Португалию и в Рим.

9 июля. — Учреждает Бразильскую провинцию. Назначает провинциалом о. Мануэля де Нóbрегу.

25 июля. — По просьбам св. Петра Канизия отдаёт распоряжение служить Мессы и молиться за Англию, Германию и северные страны Европы.

Конец августа. — Игнатий начинает диктовать «Автобиографию» о. Гонсалесу да Ка́маре.

3 октября. — Покупает новые дома́ возле участка Обители принесших обеты, чтобы построить церковь.

21 октября. — Из-за недомогания находится в постели.

6 ноября. — После торжественнейших академических актов в Римской Коллегии открываются полные курсы философии и теологии.

1554

1 января. — Св. Игнатий снова горячо поддерживает миссию в Эфиопию.

7 января. — Учреждает три провинции в Испании: Кастилию, Арагон и Бэтику.

16 января. — Высказывает желание (если ему позволит это Общество) отправиться в Африку, в древний Афродисий (ныне Эль-Кеф) чтобы лично начать новую миссию.

17 января. — Желает на некоторое время удержать в Риме Бернарда — первого японца, побывавшего в Вечном Городе.

1 февраля. — Хочет завершить *Конституции*, которые на самом деле он будет совершенствовать в течение всей оставшейся ему жизни.

8 марта. — В церкви Санта-Мария-сопра-Минерва в присутствии 24 кардиналов самым торжественным образом обнародуется булла *Pastoralis Officii*, посредством которой основывается Архибратство Святого Гроба и даётся разрешение на основание Коллегий Общества в Иерусалиме, Константинополе и на Кипре.

Апрель. — Игнатий болеет.

1 мая. — Радуется тому, что Канизий пишет катехизис. Надеется, что Германия вернётся в лоно Католической Церкви, как это происходило в то время с Англией. Радуется тому, что поступили просьбы основать Коллегии в Трансильвании и Польше.

13 мая. — В Римскую Коллегию начинают принимать англичан.

14 июня. — Игнатий тяжело заболевает. Болезнь затягивается на три месяца, в течение которых он лишь с большим трудом может заниматься делами.

Микеланджело Буонаротти берётся за постройку новой церкви Санта-Мария-делла-Страда.

4 августа. — Игнатий одобряет намерение императора Священной Римской Империи основать Венгерскую Коллегию в Риме.

1 октября. — Тяжелейшие экономические затруднения.

6 октября. — Начинаются работы по строительству новой церкви. Работы продолжатся лишь до 1555 г.

26 октября. — В порядке исключения, наложив обязательство строжайшим образом хранить тайну, Игнатий принимает в Общество Иоанну Австрийскую, дочь Карла V.

1 ноября. — Утверждает избрание о. Надаля генеральным викарием, совершённое по его распоряжению священниками-иезуитами, проживающими в Риме.

11–17 ноября. — Болеет, оставаясь в постели.

1 декабря. — Иезуиты собирают в Риме милостыню.

30 декабря. — Игнатий высказывает пожелание, чтобы в каждой итальянской провинции был собственный новициат.

Конец года. — Приобретается усадьба у подножия Авентинского холма, возле терм Каракаллы, для отдыха обучающихся.

1555

5 января. — Игнатий чувствует себя превосходно. Он задумывает отправиться в Лорето после Пасхи, но впоследствии отказывается от этого замысла, поскольку Палский престол остаётся вакантным.

15 января. — Игнатий снова чувствует недомогание.

26 января. — О. Гонсалес да Камара начинает составлять свой *Мемориал*. В Риме находятся около 150 иезуитов.

6 февраля. — На консистории Папа Юлий III решает обеспечить Римскую Коллегию твёрдым доходом. Со смертью Понтифика этот замысел отменяется.

18 февраля. — Надаль назначен генеральным комиссаром в Италии, Австрии и других регионах центральной Европы.

9 марта. — Игнатий возобновляет прерванный рассказ о своей жизни отцу Гонсалесу да Кáмаре.

Июнь–июль. — Игнатий чувствует себя неплохо.

Начало августа. — Учреждается Французская провинция.

1 сентября. — Игнатий чувствует себя превосходно. Из-за нехватки продовольствия более сотни иезуитов покидают Рим, а тем, кто остаётся в городе, несколько урезают рацион.

22 сентября. — Игнатий опять принимается рассказывать о своей жизни отцу Гонсалесу да Кáмаре.

3 октября. — Лаинес, генеральный комиссар в Италии.

18 октября. — Кáмара пишет последнюю заметку для своего *Мемориала*.

22 октября. — Накануне отъезда о. Гонсалеса да Кáмары в Португалию Игнатий заканчивает рассказывать ему о своей жизни.

23–31 октября. — Назначает генеральными ассистентами отцов Мадрида, Лаинеса и Поланко.

13 ноября. — Утверждает Борджа в должности генерального комиссара в Испании, Португалии и Индии.

Ноябрь–декабрь. — Игнатий чувствует себя неплохо до 21 декабря, после чего снова начинает недомогать.

1556

11 января. — Всю оставшуюся часть месяца Игнатий чувствует себя плохо: почти непрерывные боли в желудке и лихорадка.

8 февраля. — Уже несколько месяцев не может служить Мессу. Причащается каждые восемь дней.

12 февраля. — Церковь Общества основательно отреставрирована.

25 февраля. — Конституции и Правила всё ещё не закончены полностью, поэтому пока что разослать их нельзя.

25 мая. — Начиная с этого дня и до самой смерти Игнатия не ос-

тавляет забота об открытии книгопечатни в Римской Коллегии. Он настоятельно требует, чтобы из Венеции прислали типографские литеры.

7 июня. — Учреждает провинцию Верхняя Германия и назначает провинциалом св. Петра Канизия. Несколькими днями ранее была учреждена провинция Нижняя Германия, возглавляемая провинциалом о. Бернардо Оливерию.

11–26 июня. — Игнатий продолжает болеть.

2 июля. — Из-за болезни он переезжает на виллу Римской Коллегии у подножия Авентина. Поначалу чувствует себя лучше. Поручает управление отцам Поланко и Мадриду.

20 июля. — Игнатий пишет, видимо, последнее в своей жизни письмо.

28 июля. — Его самочувствие ухудшается. Он возвращается с виллы в Обитель для принесших обеты.

29 июля. — Просит о. Поланко о том, чтобы его здоровьем занялся доктор Торрес, как обыкновенно происходило со всеми прочими больными.

30 июля (четверг), днём. — Вызывает о. Поланко и поручает ему попросить у Папы благословения для себя, поскольку чувствует себя на грани смерти. Не поверив в то, что положение столь серьёзно, Поланко, выслушав мнение врача, откладывает исполнение данного ему поручения до следующего дня. Вечером о. Игнатий ужинает с отцами Поланко и Мадридом. Они и не подозревают о том, что развязка уже так близка.

31 июля (пятница), на рассвете. — Поланко и Мадрид видят агонию Игнатия. Поланко отправляется просить благословения у Папы. Игнатий умирает примерно в половине шестого в утра присутствии отцов Мадрида и Фрусио. Днём знаменитый хирург Реальдо Колombo производит осмотр трупа. С лица его снимают маску.

1 августа. — Днём тело усопшего хоронят в большей капелле церкви Общества, в стороне Евангелия^г.

---

^г В оригинале «en la parte del evangelio». В латинской Церкви алтарная часть храма делилась на два «рога» (лат. cornu): справа от престола — «рог Послания» (лат. cornu Epistolae), где читался «Апостол», а слева — «рог Евангелия» (лат. cornu Evangelii), где читались Евангелия. — А.К.

1595

Возбуждаются ординарные процессы по беатификации.

1605–1606

Апостольские ремиссориальные процессы.

1609

3 декабря. — Беатификация, осуществлённая Павлом V.

1622

12 марта. — Торжественная канонизация, осуществлённая Григорием XV.

1922

25 июля. — Пий XI объявил св. Игнатия небесным покровителем Духовных Упражнений и всех учреждений и обителей, с ними связанных.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

А.К.: Андрей Коваль

букв.: буквально

ДК: Мигель де Сервантес Сааведра, *Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский*

док.: документ

исп.: испанский

итал.: итальянский

К. де Д.: о. Кándидо де Далмáсес (*S.J.*)

катал.: каталанский

лат.: латинский

S.J.: Общество Иисуса

о.: отец

ок.: около

порт.: португальский

Предисл. Кáм.: Предисловие о. да Кáмары

Предисл. Наð.: Предисловие о. Надаля

прим.: примечание

с.: страница (в русскоязычных изданиях)

франц.: французский

Хрон.: Хронологическая таблица

* * *

AHSI: *Archivum Historicum Societatis Iesu* (*Исторический архив Общества Иисуса*)

CDI: *Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceanía* (*Собрание неизданных документов, относящихся к открытию, завоеванию и колонизации испанских владений в Америке и Океании*), tt. 1–42, Madrid

FD: *Fontes documentales* (*Документальные источники*)

FN: *Fontes narrativi* (*Повествовательные источники*)

MHSI: *Monumenta Historica Societatis Iesu* (*Исторические памятники Общества Иисуса*)

O. F. M.: Ordo Fratrum Minorum (*Орден Меньших Братьев*)

O. P.: Ordo Praedicatorum (*Орден проповедников*)

р.: страница (в иноязычных изданиях)

S.J.: Societas Iesu (*Общество Иисуса*)

vol.: том (в иноязычных изданиях)

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Основная цель настоящего указателя — помочь читателю отождествить имена и фамилии лиц, пишущиеся в «*Автобиографии*» и в комментариях к ней *кириллицей*, с их написанием *латиницей*, чтобы при желании можно было найти сведения об этих лицах в справочных пособиях, изданных на языках, пользующихся латиницей. При этом имена и фамилии приводятся по большей части (хотя и не всегда) в той форме, в какой они встречаются в «*Автобиографии*» или в примечаниях к ней. «По большей части» — поскольку иной раз это было бы попросту нецелесообразно¹.

Кроме того, следует напомнить, что в каждой культурной традиции некоторые иноязычные имена унифицируются, тогда как другие, напротив, различаются. Так, например, мы всякий раз вынуждены «переводить» единообразное испанское *Juan* в тот или иной принятый у нас вариант: *Джованни* (итальянский), *Жан* (французский), *Жоан* или *Жуан* (португальский), *Джон* (английский), *Иоганн* (немецкий), *Иоанн* (условный «греческо-латинский») и т. д. Случаи такого рода в указателе особо не оговариваются.

В каждой статье указывается параграф (§) «*Автобиографии*» или соответствующее примечание (прим.), где упоминается данное лицо. Если то или иное лицо упоминается в *Хронологической таблице*, то указывается соответствующий год (напр., *Хрон. 1515*). В тех случаях, когда лицо упоминается в преамбуле к главе, указывается только глава: напр., *гл. IV*.

А

АББАТ из Поблета (Abad de Poblet): § 31, прим. 14

АГУРРЕТА, Альфонсо де (Alfonso de Agurreta), приор монастыря Сан-Пабло-и-Вальдаура в Манресе: § 31, прим. 14

---

¹ Вряд ли стоило бы приводить, например, испанский вариант имени и фамилии Рудольфа Саксонского: Ludolfus de Sajonia. И, напротив, едва ли есть смысл «исправлять» устоявшийся у нас вариант, заменяя его на более корректный, но непривычный: например, называть Амадиса Галльского (*исп. Amadis de Gaula*) Амадисом «Валлийским» или «Уэльским».

Адриан VI (Адриан Флоренс), Папа Римский (1522–1523): § 18, прим. 11; *зл. IV*; § 40 и прим. 4

Альберт Великий (*лат.* Albertus Magnus, 1193–1206), св. (*О. Р.*): § 57 и прим. 10; § 84, прим. 24

Альварес, Габриэль (Gabriel Álvarez), свящ. (*S.J.*), автор *Истории провинции Арагон*: § 17, прим. 9

Альгвасил, арестовавший св. Игнатия в Алькалэ: § 60

Амадис Галльский (Amadis de Gaula), герой испанского рыцарского романа: § 17, прим. 7

Амигант, Анхела (Angela Amigant), покровительница св. Игнатия в Манресе: § 34, прим. 22

Андрей, св.: *Хрон. 1543*; § 24, прим. 7;

Антесана (Antezana), основатель «госпиталья» *Богородицы Милосердной* в Алькале: § 56, прим. 7

Аппиани, Беатрис (Beatriz Appiani), супруга Веспасиано Колонна, синьора Фонди: § 39 и прим. 1

Араос, Антонио (Antonio Araoz), свящ. (*S.J.*), первый провинциал Испании: *Хрон. 1547*; §§ 16, прим. 6; 17, прим. 9; 18, прим. 10; 85, прим. 27

Ардёволь, Херóнимо (Jerónimo Ardévol), бакалавр, обучавший св. Игнатия латинскому языку в Барселоне: § 54 и прим. 3

Артéага, Хуан де (Juan de Artéaga), товарищ св. Игнатия, епископ Чиapas: §§ 56, прим. 6; 57, прим. 15; 58; 67; 79; 80 и прим. 18; 90, прим. 8

Б

Барреда (Barreda), один из зачинщиков гонения на св. Игнатия в Риме (1538 г.): § 98

«Барселонская сеньора», отговаривавшая св. Игнатия от поездки в Рим: § 36

«Безумная от Таинства» («la loca del Sacramento»): см. Карденас, Тереса де; Энрикес, Тереса

БЕНАВЕНТЕ, Менсия де (Mencía de Benavente), супруга Хуана де БЕНАВЕНТЕ, свидетельница на процессе 6 марта 1527: § 59, прим. 21

БЕНАВЕНТЕ, Хуан де (Juan de Benavente), супруг Менсии де БЕНАВЕНТЕ: § 59, прим. 21

БЕРНАРД, первый японец, побывавший в Риме: *Хрон.* 1554

БЕРНХАРД, Конрад (Conrad Bernhard), паломник в Иерусалим: § 43, прим. 12

БОБАДИЛЬЯ, Альфонсо (Alfonso Bobadilla), товарищ св. Игнатия: *Хрон.* 1534; § 85, прим. 26

«БОГАТЫЙ ИСПАНЕЦ», приютивший св. Игнатия в Венеции: *гл. IV*; §§ 42 и прим. 9; 43; 50 (?)

БОЛЬНОЙ чумой, утешенный св. Игнатием в Париже: § 83

БОРГЕЗЕ, Камилло (Camillo Borghese): см. ПАВЕЛ V

БОРДЖА, Франциск де (Francisco de Borja, 1510–1572), св., Генеральный Настоятель *S.J.* (1565–1572): *Хрон.* 1546; 1550; 1551; 1552; 1555; *Предисл. Кám.*, 1*, примм. 1 и 3; §§ 13, прим. 2; 59, прим. 20; 80, прим. 18; 87, прим. 4

БРОЭ, Пасказ (Pascasio Broët), *S.J.*, провинциал в Италии: *Хрон.* 1551; § 85, прим. 26

БУСТАМАНТЕ, Бартоломé де (Bartolomé de Bustamante), секретарь св. Франциска БОРДЖА: § 59 и прим. 20

В

ВАГАД, Гауберто М. (Gauberto M. Vagad), автор предисловия к *Золотой легенде* Якова Ворáгинского: § 5, прим. 5

ВАДО, Мария дель (María del Vado), мать Луисы ВЕЛАСКЕС, почитательница св. Игнатия в Алькалэ: §§ 61 и прим. 26; 62

ВАРАЦЕ, Якобо де (Jacobo de Varazze): см. Яков Ворáгинский

ВАСКЕС, Хуан (Juan Vázquez), управляющий «госпиталем» *Богородицы Милосердной* в Алькалэ: § 56, прим. 7

ВЕЛАСКЕС, Луиса (Luisa Velázquez) дочь Марии дель Вадо, почитательница св. Игнатия в Алькалэ: §§ 61 и прим. 26; 62

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ВРАЧ, осматривавший св. Игнатия перед отплытием в Иерусалим: § 43

ВЕРАЛЛО, Джерóнимо (Gerónimo Verallo), папский нунций в Венеции, кардинал: §§ 92, прим. 2; 93

ВЕРДОЛЭ, Жан (Jean Verdolay), адресат св. Игнатия: § 93, прим. 8

ВИВЕС, Хуан Луис (Juan Luis Vives, 1492–1542), испанский гуманист, друг и сподвижник ЭРАЗМА Роттердамского: *Хрон.* 1529; § 76, прим. 8

ВИСЕТО (Viseto), переводчик «*Автобиографии*» на латинский язык: §§ 92, прим. 5; 99, прим. 12

Г

ГАЙАНГОС, Паскуаль де (Pascual de Gayangos), издатель *Аматиса Галльского*: § 17, прим. 7

ГАМА, Эрнандес де ла (Hernández de la Gama), коррехидор Гипускоа: *Хрон.* 1515

ГАРДЗОНИ, Квирино (Quirino Garzoni), хозяин виллы на Монте-Пинчо: *Хрон.* 1537; § 98, прим. 4

ГВАРДИАН францисканского монастыря на горе Сион: §§ 45 и прим. 18; 46–47

ГВИДИЧЧОНИ (Guidiccioni), кардинал: *Хрон.* 1539

ГЕРЦОГ ГАНДИЙСКИЙ (Gandía): см. Борджа, Франциск

ГИА (Guía): см. Эгия

ГИНУЧЧИ (Ghinucci), кардинал: *Хрон.* 1539

ГРИГОРИЙ XV (Алессандро Людовизи), Папа Римский (1621–1623): *Хрон.* 1622

ГРИТТИ, Андреа (Andrea Gritti), дож Венеции: § 43 и прим. 10

ГУБЕРНАТОР АСПЕЙТИИ: § 89

ГУБЕРНАТОР КИПРА: см. Никколó Дольфин

ГУБЕРНАТОР ЛОРЕТО: см. Гаспарро де Доктис

ГУВЕЙЯ (Говеа), Диего де, младший (Diego de Gouveia), племянник и тезка Диего де Гувейя-старшего:

ГУВЕЙЯ (Говеа), Диего де, старший (Diego de Gouveia, ок. 1471–

1557), «Доктор-старший», ректор Коллегии св. Варвары в Париже (1520–1548): §§ 77, прим. 9; 78 и примм. 10–11

Д

ДАЛМАСЕС, Кáнди́до де (Cándido de Dalmases, † 1986), свящ. (*S.J.*), историк, издатель трудов св. Игнатия: *passim*

ДАЛЬ, Владимир Иванович (1801–1872), русский писатель, лексикограф, этнограф: §§ 8, прим. 8; 13, прим. 4; 58, *прим. пер.*; 80, *прим. пер.*

ДЕСА, Лопе де (Lope de Deza), управляющий «госпиталем» *Богородицы Милосердной* в Алькалэ (?): § 56, прим. 7

ДОКТИС, Гаспарро де (Gasparro de Doctis), викарий папского нунция в Венеции, губернатор Лорето: § 92 и прим. 2

«ДОКТОР ИЗ КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА» (*doctor de la Seo*), духовник св. Игнатия: § 22 и прим. 6

«ДОКТОР-СТАРШИЙ» (*порт. Doutor Velho*): см. Гувейя, Диего де, старший

ДОЛЬФИН, Никколó (Niccolò Dolfín), губернатор Кипра: § 43, прим. 15

ДОМЕНЕК, Херóнимо (Jerónimo Domenech), секретарь и провинциал *S.J.* на Сицилии: *Хрон. 1544*

ДОМИНИК (Гусман, Domingo Guzmán, 1170–1121), св., основатель Ордена доминиканцев (*S.J.*): § 7

ДОН КАРЛОС Австрийский (Don Carlos, 1545–1568), принц Астурийский, сын Филиппа II и Марии Португальской: § 80, прим. 15

ДОН КИХОТ Ламанчский (Don Quijote de la Mancha), персонаж романа Мигеля де СЕРВАНТЕСА: *Предисл. Кáм.*; 4*, прим. 8; §§ 17, прим. 6; 39, прим. 2; 53, прим. 10; 90, прим. 10

ДОРИА, Андреа (Andrea Doria, 1466–1560), генуэзский кондотьер: § 53 и прим. 10

ДОРИА, Пагано (Pagano Doria), брат Андреа Дория: § 53, прим. 10

Ж

ЖАКАР Ф. (F. Jacquart), ректор коллегии св. Варвары в Париже (1534–1535): *Хрон. 1535*; § 84, прим. 25

ЖЕНЩИНА, искавшая жильё в Париже для доктора Фраго-и-Гарсеса: § 83

Жуан III (Juan III, 1502–1557), король Португалии (1521–1557): *Хрон.* 1542; §§ 6, прим. 7; 58, прим. 16; 80

Жэ, Клод (Claude Jayo, 1502–1552), один из первых товарищей св. Игнатия: *Хрон.* 1546, 1549; § 85, прим. 26

И

Иоанн, св.: §§ 3; 75

Иоанна Австрийская, дочь Карла V, сестра Филиппа II: *Хрон.* 1554

Иоанна Арагонская (Пиньятелли), герцогиня, супруга Асканио Колонна: *Хрон.* 1552

Ипинса, Мигель де (Miguel de Ipinza), свидетель на процессах канонизации св. Игнатия в Памплоне (1607 г.): § 13, прим. 5

Исабель, инфанта, она же Изабелла Португальская (1503–1539), супруга Карла V: § 80, прим. 15

Испанец, заметивший нежелание св. Игнатия сдавать экзамен на степень бакалавра: § 84

Испанец, приютивший св. Игнатия по пути из Феррары в Геную: § 53

Испанец, растративший деньги св. Игнатия в Париже и впоследствии получивший от него помощь в Руане: §§ 73, 79

Испанские солдаты, приютившие св. Игнатия по пути из Феррары в Геную: § 51

Испанский капитан, допрашивавший св. Игнатия: §§ 52–53

Испанский монах, посоветовавший св. Игнатию собирать милостыню во Фландрии: § 76

Испанцы, жившие в Париже вместе со св. Игнатием: § 73

Испанцы, плывшие со св. Игнатием из Венеции на Кипр: § 44

К

КАМАРА, Луис Гонсалес да (Luis Gonçalves da Câmara, ок. 1519–1575), свящ. (S.J.) ассистент в Португалии, записывавший расска-

зы св. Игнатия: *Хрон.* 1553; 1555; *Предисл. Над.*, 4* и прим. 7; *Предисл. Кам., passim*; §§ 34, прим. 23; 36, прим. 26; 60, прим. 23; 73, прим. 1; 79, прим. 13

Канизий, Пётр (*лат.* Petrus Canisius, 1521–1597), св. (*S.J.*), автор «Катехизиса»: *Хрон.* 1546, 1547, 1549, 1553, 1554, 1556

Каньельес, Микаэла (Micaela Canyelles), покровительница св. Игнатия в Манресе: § 34, прим. 22

Капитан, родственник Педро де Перальты: § 78

КАРАФА, Виченцо (Vicenzo Carafa), «Кардинал Неаполитанский», папский легат в Риме: § 98 и прим. 8

КАРАФА, Джанпьетро (Gianpietro Carafa): см. ПАВЕЛ IV

КАРДЕНАС, Гутьерре де (Gutierre de Cárdenas), супруг Тересы де КАРДЕНАС: § 60, прим. 24

КАРДЕНАС, Тереса де († 1529), она же Тереса Энрикес, «Безумная от Таинства», супруга Гутьерре де КАРДЕНАСА, покровительница св. Игнатия: § 60, прим. 24

«КАРДИНАЛ НЕАПОЛИТАНСКИЙ»: см. Виченцо КАРАФА

«КАРДИНАЛ ТЕАТИНСКИЙ» (Cardinal Teatino): см. ПАВЕЛ IV

КАРДОНА (Cardona), знатная каталанская семья: § 35 и прим. 25

КАРЛ III (1759–1788), король Испании (1716–1788): § 31, прим. 14

КАРЛ V (1500–1558), король Испании (1516–1556), император Священной Римской империи (1519–1556): *Хрон.* 1554; §§ 6, прим. 7; 51, прим. 7; 53, прим. 10; 80, прим. 15

КАРРАСКО, Мигель (Miguel Carrasco), инквизитор из Толедо: § 58, прим. 17

«КАРТУЗИАНЕЦ» (El Cartujano): см. Рудольф Саксонский

КАСЕРЕС, Диего де (Diego de Cáceres): § 80, прим. 17

КАСЕРЕС, Лопес де (López de Cáceres), слуга вице-короля Каталонии: §§ 56, прим. 6; 57 и прим. 15; 58; 67; 79; 80 и прим. 17

КАССАДОР, Хайме (Jaime Cassador), адресат св. Игнатия: §§ 54, прим. 2; 91, прим. 12

КАСТИЛЬЯ, Педро де (Pedro de Castilla), испанец, один из зачинщиков гонения на св. Игнатия в Риме (1538 г.): § 91, прим. 7

КАСТРО, Кристо́баль де (Cristóbal de Castro), свящ. (S.J.), автор рукописной *Истории Общества Иисуса в Алькалэ*: §§ 56, прим. 7; 59, прим. 19

КАСТРО, Хуан (Juan Castro, 1485–1556), бакалавр, приор картузианского монастыря Врат Небесных: *Хрон.* 1529; §§ 75 и прим. 7; 75; 77–78; 81; *гл. IX*; 90, примм. 8–9; 93

КАТАЛИНА, сестра Карла V, супруга ЖУАНА III: § 6, прим. 7

КЛАВЕРА, Инес (Inés Clavera), покровительница св. Игнатия в Манресе: § 34, прим. 22

КЛИМЕНТ VII (Джулио Медичи), Папа Римский (1523–1534): § 53, прим. 10

КЛИРИК и его спутники, высмеивавшие св. Игнатия в Алькалэ: § 56
КОВАРРУБИАС (Covarrubias), автор *Тезауруса кастильского наречия*: § 6, прим. 6

КОГОРДАН, Понсьо (Poncio Cogordan), прокуратор обители: *Предисл. Над.*, 3* и прим. 4

КОДАЧО, Пьетро (Pietro Codacio, † 1549), прокуратор S.J.: *Хрон.* 1541; 1549

КОДУРИ, Хуан (Juan Coduri, † 1541), свящ. (S.J.), исповедник МАРГАРИТЫ Австрийской: *Хрон.* 1541; §§ 85, прим. 26; 92, прим. 4; 95; 97

КОЛОМБО, Реальдо (Realdo Colombo), хирург: *Хрон.* 1555

КОЛОННА, Асканио (Ascanio Colonna), герцог Палиано и Тальякоццо, супруг Иоганны Арагонской: *Хрон.* 1552

КОЛОННА, Веспасиано (Vespasiano Colonna), супруг Беатрис Аппиани: § 39, прим. 1

КОНВЕРСИНИ, Бенедетто (Benedetto Conversini), епископ Бертироно, губернатор Рима: § 98, прим. 6

КОНТАРИНИ, Гаспарро (Gasparro Contarini), кардинал: *Хрон.* 1539; § 92, прим. 1

КОНТАРИНИ, Джерóнимо (Gerónimo Contarini), хозяин корабля, шедшего с Кипра до Венеции: § 49 и прим. 2

КОНТАРИНИ, Пьетро (Pietro Contarini), знатный венецианский клирик, прокуратор «госпиталя» «Неизлечимых» († 1563): § 92 и прим. 1

«Король-Католик» (Rey Católico): см. Фердинанд II Арагонский
Корунья, Агустин де ла (Agustín de la Coruña), епископ Полаяна: §
80, прим. 18

Коэльо, Алонсо Санчес (Alonso Sánchez Coello), автор портрета
св. Игнатия: § 90, прим. 8

КСАВЕРИЙ, Франциск (Francisco Javier, 1506–1552), св. (S.J.), *Хрон.*
1529; 1534; 1540; 1549; 1553; §§ 76, прим. 8; 82; 85, прим. 26; 97 и
прим. 17; 98 и прим. 5

Кудрэ (Кодретто), Аннибал дю (Annibal du Coudret, 1525–1599),
свящ. (S.J.), переводчик «Автобиографии» на латинский язык:
Предисл. Над., 4* и прим. 9; § 73, прим. 1

Купец, выплативший св. Игнатию двадцать эскудо в Париже: § 73
Куэльяр, Хуан Веласкес де (Juan Velázquez de Cuéllar, † 1517), стар-
ший казначей короля Фердинанда Католика: *Хрон.* 1506 (?); 1517;
§ 53, прим. 9

Л

ЛАИНЕС, Диего (Diego Laínez, 1512–1565), Генерал S.J. (1558–1565):
Хрон. 1534; 1537; 1555; *Предисл. Над.* 4*; *Предисл. Кám.*, 1*, прим. 3;
§§ 13, прим. 2; 28, прим. 11; 71, прим. 11; 78, прим. 11; 85, прим. 26; 90;
94; 96 и прим. 14; 97 и прим. 18

ЛАНДЕТА, Хуан де (Juan de Landeta), слуга св. Игнатия: § 13, прим. 5

ЛАНДИВАР, Мигель (Miguel Landívar), «наваррец», собиравшийся убить
св. Игнатия в Париже: § 98 и прим. 5

ЛАРА, Антонио Манрике де (Antonio Manrique de Lara), герцог
Нахеры, вице-король Наварры: *Хрон.* 1517; §§ 12, прим. 15; 35,
прим. 25

ЛЕОНОРА (Элеонора) Португальская, сестра Карла V и Каталины,
супруга сначала Мануэля I, а затем Франциска I: § 6, прим. 7

ЛЕОНОРА, дочь Аны де МЕНА, супруга Андреса Лопеса, свидетель-
ница на процессе в Алькалэ (6 марта 1527): § 59, прим. 21

ЛЕТУРИЯ, Педро де (Pedro de Leturia), свящ. (S.J.), историк Обще-
ства: § 40, прим. 4

Лойбе, Ханс (Hans Leube), издатель: § 43, прим. 12

Лойола (Loyola), Игнатий де (Ignacio de Loyola, 1491–1556), основатель *S.J.* и его Генеральный Настоятель (1541–1556), св.: *passim*
Лойола, Ёньиго Лопес де (Íñigo López de Loyola): см. Лойола, Игнатий
Лойола, Мартин Гарсиа де (Martín García de Loyola), старший брат св. Игнатия, сеньор Лойолы: §§ 4, прим. 4; 10; 12; 87 и прим. 2; 88–89
Лойола, Перо Лопес де (Pero López de Loyola), брат св. Игнатия, свящ.: § 13 и прим. 1

Лойола, Хуан Перес де (Juan Pérez de Loyola), первенец родителей св. Игнатия († 1496): § 4, прим. 4

Лопес, Андрэс (Andrés López), супруг Леоноры, дочери Аны де Мена: § 29, прим. 21

Льевэн Валентэн (Valentin Liévin), инквизитор в Париже: *Хрон.* 1535; § 86 и прим. 30

Людовик XII, король Франции (1498–1515): § 6, прим. 7

Лютер, Мартин (Martin Luther, 1483–1546), глава Реформации: § 1, *прим. пер.*

М

Мавр, собеседник св. Игнатия по пути из Наваррета в Монтсеррат: *гл. II*; §§ 15–16

Магдалена де Оньяс-и-Лойола (Magdalena de Oñaz y Loyola), сестра св. Игнатия: § 13 и прим. 3

«МАГИСТР “СЕНТЕНЦИЙ”» (Magister Sententiarum): см. ПЁТР ЛОМБАРДСКИЙ

Мадрид (Madrid), свящ., генеральный ассистент *S.J.*: *Хрон.* 1555

Мази, Дзенобио (Zenobio Masi), гвардиан францисканского монастыря на горе Сион: § 45, прим. 18

Майнард, Августин (Agostino Mainardi), пьемонтский монах-августинец: § 98, прим. 7

Манес, Диего (Diego Manes), командор Ордена св. Иоанна: §§ 43, прим. 15; 44

Манрике, Алонсо (Alonso Manrique), архиепископ Севильский, ге-

неральный инквизитор: § 65, прим. 2

Мануэль I (Manuel I, 1469–1521), король Португалии (1495–1521): § 6, прим. 7

МАРГАРИТА Австрийская (Margarete von Österreich), наместница Габсбургов в Нидерландах (1507–1530): *Хрон. 1545*

МАРЦЕЛЛ II (Марчелло Червини), Папа Римский с 9 по 30 апреля 1555: *Предисл. Кám.*, 4* и прим. 10

Марч, Хосе М. (José M. March), издатель «*Автобиографии*»: § 73, прим. 1

МАСКАРЕНЬЯС, Леонор де (Leonor de Mascarenhas, 1503–1584), воспитательница Филиппа II и принца дона Карлоса, корреспондентка св. Игнатия: § 80, прим. 15; 90, прим. 8

Мать и дочь, спасённые св. Игнатием на пути из Гаэты в Рим: §§ 38–39

Медде, Франсиско де (Francisco de Medde), свящ.: *Хрон. 1547*

МЕНА, Ана де (Ana de Mena), дочь Менсии де БЕНАВЕНТЕ, свидетельница на процессе в Алькалэ (6 марта 1527): § 59, прим. 21

МЕНДОСА-и-БОБАДИЛЬЯ, Франсиско де (Francisco de Mendoza y Bobadilla), кардинал Бургоса: *Хрон. 1548; 1552*; § 69 и прим. 9

МЕХИА, Алонсо (Alonso Mejía), инквизитор в Толедо: § 58, прим. 17

МИКЕЛАНДЖЕЛО Буонаротти (Michelangelo Buonarotti, 1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт: *Хрон. 1554*

МИОНА, Мануэль (Manuel Miona), свящ. (S.J.), духовник св. Игнатия († 1567): § 60 и прим. 23

МОНАХ (О. Р.) из монастыря св. Стефана в Саламанке, духовник св. Игнатия: §§ 64–66

МОНАХ, просивший доктора ФРАГО-и-ГАРСЕСА найти новое жильё в Париже: § 83

МОНАХИ (О. Р.) из монастыря св. Стефана в Саламанке: § 66

МОНАХИ-ФРАНЦИСКАНЦЫ, встретившие св. Игнатия и его попутчиков в Иерусалиме: § 66

МОНАХ-КАРТУЗИАНЕЦ, «знавший много магистров» в Париже: § 75

МОНАХ-ЦИСТЕРЦИАНЕЦ из Манресы, друг св. Игнатия: § 54 и прим. 4

Монтальво, Гарси Ордóньес де (Garcí Ordóñez de Montalvo), издатель *Амадиса Галльского*: § 17, прим. 7

Монтегю, Жиль Эслен де (Gilles Aycelin de Montaigu), архиепископ Руанский: § 73, прим. 4

Мударра (Mudarra), один из зачинщиков гонения на св. Игнатия в Риме (1538 г.): § 88 и прим. 7

Н

«НАБОЖНАЯ ЖЕНЩИНА» (*pia mujer*), узнавшая св. Игнатия в Саламанке: § 64

«НАВАРРЕЦ» (Navarro): 1) Мигель Очоа (§ 87, прим. 4); 2) Мигель Ландивар (§ 98, прим. 5)

Надаль, Ироним (Jerónimo Nadal, † 1583), свящ. (S.J.), составитель *«Автобиографии»* св. Игнатия: *Хрон.* 1548, 1551, 1553, 1554, 1555; *Предисл. Над., passim*; *Предисл. Кам.*, 1*, 3*–4*; §§ 5, прим. 5; 58, прим. 17; 67, прим. 6; 98–100

НАРБАЙС, Андрес де (Andrés de Narbaiz), слуга св. Игнатия: § 13, прим. 5

НИГУСАНТИ, Висенте (Vicente Nigusanti), епископ Арбе в Далмации: § 93, прим. 9

НИКОЛАЙ, старик, за которого молился св. Андрей: § 24, прим. 7

НИЩИЕ в Ферраре, которым св. Игнатий роздал все свои деньги: § 50

НИЩИЙ, попутчик св. Игнатия из Парижа в Руан: § 79

НОТАРИУС, доставивший св. Игнатия в тюрьму в Саламанке: § 67

НОТАРИУС из Алькалы, зачитавший св. Игнатию судебное решение от 1 июня 1527: § 62

НОТАРИУС из Парижа, заверивший решение инквизитора Льевэна: § 86

НОТАРИУС, присутствовавший при допросе св. Игнатия в Алькале: § 61

НОБРЕГА, Мануэль де (Manuel de Nóbrega), провинциал S.J. в Бразилии: *Хрон.* 1553

О

ОВЬЕДО (Oviedo), свящ. (S.J.): *Хрон.* 1551

Ойя, Франсиско де (Francisco de Oya), грозивший убить св. Игнатия: *Хрон.* 1518

ОЛИВЕРИО, Бернардо (Bernardo Oliverio), провинциал S.J. в Нижней Германии: *Хрон.* 1555

Ори, Матео (Mateo Ory), О. Р., приор монастыря св. Иакова, инквизитор в Париже: § 81 и прим. 19

ОРИАНА, персонаж *Амадиса Галльского*: § 17, прим. 7

ОРТИС, Педро (Pedro Ortiz), доктор, автор *Заметок* о «Духовных упражнениях»: *Хрон.* 1538; §§ 93 и прим. 7; 98 и прим. 1

ОСАЭТА, Хуан де (Juan de Ozaeta), свидетель на процессе (1595 г.): *Хрон.* 1521, прим. 2

ОСЕС, Диего де (Diego de Hoces), бакалавр († 1538): §§ 92 и прим. 4; 98

ОЧОА, Мигель (Miguel Ochoa), «НАВАРРЕЦ», свящ., товарищ св. Франциска де Борджа: § 87, прим. 4

П

ПАВЕЛ III (Алессандро Фарнезе), Папа Римский (1534–1549): *Хрон.* 1538, 1539, 1541, 1542, 1545, 1546; 1547, 1548, 1549; § 98

ПАВЕЛ IV (Джанпьетро Карафа), «Кардинал Театинский», Папа Римский (1554–1559): *Хрон.* 1536; *Предисл. Кám.*, 4* и прим. 11

ПАВЕЛ V (Камилло Боргезе), Папа Римский (1605–1621): *Хрон.* 1609

ПАВЕЛ, св.: §§ 3; 86 и прим. 28

ПАГЕРА, Брианда (Brianda Paguera), покровительница св. Игнатия в Манресе: § 34, прим. 22

ПАРАДИНАС, Алонсо Гомес де (Alonso Gómez de Paradinas), генеральный викарий, судивший св. Игнатия в Саламанке: § 68 и прим. 7

«ПАРЕНЬ» (mozo), попутчик св. Игнатия на пути из Гаэты в Рим: § 38

ПАСКУАЛЬ, Инес (Inés Pascual), покровительница и адресат св. Игнатия: *Хрон.* 1525; §§ 34, прим. 22; 73, прим. 2

ПЕДРОЧЕ, Томас де (Tomás de Pedroche), адресат *Апологии «Духовных Упражнений»* о. Надаля: § 58, прим. 17

ПЕНЬЯ, Хуан (Juan Peña), преподаватель философии в Коллегии св. Варвары: § 82 и прим. 21

ПЕРАЛЬТА, Педро де (Pedro de Peralta), проповедник: *Хрон.* 1529; §§ 77 и прим. 9; 78; 81; 90, прим. 8; 93, прим. 7

ПЕРЕЛЬО, Гальсеран (Galcerán Perelló), *О. Р.*, духовник св. Игнатия: § 22, прим. 6

ПЁТР ЛОМБАРДСКИЙ (Petrus Lombardus, ок. 1100–1160), епископ Парижский, автор *Сентенций*: § 57, прим. 11

ПЁТР, св.: *Хрон.* 1521; §§ 3; 75

Пий XI (Акилле Ратти), Папа Римский (1922–1939): *Хрон.* 1922

«ПОДПОЯСАННЫЙ ХРИСТИАНИН» (cristiano de la cintura): § 48 и прим. 21

«ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА» (mujer anciana) из Манресы, молившая Христа явиться св. Игнатию: § 21 и прим. 4; § 37

ПОЛАНКО, Хуан Альфонсо де (Juan Alfonso de Polanco), секретарь и генеральный ассистент *S.J.* († 1576): *Хрон.* 1547, 1548, 1552, 1553, 1555; *Предисл. Над.*, 3*; *Предисл. Кám.*, 1* и прим. 3; §§ 30, прим. 16; 86, прим. 30; 90, прим. 8

ПОПУТЧИКИ св. Игнатия в Падую и Венецию: § 41

ПОРТУОНДО, Родриго (Rodrigo Portuondo), бискаец, «генерал испанских галер»: § 53 и прим. 8

ПОСТЕ, Матиас делле (Mattias delle Poste): *Хрон.* 1546

«ПРЕСВИТЕР ИОАНН» (Preste Juan): *Предисл. Кám.* 4* и прим. 8

ПЬЕН, Игнатий (Ignacio Pien), свящ. (*S.J.*): *Предисл. Кám.* 4*, прим. 13

ПЬЕН, Хуан (Juan Pien), брат Игнатия ПЬЕНА, болландист: *Предисл. Кám.* 4*, прим. 13

Р

РАГАЦЦИНИ, Бенедетто (Benedetto Ragazzoni), хозяин корабля *Негрона*: § 43, прим. 15

РАТТИ, Акилле (Achille Ratti): см. Пий XI

РЕЙНАЛЬД, Жан (Juan Reynalde или Reynauld), францисканец: §§ 57, прим. 15; 58 и прим. 18; 67, прим. 6

РЕКЕСЁН, Луис де (Luis de Requeséns), великий командор Ордена св. Иоанна в Кастилии, воспитанник АРТЕАГИ: § 90, прим. 8

РЕМИГИЙ Реймский, св. († 533): §§ 81 и прим. 20; 82

РИБАДЕНЕЙРА, Педро де (Pedro de Ribadeneira, 1526–1611), свящ. (О. И.), автор *Жизни св. Игнатия* и *Деяний св. Игнатия: Предисл. Кám. 5**, прим. 16; §§ 18, прим. 10; 43, прим. 12

РОДРИГЕС, СимÓN (Simón Rodríguez), провинциал О. И. в Португалии и Арагоне: *Хрон. 1532, 1534, 1537, 1540, 1546, 1552*; §§ 85, прим. 26; 95 и прим. 11

РОСАЛЬ (Rosal), испанский лексиколог: § 54, прим. пер.

РОСАС (Rozas), Родриго (?), испанец в Венеции, которому св. Игнатий давал Упражнения

РОСЕР, Исабель (Isabel Roser), покровительница, сподвижница и корреспондентка св. Игнатия: *Хрон. 1545, 1546*; §§ 54 и прим. 2; 98, прим. 7

РУДОЛЬФ Саксонский (Rudolphus de Saxonia), «КАРТУЗИАНЕЦ» († 1377): *Хрон. 1521*, § 5, прим. 5

«РЫЖАЯ БОРОДА» (Barba Rossa, † 1546), он же ХАЙР-ЭД-ДИН, адмирал флота Османской империи с 1533 г.: § 90 и прим. 10

С

СА, Калисто де (Calixto de Sa, род. в 1506 или 1507), товарищ св. Игнатия: *Хрон. 1525*; §§ 56, прим. 6; 57, прим. 8 и 15; 58; 62; 64; 66; 80 и прим. 16 и 18; 90, прим. 8

САЛОДИО, Маркос де (Marcos de Salodio), провинциал францисканцев на Святой Земле: § 45, прим. 19

САЛЬМЕРÓN, Альфонсо де (Alfonso de Salmerón, 1515–1585), товарищ св. Игнатия: *Хрон. 1534, 1549*; § 85, прим. 26; 90, прим. 8

САН-ИСИДОРО, Фернандо Родригес де (Fernando Rodríguez de San Isidoro), судивший св. Игнатия в Саламанке: § 68 и прим. 7

САН-ПЕДРО, Диего де (Diego de San Pedro), приор монастыря св. Стефа-

на в Саламанке: § 64, прим. 7

САНТО-ТОМАС, Николас де (Nicolás de Santo Tomás), суприор монастыря св. Стефана в Саламанке: §§ 64, прим. 7; 65–66

САНЧЕС, Алонсо (Alonso Sánchez), посланник КАРЛА V в Венеции: § 42 и прим. 8

САНЧЕС, Альфонсо (Alfonso Sánchez), доктор: § 59 и прим. 19

СВИДЕТЕЛИ в Париже, подтвердившие решение инквизитора Льевэна: § 86

СЕБАСТЬЯН (Sebastián), король Португалии: *Предисл. Над.*, 4* и прим. 7

СЕНЬОРА, сочувствовавшая св. Игнатию, заключённому в тюрьму в Саламанке: § 69

СЕРВАНТЕС, Мигель де Сааведра (Miguel de Servantes Saavedra, 1547–1616), испанский писатель: *Предисл. Кám.*, 4*, прим. 8; § 90, прим. 10

СИЛЬВА, Диего де (Diego de Silva), епископ Сеуты: § 92, прим. 5

СИРУЭЛО, Педро (Pedro Ciruelo), профессор Университета в Алькалэ: § 61, прим. 27

СЛУГА Диего МАНЕСА: § 43, прим. 15

СОТО, Доминго де (Domingo de Soto, † 1560), *О. Р.*, профессор Университета в Саламанке, автор «Терминов»: § 57 и прим. 9

СТАНДОНК, Жан (Juan Standonck): § 73, прим. 4

СТРАЖНИКИ в Падуге: § 41

СТРАЖНИКИ на Елеонской горе: § 47

СТРАЖНИКИ, арестовавшие св. Игнатия по пути из Феррары в Геную: § 51

СТРАЖНИКИ, осматривавшие корабль в Венеции: § 42

СУЛЕЙМАН I Великолепный, турецкий султан в 1520–1566: § 90, прим. 10

СУНЬИГА, Хуан де (Juan de Zuñiga), старший командор Кастилии, отец Луиса де РЕКЕСЕНА: § 90, прим. 8

СУПРУГА руководителя «госпиталя» Антесаны, допрошенная на процессе 19 ноября 1526: § 57, прим. 8

Т

ТАЛАВЕРА, Эрнандо де (Hernando de Talavera), архиепископ Гранады, автор *Руководства по исповедям*: § 1, прим. 3

ТАССИ, Анджел (Angel Tassi), гвардиан францисканского монастыря на горе Сион: § 45, прим. 18

ТОЛЕДО, Альварес де (Alvarez de Toledo), кардинал: *Хрон. 1548*

ТОРРЕС (Torres), врач: *Хрон. 1555*

ТРЕВИЗАН, Марк Антоний (Marco Antonio Trevisán), венецианский сенатор: § 42, примм. 7 и 9

Ф

ФАВР, Пьер (Pedro Fabro, 1506–1546), блаж. (О. И.): *Хрон. 1529, 1534, 1537, 1546*; §§ 82; 84, прим. 25; 85 и прим. 26; 94; 95; 96 и прим. 14

ФАРИА, Бальтасар де (Baltasar de Faria), поверенный короля Испании в Португалии и Риме: § 34 и прим. 20

ФАРНЕЗЕ, Алессандро (Alessandro Farnese): см. ПАВЕЛ III

ФАРНЕЗЕ, Алессандро (Alessandro Farnese), герцог Пармский: *Хрон. 1545*

ФЕРДИНАНД II Арагонский (Ferdinando II, 1452–1516), «Король-Католик», король Арагона (с 1479 г.), Сицилии (с 1468 г.), Кастилии (1479–1504), Неаполитанского королевства (с 1504 г.): *Хрон. 1506 (?)*; §§ 6, прим. 7; 21; 53 и прим. 9

ФЕРДИНАНД КАТОЛИК: см. Фердинанд II Арагонский

ФЕРРАН, Бартоломé (Bartolomé Ferrão), секретарь О. И.: *Хрон. 1545*

ФЕРРЕР (Ferrer): сын супругов ФЕРРЕР (Антонио Бенито и Хуаны), слуга Бальтасара де ФАРИА: § 34 и прим. 20

ФЕРРЕР, Антонио Бенито (Antonio Benito Ferrer), супруг Хуаны ФЕРРЕР: § 34 и прим. 20

ФЕРРЕР, Хуана (Juana Ferrer), покровительница св. Игнатия в Манресе: § 34 и прим. 20

ФИГЕРОА, Хуан-Родригес де (Juan Rodríguez de Figueroa), генеральный викарий епископа Толедского в Алькалэ († 23 марта 1565): *Хрон. 1526, 1527*; §§ 58 и прим. 17; 59 и прим. 21; 60, прим. 22; 61 и прим. 25

Филипп II (1527–1598), король Испании с 1556 г.: *Хрон. 1535*; §§ 73 и прим. 3; 80, прим. 15; 90, прим. 8

ФЛОРЕНС, Адриан (Adrian Florensz): см. АДРИАН VI

ФОМА АКВИНСКИЙ (Thomas Aquinas, 1225–1274), св. (*О. Р.*): § 1, прим. 3

ФОНСЕКА-И-АСЕБЕДО, Алонсо де (Alonso de Fonseca y Acebedo), архиепископ Толедский († 1534): *Хрон. 1527*; § 63 и примм. 30 и 33

ФРАГО-И-ГАРСЭС, Херónimo (Jerónimo Frago y Garcés), профессор Священного Писания в Сорбонне († 1537): §§ 82 и прим. 23; 83

ФРАНДЖИПАНИ, Антонио (Antonio Frangipani), хозяин дома в Риме, где жил св. Игнатий: *Хрон. 1538*

ФРАНЦИСК I (François I, 1494–1547), король Франции с 1515 г.: §§ 6, прим. 7; 51, прим. 7; 53, прим. 10

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ (Francesco d'Assisi, 1181–1226), св., основатель Ордена францисканцев: § 7

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЛДАТЫ, арестовавшие св. Игнатия по пути из Феррары в Геную: § 53

ФРАНЦУЗСКИЙ КАПИТАН, приютивший св. Игнатия на дороге из Феррары в Геную: § 53

ФРИАС, Санчо де (Sancho de Frías), бакалавр, судивший св. Игнатия в Саламанке: §§ 67 и прим. 5; 68 и прим. 7; 69; 70

ФРИАС, Франсиско де (Francisco de Frías), судивший св. Игнатия в Саламанке: § 68 и прим. 7

ФУА, Андрэ де (Andres de Foix), сеньор Аспарроса: § 1, прим. 2

ФУА, Жермена де (Germana de Foix), племянница Людовика XII, вторая супруга Фердинанда Католика: § 6, прим. 7

ФРУСИО, Андрэ (Andres Frusio или Freux, † 1556), свящ. (*О. И.*), переводчик *Духовных упражнений* и *Конституций* на латинский язык: *Хрон. 1555*

ФЮССЛИ, Петер (Peter Füssli), автор путевых заметок о паломничестве в Иерусалим: § 43, примм. 12 и 15; 49, прим. 2

Х

Хайр-эд-дин: см. «Рыжая Борода»

ХАГЕН, Филипп (Philippus Hagen), автор путевых заметок о паломничестве в Иерусалим: § 43, примм. 12 и 14

Хиль, Педро (Pedro Gil), свящ., постулятор на процессах канонизации св. Игнатия: § 17, прим. 9

Хозяин судна, взявший св. Игнатия на борт в Барселоне: § 35

«Хуанико»: см. Рейнальд, Жан

ХЮНЕГГ (Hünegg), паломник в Иерусалим: § 43, прим. 12

Ц

ЦИГЛЕР, Хайнрих (Heinrich Ziegler), паломник в Иерусалим: § 43, прим. 12

Ч

ЧЕЛОВЕК, принявший св. Игнатия за больного чумой: § 41

ЧЕРВИНИ, Марчелло (Marcello Cervini): см. МАРЦЕЛЛ II

Чокки, Джованни Мария (Giovanni Maria Ciocchi): см. Юлий III

Ш

ШАНОН, Жан (Juan Chanon), духовник паломников в Монтсеррате: § 17 и прим. 8

ШУРХАММЕР, Георг (Georg Schurhammer), свящ. (*О. И.*): § 76, прим. 8; 78, прим. 11

Э

ЭГИА, Диего де (Diego de Eguía, † 1556), свящ. (*О. И.*), духовник св. Игнатия: § 57 и прим. 13

ЭГИА, Мигель де (Miguel de Eguía), брат Диего де Эгия, печатник: § 57 и прим. 14

ЭГИА, Эстебан де (Esteban de Eguía), свящ. (*О. И.*), брат Диего де Эгия: § 57 и прим. 13

Эльдуйен, Амадор де (Amador de Elduayen), товарищ св. Игнатия: *Хрон. 1529*; §§ 77 и прим. 9; 78

Энрикес, Тереса (Teresa Enríquez): см. КАРДЕНАС, Тереса де; «БЕЗУМНАЯ ОТ ТАИНСТВА»

ЭРАЗМ Роттердамский (*лат.* Desiderius Erasmus Roterodamus), Герхард Герхардс (1469–1536), голландский гуманист: §§ 63, прим. 30; 65 и прим. 2; 81, прим. 19

ЭРНАНДЕС, Каталина (Catalina Hernández), «Блаженная»: § 80, прим. 16

ЭРНАНДЕС, Франсиска (Francisca Hernández): § 80, прим. 16

ЭРРЕРА, Мигель де (Miguel de Herrera), алькальд Памплоны: § 1, прим. 2

ЭСТЕБАН из Суасти: *Хрон. 1521*, прим. 2

ЭСТРАДА, Франсиско (Francisco Estrada), проповедник (*О. И.*): § 98 и прим. 3

ЭЧЕАНДИА (Echeandía), семья: *Хрон. 1521*; § 13, прим. 3

Ю

Юлий II (Джулиано делла Ровере), Папа Римский (1503–1513): § 50, прим. 4

Юлий III (Джованни Мария Чокки дель Монте), Папа Римский (1550–1555): *Хрон. 1550, 1552, 1555; Предисл. Кám.* 4 и примм. 7 и 9

Я

Яков Ворáгинский (Iacobus de Voragine, † 1298), или Варацце (Varazze), *О. Р.*, автор *Золотой легенды*: § 5, прим. 5

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ И ДОКУМЕНТОВ

1. СОКРАЩЁННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Посл. = MI, *Epistulae* (Послания)

Хрон. = MI, *Chronologia* (Хронология)

AA. SS.: *Acta Sanctorum* (Деяния святых)

AHSI: *Archivum Historicum Societatis Iesu* (Исторический архив Общества Иисуса)

FD: *Fontes documentales de S. Ignatio de Loyola* (Документальные источники о св. Игнатии Лойоле)

FN: *Fontes narrativi de S. Ignatio de Loyola* (Повествовательные источники о св. Игнатии Лойоле)

MHSI: *Monumenta Historica Societatis Iesu* (Исторические письменные памятники Общества Иисуса)

MI, *Epp.*: *Epistulae* (Послания)

MI, *Fabri monumenta* (Письменные памятники блаж. Фавра)

MI: *Monumenta Ignatiana* (Письменные памятники о св. Игнатии)

Scripta = MI, *Scripta de S. Ignatio* (Письменные труды о св. Игнатии)

2. ПАПСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

АДРИАН VI

(годы понтификата: 1522–1523)

Разрешение на паломничество в Иерусалим, выданное св. Игнатию 31 марта 1523 г. (AHSI 25 (1956), p. 26; MI, FD, док. № 64)

ПАВЕЛ III

(годы понтификата: 1534–1549)

Булла *Regimini Ecclesiae Universae* (1540)

Булла о пожаловании Обществу Иисуса церкви Санта-Мария-делла-Страда в Риме (1541)

Бреве в пользу обратившихся иудеев (1542)

Булла об учреждении коллегии для катехуменов, обратившихся из иудаизма (1543)

Булла об учреждении Общества в пользу раскаявшихся женщин (1543)

Бреве в пользу Братства катехуменов (1544)

Булла *Iniunctum nobis* (1544)

Бреве, жалующее Общество Иисуса различными милостями и полномочиями (1546)

Бреве, разрешающее принятие в Общество Иисуса духовных и материальных коадьюторов (1546)

Булла об учреждении Гандийского университета (1547)

Юлий III

(годы понтификата: 1550–1555)

Булла, подтверждающая полномочия Общества Иисуса (1550)

Булла об основании Германской Коллегии (1552)

Булла, разрешающая Обществу Иисуса присваивать академические степени (1552)

Булла *Pastoralis Officii* (1554)

3. Труды св. Игнатия Лойолы

В этом разделе указываются не все труды св. Игнатия, но лишь те, которые упоминаются в «*Автобиографии*» или в комментариях к ней. При этом отмечаются только издания, считающиеся официальными, а также непосредственно использованные в работе над переводом. Кроме того, указываются опубликованные на сегодняшний день русские переводы: как полные, так и частичные.

Изданием, по которому выполнен данный перевод «*Автобиографии*», было следующее: SAN IGNACIO DE LOYOLA, *Obras*. BAC, Madrid, 1991. Ниже оно обозначается сокращённо: Лойола, 1991.

а) «*Автобиография*»

(*Autobiografia*)

Оригинальный текст: Лойола, 1991, pp. 731-177.

б) *Конституции Общества Иисуса*

(*Constitutiones Societatis Iesu*).

Официальный латинский текст: *Constitutiones Societatis Iesu a Congregatione Generali XXXIV annotatae et Normae Complementariae ab eadem Congregatione approbatae*. Romae, apud Curiam Praepositi Generalis Societatis Iesu, 1995.

Испанский текст: Лойола, 1991, pp. 431-646.

Русский перевод §§ 53, 61, 63, 81-84, 89, 92, 101-102 *Общего Экзамена*: журнал «Символ», № 26 (декабрь 1991, сс. 129-133).

в) Духовные упражнения
(*Exercitia Spiritualia*)

Критическое издание с тремя латинскими переводами: *Exercitia spiritualia. Textuum antiquissimorum nova editio*, Roma, 1969.

Испанский текст: Лойола, 1991, pp. 179-306.

Русский перевод (С. Лихаревой): журнал «Символ», № 26 (декабрь 1991, сс. 9-120); отдельное издание: «Славянская библиотека», 1996.

г) Духовный дневник
(*Diario espiritual*)

Испанский оригинал: Лойола, 1991, pp. 339-430.

Русский перевод (А.Н.Коваля): Точки (Puncta), №1-2 (2)/2002, сс. 159-238.

д) Правила Общества Иисуса
(*Regulae Societatis Iesu*)

Критическое издание: *Regulae Societatis Iesu*, Romae, 1948 (MHSI 71).

Испанский текст: Лойола, 1991, pp. 647-695.

е) Эпистолярное наследие
(*Epistolae*)

Базовое издание: *Sancti Ignatii de Loyola Epistolae et Instructiones*, 12 vols., Madrid, 1903-1911 (MHSI, ser. I).

Два письма св. Игнатия цитируются в настоящем переводе «Автобиографии» по другому изданию:

Письмо о послушании отцам и братьям в Португалии (26 марта 1553 г.: Лойола, 1991, pp. 932-942 (письмо № 87).

Письмо о совершенстве братьям, обучающимся в Португалии (7 мая 1547 г.): Лойола, 1991, pp. 795-806 (письмо № 36).

4. ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОЧАЯ ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

В комментариях к переводу «Автобиографии» цитируется значительное количество исследований, трудов и произведений на различных языках. Чтобы читатель, отнюдь не обязанный знать все

эти языки, мог составить себе некоторое представление о предмете каждой из этих книг и статей, решено было дать параллельно как оригинальное заглавие (в правом столбце), так и русский перевод этого заглавия (в левом столбце).

В большинстве случаев указывается издание, по которому при желании можно ознакомиться с данным трудом. К сожалению, это не всегда оказалось возможным, и прежде всего потому, что некоторые из этих изданий в России недоступны или труднодоступны. В таких случаях приходилось довольствоваться сведениями, сообщаемыми о Кáндидо де Далмáсесом (О. И.), издателем «Автобиографии».

Иначе обстоит дело с авторами, чьи произведения выходили во множестве изданий (таковы, напр., Сервантес, Эразм и т. п.). Их книги указываются только по заглавию.

А

АБАД, С., «Заметки» доктора Педро Ортиса и его брата, фрай Франсиско, о духовных упражнениях святого Игнатия.

АЙЕСТАРÁН, Х. К., Опыт Божественного утешения.

АЛОНСО, Д., Эразм. Руководство, или учебник, для христианского рыцаря.

АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ, св., Физика в восьми книгах.

АЛЬБАДЕРА, Святой Игнатий в Монтеррате.

АЛЬВАРЕС, Г., История провинции Арагон (не издана, 1607).

Анонимное житие св. Игнатия.

АРОСЕНА.

Abad, C., *Unas «anotaciones» del doctor Pedro Ortiz y su hermano fray Francisco sobre los ejercicios espirituales de San Ignacio*: AHSI 25 (1956), pp. 437–454.

Ayestarán, J. C., *La experiencia de divina consolación*. Roma, 1975.

Alonso, Dámaso, Erasmo. *El Enchiridion o manual del caballero cristiano*. Madrid, 1932.

S. Albertus Magnus, *Physicorum libri VIII*.

Albadera, *Sant Ignati a Montserrat*. Montserrat, 1935

Alvarez, Gabriel, *Historia de la Provincia de Aragón*.

Vida Anónima de San Ignacio.

Arocena, *Boletín de la R. S. Vasc. de Amigos del País*, 17 (1961), pp. 436–437.

АРСЕ, А. (О. Ф. М.), *Иньиго де Лойола в Иерусалиме (1523). Новые данные.*

Arce, A. (O. F. M.), *Iñigo de Loyola en Jerusalén (1523). Nuevos datos: Tierra Santa*, 32 (Jerusalén, 1957), pp. 197–209.

Б

БАЛЬЕСТЕРОС, А., *История Испании.*

Ballesteros, A., *Historia de España.*

БАРТИНА, С. (О. И.), *Святая Земля в жизни и трудах Святого Игнатия Лойолы.*

Bartina, S., *Tierra Santa en la vida y en la obra de San Ignacio de Loyola: Razón y Fe*, 158 (1958), pp. 55–74.

БАТАЙОН, М., *Последователь Иньиго и Блаженная: первое путешествие Калисто в Мексику.*

Bataillon, M., *L'iñiguiste et la Beata: Premier voyage de Calixto a México: Revista de Historia de América*, 31 (México, 1951), pp. 59–75.

БАТЛЬОРИ, М., *Восемь веков каталанской культуры в Европе.*

Battlori, M., *Vuit segles de cultura catalana a Europa.*

БЕЙЕР, Ж., *Святой Игнатий Лойола-картузианец.*

Beyer, J., *Saint Ignace de Loyola chartroux: Nouvelle Revue Théologique*, Nov. 1956, pp. 937–995.

БЁМЕР, Г., *Исследования по <истории> Общества Иисуса. I том: Лойола.*

Böhmer, H., *Studien zur Gesellschaft Jesu. I Band: Loyola*, Bonn, 1914.

БЕРНАР-МЭТР, «Заметки» двоих братьев Ортисов к трактату о выборе из Духовных упражнений (около 1541–1546 гг.).

Bernard-Maitre, *Les «Annotations» des deux frères Ortiz sur le traité de l'élection des Exercices spirituels (vers 1541–1546): Revue d'Ascétique et de Mystique*, 34 (1958), pp. 393–434.

БЛЮТО, *Португальско-латинский словарь.*

Bluteau, *Vocabulario portuguez et latino*, Lisboa, 1720.

БРАНДАО, М., *Инквизиция и преподаватели коллегии <свободных> искусств. Гл. 1: Диего де Гувейя-старший и португальские студенты и преподаватели в парижских школах.*

Brandao, Mario, *A Inquisição e os professores do Colégio das Artes, Coimbra*, 1948. Cap. 1: *Diego de Gouveia Sênior e os estudantes e professores portugueses nas escolas de Paris*, pp. 1–253.

Г

ГАРСИА, Х. К., *Очерк об одной типографии в Алькалэ.*

García, Juan Catalina, *Ensayo de una tipografía complutense.* Madrid, 1889.

ГОНЬИ, Х., *Печатник Мигель де Эгуа.*

Goñi, José, *El impresor Miguel de Eguía:* Hispania Sacra, 1 (1948), pp. 35–88.

Д

ДАЛМАСЕС, К. ДЕ, 1941: *Обучение святого Игнатия в Барселоне (1524–1526).*

Dalmases, Cándido de, *Los estudios de San Ignacio en Barcelona (1524–1526):* AHSI, 10 (1941).

ДАЛМАСЕС, К. ДЕ, 1950: *Заметки к биографии и наследию святого Игнатия: I. Спорное чтение в «Автобиографии»: «preti» или «predetti».*

Dalmases, Cándido de, *Notas ignacianas. I. Una lectura controvertida de la Autobiografía: «preti» o «predetti»:* Estudios Eclesiásticos, 24 (1950), pp. 91–97.

ДЕЛЬ ПЬЯЦЦО, М. — ДАЛМАСЕС, К. ДЕ, *Процесс об ортодоксальности святого Игнатия и его товарищей, проходивший в Риме в 1538 г.*

Del Piazzo, M. — Dalmases, C. de, *Il processo sull'ortodossia di sant'Ignazio e dei suoi compagni, svoltosi a Roma nel 1538:* AHSI 38 (1969), pp. 431–453.

ДЮДОН, П., *Святой Игнатий Лойола.*

Dudon, P., *Saint Ignace de Loyola.* Paris, 1943.

И

ИРИРАТЕ, Х., *Где находилось то место, где был принесён обет целомудрия.*

Irirarte, J., *Fijando el sitio del voto de castidad:* Manresa, 3 (1927), pp. 156–164.

К

КАМАРА, Л. Г. ДА, *«Мемориал» (Некоторые вещи, отмеченные отцом Луисом Гонсалесом в жизни отца нашего Игнатия). Ок. 1573–1574 г.*

Cámara, Luis Gonçalves da, *«Memorial» (Algumas cousas que o Padre Luis Gonçalves notou na vida de nosso Padre Ignacio):* FN, vol. I, pp. 508–752.

КИШРА, *История <коллегии> святой Варвары.*

Quicherat, *Historia de Saint Barbe.*

Книга о ратном строе (1647 г.): Валльгаузен И. Я., *Учение и хитрость ратного строения пехотных людей*. М., 1647.

КОВАРРУБИАС, *Тезаурус кастильско-го, или испанского, наречия*.

Covarrubias, *Tesoro de la lengua castellana o española*. Madrid, 1611.

КОДИНА, А., *Происхождение Духовных упражнений*.

Codina, A., *Los orígenes de los ejercicios espirituales*. Barcelona, 1926.

КОЛЬ, Х.-М., *Святой Игнатий Лойола и монастырь святого Доминика в Манресе*.

Coll, J. M., *San Ignacio de Loyola y el convento de Santo Domingo, de Manresa: Analecta Sacra Tarraconensia*, 29 (1956), pp. 313–343.

КОНРАДИ, Л., *Четыре сочинения рейнских паломников в Палестину*.

Conrady, L., *Vier rheinische Palaestina-Pilgerschriften*. Wiesbaden, 1882.

КОРУНЬЯ, А. ДЕ ЛА (Agustín de la Coruña), *Письмо св. Франциску Борджа* (8 апреля 1565): Archivio Romano della Compagnia di Gesù, *Hisp.* 102, fol. 168.

КРЕЙКСЕЛЬ, Х. (О. И.), 1922: *Святой Игнатий Лойола*.

Creixell, Juan, *San Ignacio de Loyola*, vol. I. Barcelona, 1922.

КРЕЙКСЕЛЬ, Х. (О. И.), 1931: *Шпага святого Игнатия Лойолы, преподнесенная Богородице Монсерапатской* (25 марта 1522 г.).

Creixell, Juan, *La espada de San Ignacio de Loyola ofrenda a la Virgen de Montserrat* (25 marzo de 1522). Barcelona, 1931.

КРО, *Святой Франциск Ксаверий. Новые документы*.

Cros, *Saint François de Xavier. Documents nouveaux*, 1ère série. Toulouse, 1894.

Л

ЛАИНЕС, Д., *Беседы о книге «Экзаммен Конституций»* (1599 г.).

Le esortazioni del P. Lainez sull' «Examen Constitutionum» (ed. C. De Dalmases); AHSI 35 (1966), pp. 132–185.

ЛАРРАИН, Р. (О. И.), *Автобиография Игнатия Лойолы* (перевод на современный испанский язык).

Larraín, Raimundo, *Autobiografía de Ignacio de Loyola*. Centro de espiritualidad ignaciana, Chile, 1996.

ЛАРРАÑЬЯГА, В. (изд.), *Полное собрание сочинений святого Игнатия*.

Larrañaga, Victoriano (ed.), *Obras completas de San Ignacio*. Madrid, BAC, 1947.

ЛЕТУРИЯ, П. ДЕ, 1940: *Важное значение 1538 г. в исполнении «Монмартрского обета»*.

Leturia, Pedro de, *Importancia del año 1538 en el cumplimiento del «Voto del Monmartre»*: AHSI 9 (1940), pp. 188–207.

ЛЕТУРИЯ, П. ДЕ, *Хронологическая таблица*.

Leturia, Pedro de, *Estudios ignacianos*, vol. I, pp. 11–52.

ЛЕТУРИЯ, П. ДЕ, *Дворянин Иньиго Лопес де Лойола*.

Leturia, Pedro de, *El gentilombre Iñigo López de Loyola*. Barcelona, 1949.

ЛИСАРРАЛЬДЕ, Х. А. ДЕ (О. Ф. М.), *История Богородицы Арáнсасу и её святилища*.

Lizarralde, José Adrián de (O. F. M.), *Historia de la Virgen y del santuario de Aránzazu*. Oñate, 1950.

ЛОНГХЁРСТ, Дж. Э., *Святой Игнатий в Алькалэ*.

Longhurst, John E., *Saint Ignatius at Alcalá*: AHSI 26 (1957), pp. 252–257.

М

МАДУРЕЛЬ, Х. М — ДАЛМАСЕС, К. ДЕ, *Херóнимо Ардéволь, учитель святого Игнатия, и преподавание гуманитарных наук в Барселоне с 1508 по 1544 гг.*

Madurell, J. M. — Dalmases, C., *Jerónimo Ardévol, maestro de San Ignacio, y la enseñanza de las Humanidades en Barcelona de 1508 a 1544*: AHSI 37 (1968), pp. 370–407.

МАРКЕС, А., *«Озарённые». Их происхождение и философия. 1525–1559*.

Márquez, A., *Los alumbrados. Orígenes y filosofía. 1525–1559*. Madrid, 1972.

МАРТИНОРИ, Э., *Монета. Общий словарь*.

Martinori, E., *La moneta. Vocabulario generale*. Roma, 1917.

МАРЧ, Х. М., 1925: *Кто и откуда родом был манресский монах, друг святого Игнатия?*

March, José M., *¿Quién y de dónde era el monje manresano amigo de S. Ignacio?*: Estudios Eclesiásticos, 4 (1925), pp. 185–193.

МАРЧ, Х. М., 1942: *Воспитательница короля дона Филиппа и принца дона Карлоса, донья Леонор де Маскареньяс. Её жизнь и добродетельные поступки. Рассказ монахини, её современницы.*

МАРЧ, Х. М., *Детство и юность Филиппа II.*

March, José M., *El aya del rey don Felipe y del príncipe don Carlos, doña Leonor Mascareñas. Su vida y obras virtuosas. Relación de una religiosa su contemporánea: Boletín de la Sociedad Española de Excursionistas*, t. 46, Madrid, 1942.

March, José M., *Niñez y juventud de Felipe II.*

Н

НАДАЛЬ, Х., *Апология Общества Иисуса против парижских докторов (1557 г.).*

НАДАЛЬ, Х., *Апология Духовных Упражнений.*

НЕБРИХА, Э.-А., *Введение в латинскую грамматику, пересмотренное, исправленное и снабжённое дополнениями Мартином Ибаррой Кантабрийским. Напечатано в Барселоне 3 октября 1523 г.*

НОНЕЛЬ, *Игнатиева Манреса.*

Nadal, Jerónimo, *Apología de la Compañía de Jesús contra los doctores de Paris: FN*, II.

Nadal, Jerónimo, *Apología de los Ejercicios Espirituales: MI, Epp. Nadal, IV*, pp. 820–826.

Aelii Antonii Nebrissensis in Latinam Grammaticam Introductiones a Martino Ibarra Cantabro recognitae et castigatae atque additamentis cumulatae, Barcinonae impressae anno MDXXIII mensis Octobris die III.

Nonell, *Manresa ignaciana.*

О

ОЧОА, Мигель (Miguel Ochoa), *Письмо св. Игнатию (8 января 1552 г.): MHSI, Litterae Quadrimestres*, vol. I, p. 494.

П

ПЕРРОА, А., *Святой Игнатий Лойола*. Пер. с франц. Н. Бока. New York, 1956; отрывки: журн. «Символ», № 26 (декабрь 1991), сс. 135–194.

ПЁТР ЛОМБАРДСКИЙ, *Четыре книги сентенций.*

Petrus Lombardus, *Sententiarum Libri IV.*

Поджи, В., *Иезуиты и изучение латинского языка в царской Империи: IUS ANTIQUM (ДРЕВНЕЕ ПРАВО)*. I. Москва, «Спарк», 1996, сс. 191–198.

Поланко, Х.-А. де, *Жизнь святого Игнатия...*

Поланко, Х.-А. де, *Краткое изложение наиболее знаменательных вещей, касающихся учреждения и развития Общества Иисуса.*

Прат, Ж.-М., *Исторические и критические исследования об Обществе Иисуса во Франции.*

Пуиг, И., *Альбом Игнатиевой Манресы.*

Poggi, V., *Gesuiti e studio del Latino nell' Impero zarista.*

Polanco, Juan Alfonso de, *Vita Sancti Ignatii...*: Chronicon Polanci, vol. I (MHSI).

Polanco, Juan Alfonso de, *Sumario de las cosas más notables que a la institución y progreso de la Compañía de Jesús tocan*: FN, vol. I, pp. 146–256.

Prat, J. M., *Recherches historiques et critiques sur la Compagnie de Jésus en France.*

Puig, I., *Album de Manresa ignaciana.* Barcelona, 1950.

Р

РЕГЕРА, М. П. ДЕ ЛА, *Бартоломэ де Бустаманте.*

РЕКОНДО, 1956.

РЕКОНДО, 1961.

РИБАДЕНЕЙРА, П. ДЕ, *Деяния: О деяниях отца нашего Игнатия.*

РИБАДЕНЕЙРА, П. ДЕ, *Жизнь Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса, в пяти книгах, в которых рассказывается также о начальном этапе этого Общества вплоть до 1556 г.*

РОДРИГЕС-ГРАИТ, И., *Игнатий Лойола и коллегия Монтегю; влияние Стандонка на Игнатия.*

Reguera, Manuel Pereda de la, *Bartolomé de Bustamante.* Santander, 195.

Recondo, *Razón y Fe*, 153 (1956).

Recondo, *Príncipe de Viana*, 22 (1961).

Ribadeneira, Pedro de, *De actis Patris Nostri Ignatii*: MHSI, FN, vol. I.

Ribadeneira, Pedro de, *Vita Ignatii Loyolae, Societatis Iesu fundatoris, libris quinque comprehensa; in quibus initia ipsius Societatis ad annum usque Domini 1556 explicantur.* Neapoli, 1572.

Rodríguez-Grahit, I., *Ignace de Loyola et le Collège de Montaigu; l'influence de Standonck sur Ignace*: Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 20 (1958).

Рудольф САКСОНСКИЙ, *Жизнь Господа нашего Иисуса Христа, тщательно составленная из четырёх Евангелий и Учителей, одобренных Католическою Церковью* (ок. 1350 г.).

Rudolphus de Saxonia, *Vita Domini Nostri Iesu Christi, ex quattuor Evangeliiis et approbatis ab Ecclesia Catholica Doctoribus sedule collecta*.

С

САЛАСАР, А. ДЕ, *Общее зеркало грамматики в диалогах*.

Salazar, Ambrosio de, *Espejo general de la Gramática en diálogos*, 1614.

САЛАСАР-и-КАСТРО, Л., *Генеалогическая история дома Лара*.

Salazar y Castro, L., *Historia genealógica de la Casa de Lara*.

САПИКО, Д.-Ф., *Письмо святого Игнатия о его первой Мессе*.

Zapico, D. Fernández, *La carta de San Ignacio sobre su primera misa*: AHSI 1 (1932), pp. 100–104.

САРРЕТ-и-АРБОС, *Религиозная история Манресы*.

Sarret y Arbós, *Historia religiosa de Manresa*.

СЕБАЛЬОС, А. Р. Г. ДЕ

Ceballos, A. R. Gutiérrez de, AHSI 32 (1963), pp. 3–102.

СЕЛЬКЕ-ДЕ-САНЧЕС, А.

Selke de Sánchez, Angela, *Bulletin Hispanique*, 54 (1952), pp. 125–152.

СЕРВАНТЕС, М. ДЕ СААВЕДРА, *Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский*.

Servantes, Miguel de Saavedra, *El ingenioso hidalgo Don Quijote de La Mancha*.

СИКИА, А., *Учитель и ученик в Алькалэ: Педро Санчес Сируэло и Иньиго де Лойола*.

Siquía, A., *Un maestro y un alumno de Alcalá: Pedro Sánchez Ciruelo e Iñigo de Loyola*, Madrid, 1988.

Словарь испанского языка Испанской Королевской Академии.

Diccionario de la lengua española, por la Real Academia Española, ed. 1970.

СОЛА, Ф., *Реликвия: шпага святого Игнатия*.

Solá, F., *La reliquia de la espada de San Ignacio*: Espíritu, Barcelona, 1956.

СОТО, Д. ДЕ, *Термины, или Суммулы*.

Soto, Domingo de, *Termini, seu Summulae*. Burgos, 1529.

Т

ТАККИ ВЕНТУРИ, П., *История Общества Иисуса в Италии*.

Tacchi Venturi, P., *Stòria della Compagnia di Gesù in Italia*, vol. I-II. Roma, 1950–1951.

ТАЛАВЕРА, Э. ДЕ, *Руководство по исповедям* (1482 г.).

Talavera, Hernando de, *Manual de confesiones*: Nueva Biblioteca de Autores Españoles, t. 16, Madrid, 1917.

Ф

ФАРУЗИ Ф., *ИЕЗУИТ: семантическая эволюция этого слова*: журнал «Символ», № 26 (декабрь 1991), сс. 207–211.

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*. Тт. I–IV, Спб., «Азбука», 1996.

ФЕРНАНДЕС-МАРТИН, Л., 1975: *Иньиго Лопес де Лойола и процесс против Мигеля де Эрреры, алькальда Памплонской крепости*.

Fernández Martín, Luis, *Iñigo López de Loyola y el proceso contra Miguel de Herrera, alcalde de la fortaleza de Pamplona*: Príncipe de Viana, 140–141 (1975), pp. 471–534.

ФЕРНАНДЕС-МАРТИН, Л., 1983: *Иньиго де Лойола, «поручик» замка Фермоселье?*

Fernández Martín, Luis, *Iñigo de Loyola, ¿«teniente» del castillo del Fermoselle?*: Hispania Sacra, 35 (1983), pp. 143–159.

ФИТА, Ф., 1890.

Fita, Fidel, *Boletín de la Real Academia de la Historia*, 17 (1890).

ФИТА, Ф., 1898.

Fita, Fidel, *Boletín de Real Academia de la Historia* (Madrid), 33 (1898).

ФОМА АКВИНСКИЙ, СВ., *На IV Сент.: Сочинение на Книги Сентенций магистра Петра Ломбардского, Епископа Парижского*, кн. IV.

THOMAS AQUINAS, S., *Scriptum super Libros Sententiarum Magistri Petri Lombardi Episcopi Parisiensis*, lib. IV.

ФОМА КЕМПИЙСКИЙ († 1471), *О подражании Христу*.

Thomas à Kempis, *De imitatione Christi*.

ФУКЕРЭ А., *История Общества Иисуса во Франции*.

Fouqueray H., *Histoire de la Compagnie de Jésus en France*. T. I, Paris, 1910.

Ц

Цвет святых: см. Яков Ворáгинский.

Flos Sanctorum.

Ч

Четыре книги об Амадисе Галльском, изд. Гарси Ордоньеса де Монтальво (между 1492 и 1505).

Los quatro libros de Amadis de Gaula, ed. Garci Ordóñez de Montalvo, entre 1492 и 1505.

Ш

ШУРХАММЕР, Г., Франциск Ксаверий, книга вторая: *В парижской высшей школе*. Испанский перевод: Франциск Ксаверий. Его жизнь и его время. (Бильбао, 1969). Книга вторая: *В Парижском университете (1525–1536)*.

Schurhammer, G., *Franz Xavier*, zweites Buch: *Auf der Hohen Schule von Paris*. Traducción española: *Francisco Javier. Su vida y su tiempo* (Bilbao, 1969). Libro segundo: *En la Universidad de Paris (1525–1536)*.

Э

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ, *Руководство для христианского воина* (1502 г.).

Erasmus Roterodamus, Desiderius, *Enchiridion militis christiani*.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ, *Как писать письма*.

Erasmus Roterodamus, Desiderius, *De conscribendis epistulis*, Amsterdam, 1682.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ, *Переписка*.

Erasmus Roterodamus, Desiderius, *Opus epistolarum*, vols. I–XII, Oxford, 1906–1958.

ЭРЕДИА, Б.

Heredia, Beltrán de, *Revista española de teología*, 10 (1950), pp. 105–130.

ЭРНАНДЕС, Б., *Кем были люди, судившие святого Игнатия в Саламанке*.

Hernández, B., *Identidad de los personajes que juzgaron a San Ignacio en Salamanca*: AHSI 52 (1983), pp. 3–51.

Я

Яков Ворáгинский, *Золотая легенда*, или *Цвет святых* (XIII век).

Iacobus de Voragine, *Legenda aurea*, seu *Flos sanctorum*.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Портрет св. Игнатия Лойолы	3
Фронтиспис	14
Ранение в Памплоне (§ 1)	16
Чудесное исцеление (§ 3)	19
Чтение житий святых (§ 5)	21
Видение Богоматери (§ 10)	25
Отправление в Наваррет (§ 12)	27
Мулица выбрала столбовую дорогу (§ 16)	32
Бдение над оружием (§ 17)	34
Смена одежды (§ 18)	36
Наваждение (§ 19)	41
Пост (§ 24)	44
Духовная помощь (§ 26)	47
Обучение (§ 27)	48
Видение Троицы (§ 28)	50
Видение Христа (§ 29)	51
Видение воплощённого Христа (§ 29)	53
Великое озарение (§ 30)	55
Посох против дьявола (§ 31)	57
Радостная мысль о смерти (§ 33)	58
Деньги на лавке (§ 36)	61
Богатый испанец (§ 42)	67
Строгость (§ 43)	69
Явления Господа (§ 44)	72
На Елеонской горе (§ 47)	76
«Подпоясанный христианин» (§ 48)	77
Испытания маленького кораблика (§ 49)	80
Милостыня в Ферраре (§ 50)	81

Ещё одно видение Христа (§ 52)	83
Учёба в Барселоне (§ 54)	87
Тюрьма в Саламанке (§ 69)	103
Монмартрский обет (§ 85)	117
По дороге в Лойолу (§ 87)	121
На родине (§ 88)	123
Рукоположение первых иезуитов (§ 93)	129
В Бассано (§ 95)	132
Видение в Ла Сторте (§ 96)	134
Видение души бакалавра Осеса (§ 98)	137
Составление Конституций (§ 101)	141
Карта путешествий паломника	142–143
Эмблема Общества Иисуса	144
Смерть св. Игнатия 31 июля 1556 г.	153
Отпевание св. Игнатия 1 августа 1556 г. в церкви Санта-Мария-делла-Страда	154
Канонизация св. Игнатия, осуществлённая Папой Григорием XV 12 марта 1622 г.	171
Открытие Германской Коллегии Общества Иисуса	173
Легенда о рождении св. Игнатия	174

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗ ПАЛОМНИКА О СВОЕЙ ЖИЗНИ, или «Автобиография» св. Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса (Ордена иезуитов)

ПРЕДИСЛОВИЕ О. НАДАЛЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ О. ЛУИСА ГОНСАЛЕСА ДА КАМАРЫ	8
ГЛАВА I	15
1. Молодость святого Игнатия. Ранение в Памплоне. — 2. Его доставляют в Лойолу, где он с великим мужеством переносит болезненной операцию. — 3. Принимает <последние> Таинства. В канун дня святых Петра и Павла начинает чувствовать улучшение. — 4–5. Хочет, чтобы ему отрезали неправильно сросшуюся кость. Выздоровливая, читает благочестивые книги. — 6. Его донимают различные дүхи.	
ГЛАВА II	29
13. <Игнатий> покидает Лойолу; посещает святилище Богоматери в Арáнсасу; направляется в Наваррет; отпускает сопровождавших его слуг. — 14–15. Встречается с неким мавром, с которым спорит о девственности Пресвятой Богородицы. — 16. Покупает платье паломника. — 17–18. В Монтсеррате совершает генеральную исповедь и бодрствует над оружием у престола Богоматери. Направляется в Манресу.	
ГЛАВА III	39
19. Покаянная жизнь Игнатия в Манресе. Ему является в воздухе странное видение. — 20–21. Его начинают донимать различные дүхи. — 22–25. Он переживает настоящую бурю сомнений. — 26–33. К Игнатию возвращается душевный покой; Бог наставляет его; он часто получает Божественные поучения и проявления благосклонности Небес. Сильнейшее озарение. — 34. Игнатий переживает тяжёлую болезнь и смягчает суровость своего покаяния. — 35–37. Он отправляется в Барселону, где готовится к путешествию в Италию.	

- ГЛАВА IV 64
38–39. Игнатий сходит с корабля в Газте и отправляется в Рим. —
40–41. Получив благословение Папы Адриана VI, он направляет-
ся в Венецию. — 42–43. Его благосклонно принимает некий испанец. Он получает возможность бесплатного проезда до Святой Земли; отплывает на Кипр; пресекает безобразия, творившиеся на корабле. — 44–48. Прибывает в Иерусалим и с великим благоговением посещает Святые Места. Не получив разрешения остаться там, он вынужден вернуться в Европу.
- ГЛАВА V 78
49. Возвращаясь из Палестины через Кипр и пережив сильную бурю, <паломник> сходит на берег в Венеции. — 50–53. Он решает идти в Барселону учиться. По пути из Генуи проходит через Феррару и через лагерь императорских и французских войск. Его хватают как шпиона, унижают, и ему является Иисус Христос. Он садится на корабль в Барселону.
- ГЛАВА VI 86
54–55. В Барселоне <паломник> начинает учиться; ему приходится преодолеть некоторые трудности, встающие перед ним. — 56–57. Он направляется в Алькалу, чтобы изучать философию и теологию. — 58–59. Занимается преподаванием упражнений и разъяснением христианского вероучения. Подвергается судебному процессу. — 60–62. Его помещают в темницу, а затем отпускают на свободу. — 63. Он выходит из Алькалы в направлении Вальядолида и Саламанки.
- ГЛАВА VII 98
64–66. <Паломник> приходит в Саламанку, и немного спустя его допрашивают отцы доминиканцы. — 67–70. Его заключают в тюрьму до тех пор, пока, признав невиновным, не отпускают на свободу. Однако ему ставят некоторые условия относительно его труда во благо душ. — 71–72. Он решает отправиться в Париж.
- ГЛАВА VIII 106
73–75. В Париже <паломник> повторяет курс обучения гуманитарным наукам. — 76. Он отправляется во Фландрию и в Англию, чтобы собирать подаяние. — 77–78. О судьбе некоторых духовных учеников Игнатия. — 79. Он отправляется в Руан, чтобы помочь одному испанцу. — 80. Чем закончили некоторые первые товарищи Игнатия. — 81. На него доносят Инквизиции. — 82–84. Он посвящает себя изуче-

нию высших наук. Приобретает себе товарищей. Его здоровье ухудшается. Ему советуют отправиться к себе на родину, чтобы поправиться. — 85. Монмартрский обет. — 86. Незадолго до своего отъезда <паломник> по собственному побуждению является к инквизитору и по его просьбе отдаёт ему копию книги Упражнений.	
ГЛАВА IX	120
87. <Паломник> отправляется к себе на родину. — 88–89. Устраивается в одном «госпитале». Ревностно совершает благие дела в Аспейтии. — 90. Посещает Памплону, Альмасан, Сигуэнсу, Толедо, Валенсию. Навещает доктора Кастро. — 91. Садится на корабль до Генуи, куда прибывает после сильной бури. После тяжких тревожений прибывает в Болонью. Оттуда идёт в Венецию.	
ГЛАВА X	127
92. В Венеции <паломник> даёт Упражнения. — 93. Его преследуют, но в конце концов признают невиновным. С ним воссоединяются <его> товарищи, прибывшие из Парижа. Прождав несколько месяцев, они отправляются в Рим, чтобы получить разрешение предпринять паломничество в Палестину. По возвращении из Рима принимают рукоположение те, кто не были священниками. — 94–95. Дожидаясь возможности сесть на корабль, они расходятся по разным городам, входившим во владения Венеции. Святой Игнатий навещает Симона Родригеса, заболевшего в Бассано. — 96–97. Товарищи снова разделяются по различным городам Италии. Идут в Рим. В пути святого Игнатия посещает знаменитое видение.	
ГЛАВА XI	136
98. Паломник отправляется в Монтекассино давать упражнения доктору Ортису. Видит в небе душу бакалавра Осеса. К паломнику присоединяется Франсиско Эстрада. В Риме паломник занят преподаванием упражнений. Преследование, возбуждённое против него и против его товарищей. Паломник идёт во Фраскати, чтобы поговорить с Павлом III. Благоприятное судебное решение. Благочестивые учреждения, основанные и поддерживаемые в Риме. Набожность паломника и чрезвычайные дары молитвы. — 99–101. О том, как он писал Упражнения и Конституции.	
А. Н. Коваль ЭНЕКО — ИНЬИГО — ИГНАТИЙ: путь и слово паломника (от переводчика)	145
ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ЖИЗНИ СВЯТОГО ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ	191

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ	212
УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ	213
УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ И ДОКУМЕНТОВ	233
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	246

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

**КОЛЛЕДЖ ФИЛОСОФИИ, ТЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ**

СВЯТОГО ФОМЫ АКВИНСКОГО

В МОСКВЕ

(Лицензия № 002739)

**Ежегодно объявляет
прием на 1 курс**

Форма обучения – вечерняя. Срок обучения – 5 лет

В Колледж принимаются лица с высшим или средним образованием. Программа Колледжа предусматривает глубокое и всестороннее изучение истории философии, религиозной философии, богословия и библеистики, истории христианства и других основных мировых религий.

Адрес Колледжа: 105005 Москва, ул. Фридриха Энгельса 46, стр. 4 (м. “Бауманская”)

Телефон для справок: 261-01-46.

Факс: 261-33-59

e-mail: thomas-secr@yandex.ru

Читайте на страницах журнала

2001 год

Юлий Шрейдер. Христос – источник и основа новой европейской культуры.

Станислав Опеля. Вопрос о смысле жизни как путь к абсолюту.

С.С. Хоружий. Аналитика смерти в “SEIN UND SEIT”: некоторые аспекты деконструкции.

Стефано Каприо. Слово и тайна в вере отцов.

Петер-Ханс Кольвенбах. Воспитание в духе св. Игнатия.

Александр Шишков. Св. Бернар Клервосский: учение о человеческой свободе и церковной политике.

Владимир Бибихин. К византийской антропологии.

Светлана Неретина. Августин: вещь и ее обозначение.

Св. Августин. О христианском учении.

Андрей Коваль. ΔΙΣΣΟΣ ΛΟΓΟΣ: заметки по сравнительной поэтике философских текстов.

Максим Пылаев. К спорным моментам “Святого” Рудольфа Отто.

Игнатий Крекшин. “Мы-философия” С.Л. Франка в аспекте его социального учения.

Валерий Губин. Существование и творчество.

2002 год

Рассказ паломника о своей жизни, или “Автобиография” св. Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса (Ордена иезуитов).

Андрей Коваль. Энеко – Иньиго – Игнатий: путь и слово паломника.

Св. Игнатий Лойола. Духовный дневник.

Андрей Коваль. Чудо, ставшее явным. “Духовный дневник” святого Игнатия Лойолы.

Симон Деклу. Комментарий к “Духовному дневнику”.

По вопросам приобретения обращаться по адресу: 105005 Москва, ул. Фридриха Энгельса 46, стр. 4 (м. “Бауманская”).

Телефон: 261-01-46.

Факс: 261-33-59

e-mail: puncta@yandex.ru

Добро пожаловать в нашу библиотеку!

Независимый Российский Регион Общества Иисуса

Приглашает специалистов, аспирантов, студентов и любителей философии, теологии и истории религий пользоваться фондом библиотеки в читальном зале Колледжа философии, теологии и истории Святого Фомы Аквинского в Москве (ул. Фридриха Энгельса 46, стр. 4, проезд до метро ст. Бауманская.).

Здесь Вы найдете интересные труды и публикации из области Ваших научных исследований (на русском и иностранных языках). Фонд библиотеки составлен при содействии зарубежных учебных и культурных центров Общества Иисуса и частных дарителей.

Телефон для справок о работе читального зала: 261-01-46.

BIBLIOTHECA IGNATIANA

Богословие, **Духовность**, Наука

Св. Игнатий Лойола

Рассказ паломника о своей жизни, или «Автобиография»
св. Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса
(Ордена иезуитов)

Перевод со староиспанского и староитальянского А.Н. Ковалёва

Компьютерная верстка — С. Хос

Издание Колледжа философии, теологии и истории
св. Фомы Аквинского в Москве.

Адрес издательства:

105005 г. Москва, ул. Фридриха Энгельса 46, стр. 4

тел.: 261-01-46

e-mail: thomas-secr@yandex.ru

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.-печ. л.16. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1183

Московская типография № 2

Министерства Российской Федерации

по делам печати, телерадиовещания

и средств массовых коммуникаций (МПТР России).

Тел.: 282-24-91. 129085, Москва, пр. Мира, 105.

ВІБЛІОТЕКА ІГНАТІАНА
Богословие, **Духовность**, Наука

